

SLOVENICA

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РОССИЙСКО-СЛОВЕНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

SLOVENICA

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РОССИЙСКО-СЛОВЕНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

I

Санкт-Петербург

АЛЕТЕЙЯ

2011

УДК 94(47:497.4)

ББК 63.3(2)6-36

C48

Главный редактор: доктор исторических наук
K. B. Никифоров

Редколлегия выпуска:
доктор исторических наук *K. B. Никифоров*
доктор исторических наук *I. B. Чуркина* (отв. ред.),
кандидат филологических наук *Ю. А. Созина*

Рецензенты:
доктор филологических наук *A. C. Демин*,
кандидат филологических наук *M. B. Проскурнина*

C48 SLOVENICA I: История и перспективы российско-словенских отношений / гл. ред. К. В. Никифоров; отв. ред. И. В. Чуркина. — СПб.: Алетейя, 2011. — 256 с.

ISBN 978-5-91419-429-8

Альманах *Slovenica* задуман в Институте славяноведения РАН как первое в России научное издание по проблемам словенистики, призванное привлечь широкое внимание к истории и современному состоянию российско-словенских гуманитарных исследований и научных и культурных связей, расширить круг изучаемых вопросов, продолжить плодотворное сотрудничество ученых двух стран. В основу первого выпуска легли материалы конференции «Исторические основы и перспективы российско-словенских отношений», а также новейшие работы российских и словенских историков, политологов, филологов, культурологов и журналистов. В сборнике исследуются неизвестные страницы прошлого и актуальные вопросы современности.

УДК 94(47:497.4)

ББК 63.3(2)6-36

ISBN 978-5-91419-429-8

9 785914 194298

© Институт славяноведения РАН, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

Предисловие

Основу книги составляют материалы международной научной конференции «Исторические основы и перспективы российско-словенских отношений», состоявшейся 31 мая 2006 г. Конференция была организована при содействии словенского посольства и по инициативе посла Республики Словении в Москве А. Бенедейчича (2005–2008) к 15-летию основания Республики Словении и 14-летию установления дипломатических отношений с Россией. В конференции приняли участие девять российских ученых и пять ученых из Словении. На пленарном заседании выступили д-р Дмитрий Рупел, министр иностранных дел Словении, посол Словении Андрей Бенедейчич и директор ИСл РАН Константин Владимирович Никифоров.

Впоследствии к докладам, представленным для сборника участниками конференции, присоединились статьи других словенских и российских ученых, исследовавших указанную тему.

Предваряют сборник выступление на открытии конференции Рупела, который подчеркнул, что в настоящее время намечается рост интереса словенской молодежи к изучению русского языка, и обзорная статья Никифорова, в которой рассказывается об исследованиях культуры, истории и литературы Словении, осуществляемых в Институте славяноведения РАН.

Статьи распределены по трем разделам: 1) история российско-словенский взаимоотношений, 2) судьба и наследие отдельных личностей, сыгравших немаловажную роль в развитии этих отношений, и 3) исследование различных аспектов во взаимодействии культуры, литературы, языка, фольклора обеих стран.

Основой современных российско-словенских взаимосвязей стали уходящие в глубь веков исторические свидетельства, случайные или предопределенные ходом истории контакты словенцев и русских. О самых ранних из них, имеющих документальное подтверждение, рассказывается в статье Искры Васильевны Чуркиной, которая прослеживает отдельные факты, начиная с XII в. и кончая XIX — серединой XX вв., когда эти взаимоотношения стали носить регулярный и более широкий характер. Словенский историк д-р Марьян Дрновшек останавливается на поездках в Россию в XIX — начале XX вв. простых словенцев, сведения о которых зафиксированы в австрийских официальных документах. Особым, не-предвзятым — без налета излишней восторженности — отношением к России отличается статья д-ра Стане Гранды, прослеживающего развитие

контактов между двумя народами до конца Первой мировой войны. Тему того нелегкого времени продолжает очерк А. Бенедечича о трагической судьбе русских военнопленных, погибших под снежной лавиной на перевале Вршич, когда они строили в 1916 г. дорогу, соединившую Верхнюю Крайну с долиной реки Сочи. Оставшиеся в живых их товарищи построили над их могилой часовню в русском стиле. В настоящее время ежегодно около нее проводят Дни Русской культуры.

ХХ век со всеми его сложностями и противоречиями наложил особый отпечаток на российско-словенские отношения. Эти процессы освещены в статьях академика Словенской академии наук и искусств Йоже Пирьевца, исследовавшего острейшие моменты в отношениях России и Словении с 1918 г. до настоящего времени на материале российских, словенских и итальянских архивов, и д-ра Бояна Годеша, сосредоточившегося на периоде 1918–1945 гг. Завершает раздел статья директора Института исторических исследований Научно-исследовательского центра Приморского университета (г. Кoper, Словения) д-ра Эгона Пеликаны, обратившегося к проблеме ревизионизма в современной исторической науке и на материале словенской и — шире — европейской истории периода между Первой и Второй мировыми войнами развенчивающего новейшие «мифы», претендующие на научность и пытающиеся поставить знак равенства между фашизмом и коммунизмом.

Во второй раздел вошли статьи об отдельных личностях, сыгравших известную роль в развитии русско-словенских контактов. Среди них: барон Сигизмунд (Жига) Герберштейн, открывшего Европе своими «Записками о Московии» по существу жизнь, обычаи и нравы наших предков (статья Анны Леонидовны Хорошкович); врач Григорий Оглар-Карбонарий, долгое время лечивший российского императора Петра I (статья Чуркиной); словенский просветитель, издатель одной из первых газет на словенском языке, крупный общественный деятель Я. Блейвейс (статья Любови Алексеевны Кирилиной), поэт, драматург и переводчик Павел Голиа (статья Татьяны Ивановны Чепелевской), писатель и ученый-русист Братко Крефт (статья Марианны Леонидовны Бершадской). Большой интерес представляют неизвестные данные о деятельности в словенских землях видных российских этнографов Харузиних, которые приводит в своей статье Мариам Мустафаевна Керимова, специально рассмотревшая работы Харузиних, связанные с посещением и описанием словенских земель, быта словенцев, их жилищ и т. д. Портреты, представленные в данном разделе, история жизни и творчества конкретных людей весьма наглядно демонстрируют глубину и разносторонность российско-словенских отношений.

Третий раздел открывается статьями, касающимися общих корней словенцев и русских, уходящих в глубокую древность. Исследование Елены Евгеньевны Левкиевской посвящено своеобразию словенской мифологии, которая, находясь на пересечении различных культур, представляет собой настоящий уникум. В статье Любови Викторовны Куркиной на материале земледельческой лексики рассматривается проблема лексической близости словенского языка с языками восточнославянских земель. Проблемам формирования словенской терминологии, являющейся одним из важных показателей зрелости национального языка, посвятила свою статью словенская лингвистка Катарина Огринц, внимательно проследившая естественные языковые процессы, а также вклад отдельных словенских интеллектуалов в корректировку и ускорение этих процессов в конце XVIII — первой половине XIX вв. Исследовав развитие культурно-просветительских обществ в 60-е гг. XIX в. (читален) по материалам словенской периодики того времени, словенский литературовед д-р Уршка Перенич представила уникальные сведения о их литературных интересах, обусловленных идеальной направленностью того времени. Надежда Николаевна Старикова сделала специальный обзор того, как представлена словенская литература в России, начиная с работ первых университетских профессоров-славистов вплоть до настоящего времени, ею затронуты проблемы изучения словенской культуры, преподавания словенистики, перевода словенских писателей. Статья Юлии Анатольевны Созиной раскрывает сложившийся в современной словенской литературе образ России, далеко не всегда однозначный.

Сборник завершает тема Любляны, столицы современной Словении. Словенский лингвист Сильво Торкар в своей статье дал свое толкование происхождения имени этого города. Ирина Дмитриевна Макарова-Томинец исследовала современную языковую ситуацию в городе и показала своеобразную картину вариативности люблянского койне, используемого жителями в зависимости от разных факторов — контекста, статуса и образования собеседника, цели сообщения — в различных модификациях. В заключении — очерк Н. С. Пилько о Любляне, где автор рассказывает о самом городе, о впечатлении, которое он на нее произвел.

Данный сборник является первым в серии «*Slovenica*», в которой российские и словенские ученые будут представлять свои труды по русско-словенским отношениям, по словенской и русской истории и культуре.

Редакция

Димитрий Рупел

Исторические основы и перспективы российско-словенских отношений¹

Для меня большая честь и удовольствие открыть научную конференцию «Исторические основы и перспективы российско-словенских отношений», которая здесь в Российской Академии наук собрала ученых из наших стран. Особенно меня радует, что конференция происходит в то время, когда мы отмечаем пятнадцатую годовщину словенской государственности и четырнадцатую годовщину установления русско-словенских межгосударственных отношений. Как первый словенский министр иностранных дел я хорошо помню подписание Протокола об установлении дипломатических отношений между Республикой Словения и Российской Федерацией 25 мая 1992 г. С российской стороны соглашение в Любляне подписал тогдашний министр иностранных дел А. В. Козырев. Он произвел впечатление на словенскую общественность, выразив надежду, что наши государства будут так же близки, как похожи наши государственные флаги. С удовлетворением оглядываясь теперь на пройденный путь, мы можем констатировать, что это пожелание воплотилось в жизнь.

В прошлом году мы были свидетелями интенсификации внешнеполитического сотрудничества между Словенией и Россией во время председательства Словении в ОБСЕ. В роли председательствующего этой организации я трижды посетил Москву, а мой коллега министр Лавров в декабре участвовал в юбилейной сессии совета министров ОБСЕ в Любляне, которая продолжалась три дня. Мне бы хотелось особо подчеркнуть, что я рассматриваю свое настоящее возвращение в Москву в составе официальной делегации во главе с председателем правительства Республики Словения, как подтверждение прекрасных отношений между нашими государствами и отражение высокой степени взаимного доверия. Я вижу в этом стимул к дальнейшему развитию и обогащению наших отношений.

Конечно, наши отношения возникли не на пустом месте. Уже задолго до установления межгосударственных отношений между словенцами и русскими существовали связи, которые мы сейчас рассматриваем как драгоценную основу сотрудничества между нашими народами. Действительно, в некотором смысле мы идем по стопам наших предков. Словенская дипломатия в своих контактах с русской стороной выступает в действительности как наследница Сигизмунда Герберштейна, первого

словенского дипломата. Он в начале XVI в. в качестве посланца тогдашнего императора Священной Римской империи побывал в Великом княжестве Московском и описал свои две миссии туда в замечательной книге «Записки о Московии»². Он одним из первых приблизил Россию и русский народ остальной Европе.

Можно также отметить, что словенские фармацевтические предприятия, которые сейчас интенсивно сотрудничают с русскими, следуют примеру Грегора Боглара Карбонария, который в XVIII в. прославился как врач Петра I.

И, наконец, рост интереса к русскому языку в Словении, который мы наблюдаем в последние годы, можно сравнить с его популярностью среди словенской интеллигенции в XIX в., когда наш известный поэт Антон Ашкерц восторженно писал:

Ты, прекрасный язык братский, славянский,
Как ты радуешь мой слух!

Стихи Ашкерца представляют прекрасную возможность вспомнить также и славянскую составляющую, которая связывает Словению и Россию. Эта наша общая языковая, культурная и историческая общность имеет особое значение, учитывая важные изменения, которые произошли в Европе, и которым мы были свидетелями. Речь идет о включении Словении и трех других славянских государств в Европейский союз 1 мая 2004 г., благодаря чему он впервые получил также и славянскую составляющую. Это означает также необходимость усилить сотрудничество славянских государств для введения своего идентитета в европейский контекст. Поэтому я хотел бы выразить удовлетворение развитием все больших контактов между нашими государствами в области культуры и науки. В начале июня в Любляне будет проведена неделя русского фильма при участии признанного русского режиссера, директора концерна «Мосфильм» Карена Шахназарова. Сегодня я во второй половине дня подпишу на официальной встрече делегаций Программу сотрудничества между нашими правительствами в области культуры, науки и образования на следующие два года. Меня также радуют конкретные переговоры по совместным проектам, которые мы будем проводить в рамках Форума славянских культур, основанного в Любляне два года назад. Я убежден, что Форум может особым образом связать не только Словению и Россию, но также и остальные славянские государства, действуя как мост между европейским Востоком и Западом.

Примечания

¹ Речь министра иностранных дел Республики Словения, проф. д-ра Д. Рунела, на открытии научной конференции «Исторические основы и перспективы российско-словенских отношений» (Москва, 31 мая 2006 г.).

² Речь идет о сочинении С. Герберштейна «Записки о Московии», также называемом «Записки о Московитских делах». — Прим. ред.

К. В. Никифоров

На солнечной стороне Альп

История любого балканского или центрально-европейского народа никогда не была простой. Словенцы — не исключение. Однако судьба была к ним все-таки относительно милостивой. Большую часть XX в. Словения входила в состав Югославии, причем как самый процветающий и развитой край. Даже обретение независимости далось Словении сравнительно легко — ее почти миновали беды югославского кризиса и череда межэтнических гражданских войн в конце прошлого века. При переходе к демократии и рынку она отказалась от шоковой терапии и показала пример самой удачной трансформации не только среди государств, возникших на обломках Югославии, но и вообще среди всех бывших социалистических стран. Сегодня Словения уже среднеразвитое, по европейским меркам, государство, которое с начала 2007 г. перешло на общеевропейскую валюту — евро.

Конечно, главная заслуга в этом самих словенцев — трудолюбивых, спокойных, доброжелательных. Самые западные из южных славян они переняли много ценного и многому научились у своих неславянских соседей. При этом они остались словенцами, бережно сохраняющими свою славянскую самобытность и свою национальную культуру. Недаром так по-славянски звучит даже само название их страны. Не удивительно, что именно по инициативе Словении в 2004 г. возникла такая международная организация, как Форум славянских культур, которая развернула работу практически во всех славянских странах.

Говоря о Словении, нельзя не сказать и о том, что это исключительно красивая страна. По российским масштабам она небольшая, но удивительно разнообразная, раскрывающаяся новыми гранями и красками в разные времена года. Все под рукой на этой компактной территории

между Центральной Европой и Балканами: от солнечной стороны Альп до бирюзовых вод Адриатического моря.

К сожалению, в России о Словении знают еще недостаточно, хотя русско-словенские связи берут начало с конца XVIII в. Тогда же в России зарождалось научное славяноведение — комплексное изучение зарубежных славянских народов. Сегодня классические традиции отечественной славистики продолжает Институт славяноведения РАН, отметивший три года назад свое 60-летие. Без преувеличения, в нем сегодня собраны основные научные силы российских словенистов.

Еще в 60–70-е гг. прошлого века сотрудники Института много сделали для изучения словенской литературы. Н. И. Кравцов — автор глав по истории культуры и литературы словенцев в больших обобщающих трудах — и Е. И. Рябова — не только ученый, но и популяризатор прозы словенских писателей. Благодаря ее переводам читатели в нашей стране получили возможность познакомиться с творчеством М. Краньца, И. Потрча, Ф. Бевка, П. Зидара, Ю. Козака, Ц. Космача, И. Цанкара. Она была первым у нас профессиональным исследователем поэтики Цанкара, этого выдающегося словенского прозаика, писала великолепные вступительные статьи к его изданиям.

Сегодня традиции Е. И. Рябовой продолжает в Институте Т. И. Чепелевская, подготовившая к печати книгу «Очерки словенской литературы в историко-культурном освещении». Недавно вышла в свет монография Н. Н. Стариковой «Словенский исторический роман 1920–1930-х годов. Типология. Генеалогия. Поэтика». Особенности развития литературы в Словении изучает Ю. А. Созина. В настоящее время Т. И. Чепелевская и Ю. А. Созина закончили библиографию словенистических работ за два последних десятилетия, которая будет издана отдельной брошюрой. Лингвистические проблемы затрагивались в кандидатской диссертации Г. И. Замятиной «Старославянская акцентная система и ее отражение в Библии Ю. Далматина (1584)».

Развитие исторической словенистики в Институте славяноведения и в целом в сегодняшней России связано с именем И. В. Чуркиной. Ее многолетние исследования вылились в четыре монографии — две на русском языке («Словенское национальное движение в XIX в. и Россия», М., 1978; «Русские и словенцы», М., 1986) и две на словенском («Matija Majar Ziljski», Ljubljana, 1974; «Rusko-slovenski kulturni stiki: od konca 18. stoletja do leta 1914», Ljubljana, 1995). Она — автор многочисленных статей о политической и культурной истории Словении с VI в. до 1914 г., много занималась публикацией документов, в том числе принимала активное участие в работе над совместным российско-

словенским сборником документов «Словения. Путь к самостоятельности» (М., 2001).

Сейчас И. В. Чуркина является ответственным редактором и составителем российско-словенского труда «Русско-словенские отношения в документах. XII в. — 1914 г.», который уже вышел в свет. Это совместный российско-словенский проект, который ведут Российский государственный архив древних актов и Архив Республики Словения.

Работающие в Институте славяноведения историки-словенисты Л. А. Кирилина и Н. С. Пилько — ученицы И. В. Чуркиной. Л. А. Кирилина — автор монографии «Словенцы и революция 1848–1849 гг.» (М., 2000). Сейчас она работает над книгой «Словенские политические партии второй половины XIX — начала XX вв.». Н. С. Пилько выпустила в свет книгу «Словения в годы оккупации. 1941–1945). Вместе со своими молодыми коллегами И. В. Чуркина в настоящее время завершает работу над первой в России «Историей Словении».

Даже этот совсем беглый перечень того, что сделано в Институте славяноведения РАН (а мы не говорили о статьях и разделах по словенской истории и культуре в журналах, сборниках и обобщающих трудах), показывает, что Словения в России не забыта, что ее историю и культуру серьезно изучают. Можно легко найти намного более крупные государства, которые не смогут похвастаться таким к себе профессиональным вниманием в России.

В последнее время российско-словенское сотрудничество активизировалось. Это напрямую относится и к Институту славяноведения, у которого давно сложились тесные связи с институтами Словенской академии наук и искусств. Так, заключено, например, соглашение о сотрудничестве с Институтом словенской литературы и литературоведения. Наш Институт сотрудничает с Философским факультетом Университета в Любляне. В мае 2009 г. мы заключили договор с коллегами из этого университета по совместному проекту «Русский человек в восприятии славян. По материалам художественных и документальных произведений». Через полтора года по этой теме предполагается провести совместную конференцию. Не так давно началось наше сотрудничество и с новым Приморским университетом в Копере.

31 мая 2006 г. в Институте славяноведения прошла международная российско-словенская конференция «Исторические основы и перспективы российско-словенских отношений» (совместно со Словенской академией наук и искусств и Посольством Республики Словения в Москве). Особый вес конференции придало то, что на ее открытии с приветственным словом о важности сотрудничества славянских народов в

культуре, науке и образовании выступил Дмитрий Рупел, в то время министр иностранных дел Республики Словения.

Всего на конференции было представлено 14 докладов, с которыми выступили 9 российских ученых и 5 ученых из Словении. В частности, с докладом «“Записки о Московии” С. Герберштейна как памятник русско-словенских и русско-славянских связей» выступила А. Л. Хорошевич. Недавно под ее редакцией вышел в свет большой труд в двух томах «Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии» (М., 2008). В первом томе на русском, латинском и немецком языках напечатан сам труд Герберштейна (настоящее издание содержит исправления и дополнения по сравнению с предыдущим). Во второй том помещены расширенные комментарии и статьи австрийских, белорусских, венгерских, немецких, словенских и российских ученых. Кроме Института славяноведения, выходу в свет этого издания способствовали австрийское Федеральное министерство науки и исследований, Польский культурный центр в Москве и Посольство Республики Словения в Москве.

11 ноября 2008 г. в Институте славяноведения состоялся круглый стол «Янко Лаврин и Россия» организованный совместно с Обществом словенистических исследований (США). Как известно, Россия занимала особое место в творчестве этого журналиста, ученого, писателя, переводчика: издание журнала «Славянский мир», сотрудничество с русскими периодическими журналами, участие в литературной жизни России, наконец, преподавание в Англии с 1918 г. русской литературы и написание многих книг, посвященных А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому. Для участников круглого стола был показан документальный фильм словенского режиссера Аны Нуши Драган «Янко Лаврин: весь словенский, весь русский, весь английский, весь космополит».

Еще одна российско-словенская конференция «Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев» состоялась в Москве 31 марта 2009 г. Она была организована Институтом славяноведения совместно с Научно-исследовательским центром Приморского университета в Копере. На конференции было прослушано 14 докладов, из которых 5 принадлежало словенским коллегам. Одним из центральных был доклад академика Словенской академии наук и искусств Й. Пирьеца «Словенско-русские связи в XIX и XX вв.».

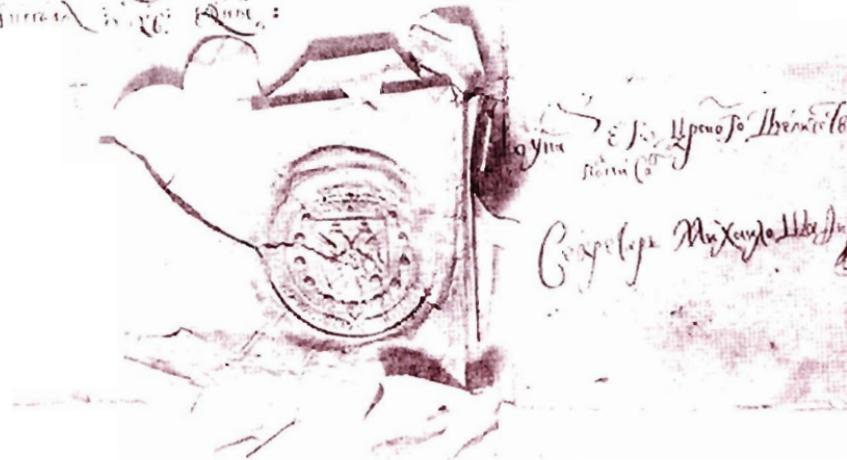
Тема этой конференции отражает большое научное направление, разрабатываемое в Институте славяноведения совместно со словенскими коллегами на долгосрочной основе. В силу этого, а также вследствие увеличивающегося объема публикаций по словенистической проблематике

тике было решено на регулярной основе издавать в Институте славяноведения альманах «Slovenica» о славянском межкультурном диалоге, авторами которых будут заинтересованные российские и словенские ученые, а также специалисты из других стран. Первой книгой в новой серии стал сборник «Исторические основы и перспективы российско-словенских отношений», который читатель держит в руках. В следующий сборник войдут доклады, произнесенные на конференции «Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев».

Дворянский герб Григория Оглара-Карбонария.
Архив Республики Словении

поспишиши ауыщем листиню. на Погре бороды 176
 ием и отече вро о Государинѣ и прочим прочим засою
 бъялеть симъ Рому стоянѣ отчины Чеславскѣ Панъ
 Савинъ ого присядинно подвога Живаго Оцеславиого
 Благовеста Римского Венчага. ишт доиттое Мигорѣ
 Рогонаги Ассызенеиѣ быть осталъ въшей ыладеяще
 шехъ иштъ. Сопѣ тѣ прѣмъ ний слѣдъ бѣрно. иштъ
 прѣа иштупонѣ глибъ изгѣдно, яко надежинѣ досро
 йишишю Домпога иштѣ, сине для Сирии Средини спо
 юми простишъ насъ. Оботишие споемъ воинчестию (бо
 Египетиѣ, иштъ тужайиѣ ево путью Заденою исподи
 Сюжы вѣрнѣиѣ юонишанѣ иштъ пады сѣргие Сирии съ
 Поклонистѣй юнушинъ попелкии. ишады вътъ безъѣ свободнѣй
 Иштъ ивѣздегрѣзинѣиѣ путью бытъ; тогдѣ Ради Пресненіиѣй
 Шохтѣ погрѣшишаго Венчаго иштъ Еро съ иштого пакиша.
 Римского ивогодишииѣхъ воинчестию. Ассадишииѣ Сирии Іаудѣ
 Иштѣ простишъ иштупонихъ вѣченѣ посполитиѣ иштупиѣ вѣкъ
 Око сїе въ пасомѣ Употребленіиѣ быти Махина иштуплено
 иштупиѣ сїи Сирии Венчаго Пресненіиѣ. Седи сеи же
 Ния Печати, чинайиѣ бѣда подобру сподѣшио. Занѣто
 Иштѣ вѣланыхъ сирии. Иштѣ вѣланыхъ вѣланѣ иштѣ под
 Ния Римского Содѣлкииѣ. Ходѣтшииѣ: иштупишииѣ
 Погрѣшииѣ свободнѣйшаго Махина. Иштѣ Еро иштъ пасъ Занѣто
 Иштого вѣнчаго иштупиѣ Пресненіиѣ. Сине для Сирии иштѣ
 Ассаиѣ иштѣ Римъ:

Подорожная Карбонарию (Оглару), подписанная Петром I
и М. Шафировым (AS 1038. Оригинал 71,5 x 50,5 см, бумага,
наклеенная на ткань)

I. ИСТОРИЯ

И. В. Чуркина

Русские и словенцы на протяжении столетий

Контакты между предками словенцев и русских уходят своими корнями в глубокую древность, когда славянские племена проживали на общей прародине. Они не прервались окончательно и после расселения славян, хотя предки словенцев заняли юго-западную окраину территории обитания славян, а предки русских — северо-восточную. Иначе как объяснить тот факт, что киевский монах Нестор, живший в XII в., не только знал о предках словенцев карантанцах (он называл их хорутанами), но и знал об их языковой близости, об их общем происхождении с древнерусским народом.

XII—XV вв. — трудное время для обоих народов. Ранние государственные образования предков словенцев Карантания и Нижняя Паннония были захвачены иноземными завоевателями — немцами, итальянцами, венграми, начавший формироваться класс словенских феодалов исчез, частично истребленный, а частично слившись с феодальным классом завоевателей. Соответственно и правящая и образованная элита в словенских землях являлась немецкой или итальянской. О словенцах местные хроники почти не упоминали, фиксируя события, происходившие в привилегированных кругах. Только в XVI в. словенцы начали заявлять о себе: с распространением лютеранства словенские протестантские священники создали словенский письменный язык и литературу на нем.

В XII—XV вв. русский народ также переживал один из самых тяжелых периодов своей истории. После установления в Киевской Руси феодальной раздробленности уже в первой половине XIII в. русские земли попали под власть своих агрессивных соседей: западная их часть попала под власть поляков и литовцев, восточная — под власть татаро-монголов. Особенно жестоким было татаро-монгольское иго, полностью освободиться от которого русские смогли только в конце XV в.

К началу XVI в. положение изменилось. На востоке Европы возникло

крупное государство Великое княжество Московское, с которым все более вынуждены были считаться соседние державы. Одной из главных своих задач новое государство считало собирание всех земель, некогда входивших в состав Киевской Руси. Большая их часть находилась в Великом княжестве Литовском и королевстве Польше. Посредником в сложных дипломатических отношениях между этими тремя государствами выступил император Священной Римской империи немецкого народа Максимилиан I. В качестве своего представителя он послал в Москву имперского посла барона Сигизмунда (Жигу) Герберштейна, первого посла такого ранга отправленного в Московское княжество. Герберштейн происходил из знатной немецкой семьи, имевшей владения в Випавской долине в провинции Крайна, населенной по преимуществу словенцами. Он знал словенский язык, что дало ему возможность непосредственно общаться с московским населением. Герберштейн дважды побывал в Москве — в 1517 и 1526 гг., всего прожив в ней год и три месяца. Результатом этой поездки стала его книга «Записки о Московии», вышедшая в свет в 1549 г. и открывшая для Европы Московское государство¹. Современные словенцы чтят Герберштейна как первого словенского дипломата.

Книга Герберштейна, несомненно, была известна словенским протестантам. Для них вопрос о родстве словенцев с другими славянами имел не только отвлеченный научный интерес, но являлся и вопросом идеологическим — связь словенцев с огромным славянским миром возвышала их в собственных глазах и в глазах окружавших их народов, была важным аргументом в доказательстве их права на существование. Адам Бохорич, опубликовавший в 1587 г. первую грамматику словенского языка, в предисловии к ней подчеркивал, что словенцы принадлежат к великому славянскому племени, название которого «славяне» происходит от слова «слава» и означает «достойные славы», «прославленные», «знаменитые». Перечисляя среди славян московитов и рутенов, Бохорич отмечал, что имя «мосхи» происходит от названия мужской силы (*moch*)².

Вплоть до середины XVIII в. вопрос о родстве со славянами у словенцев не поднимался. Причиной тому был мощный удар, нанесенный национальному самосознанию и культуре контрреформацией, во время которой были уничтожены тысячи словенских книг за то, что они писались и публиковались протестантами. Только через несколько десятилетий в 1672 г. была вновь напечатана книга на словенском языке.

Турецкое наступление на Европу было остановлено в 1683 г., когда Османская империя потерпела сокрушительное поражение под Веной. Для борьбы с османами Священная Римская империя, Польша и Венеция создали Священную лигу, к которой в 1686 г. присоединилась и Россия.

Еще до присоединения России к лиге в 1685 г. российское правительство от имени юных царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича обратилось с просьбой к императору Священной Римской империи Леопольду I прислать им доктора. Поехать в Россию согласился Грегор Оглар (Карбонариус), сын словенского крестьянина из селения Накло недалеко от Краня (Верхняя Крайна). Одной из главных причин, почему именно его послали в далекую Московию, являлось знание им иллирского (славянского) языка. Оглар-Карбонариус прожил в России с 1689 по 1715 гг. Будучи личным врачом Петра I, он побывал с ним во время его походов на Азов, принимал участие в войне со шведами в Прибалтике, присутствовал при битве под Полтавой, находился при Петре во время поражения русских у Прута³.

Настоящий интерес к России проявился у словенцев только в эпоху национального Возрождения. Высшие слои населения в словенских землях были инонациональными (немецкими или итальянскими), следовательно, государственные деятели, светская интеллигенция также являлись немцами или итальянцами. Отсутствие известных и героических личностей у словенцев очень волновало словенских просветителей. Известный сторонник иллирского движения Станко Враз писал 1 августа 1838 г. поэту Франце Прешерну: «Что представляет собою нация, которая при создании своей литературы не может опереться на какую-либо возвышенную идею! И откуда мы возьмем эту идею, если будем действовать самостоятельно? Может быть, из героических деяний наших предков? Но где наша история говорит об этом?»⁴

Именно поэтому у первых словенских просветителей были сильны славянские настроения: в своей борьбе за национальное достоинство словенцев они могли гордиться великими людьми и достижениями всех славян и, прежде всего, могущественной и единственной независимой славянской державы России. Выступая на заседании просветительской организации в Любляне Академии деятельных 28 мая 1779 г. видный словенский национальный деятель, филолог и педагог Блаж Кумердей сказал: «Народ, от которого мы происходим, является самым презираемым в так называемом просвещенном мире; только блестящие деяния наших родных братьев русских могут это презрение несколько ограничить»⁵.

Такая оценка России Кумердеем в то время не была завышенной. К концу семидесятых годов XVIII в. Россия прочно вошла в ряд наиболее могущественных государств Европы: она победила Пруссию в семилетней войне, одержала блестящие победы в нескольких русско-турецких войнах. Представители нарождавшейся словенской интеллигенции пытались добиться признания со стороны российских научных

кругов. Узнав о просьбе Российской Академии наук к языковедам разных стран прислать материалы о языках своих народов, Б. Кумердей и Ю. Япель послали ей свои сочинения по словенскому языку. Свои материалы по математике послал в Петербург известный математик и учёный артиллерист Юрий Вега, заслуживший за свои труды звание член-корреспондента Академии⁶, которое он не успел получить лишь из-за своей неожиданной гибели.

Войны с наполеоновской Францией, которую вели совместно Австрия и Россия, столкнули словенцев непосредственно с русскими солдатами. В 1799 г. части армии под руководством А. В. Суворова проходили через словенские земли, направляясь в Италию для борьбы с Наполеоном. В это время в первой словенской газете «Лубланске новице» появились статьи о русских, написанные первым словенским поэтом Валентином Водником. «Полторы тысячи лет тому назад, — отмечал он, — в наши края пришли первые славяне, они были из русского и других славянских родов: в этом причина того, что мы легко понимаем русский язык, дело в том, что они — славяне, корень, от которого рождены наши отцы. Сейчас мы видим воочию, каких могучих и великих братьев мы имеем». Водник призывал соотечественников учиться у русских беречь свой язык и защищать свою родину⁷.

Второй раз русские, на этот раз матросы, проходили через словенские земли в 1810 г. Молодой офицер В. Б. Броневский участвовал в этом походе. Позднее он написал книгу, в которой рассказал о своих впечатлениях о Крайне и Штирии, об отношениях, сложившихся между русскими и словенцами, о некоторых обычаях словенцев. «Краинцы, — писал Броневский, — сохранили добродетели, свойственные славянам: они трудолюбивы, храбры, терпеливы, смешливы и персимчивы», и далее — «краинцы говорят славянским языком, испорченным немецкими и итальянскими словами <...> Однако же наши люди понимали их без затруднения»⁸.

Третья встреча русских со словенцами произошла в 1821 г. во время Лайбахского (Люблянского) конгресса Священного Союза, образованного после разгрома Наполеона тремя европейскими государствами — русским, австрийским и прусским. Конгресс продолжался девять месяцев. О контактах в Любляне русских со словенцами сохранились воспоминания словенского просветителя Я. Зупана, который рассказал о своих встречах с русским князем П. Л. и об их спорах по поводу большей близости к старославянскому языку русского или словенского языков⁹. И. С. Аксаков пересказал воспоминание о Лайбахском конгрессе старого словенского чиновника, которого он встретил во время своего путеш-

шествия по словенским землям в мае 1860 г. «Он очень хорошо помнил Лайбахский конгресс, — записал Аксаков, — и рассказывал разные анекдоты об Александре <...> Он был здесь очень популярен, был самый доступный, обходительный и человечный из всех монархов <...> Все офицеры русс/ кие/, вся его свита недели через две свободно понимали краинцев, а они — русских»¹⁰. Среди анекдотов об Александре I было и предание, которое сохранилось в Любляне до сих пор, о молодой прачке, возлюбленной русского царя. Зная о предстоящем рождении у нее ребенка, Александр I подарил ей просторный дом недалеко от Любляны (теперь в черте города). Он стоит до сих пор, им владеют потомки той девушки. Сейчас в нем располагается трактир «Русский царь».

Три непосредственных встречи русских со словенцами в 1799, 1810 и 1821 гг. оказали известное влияние на пробуждение национального самосознания у простых словенцев. Теперь не только узкий круг словенской интеллигенции знал о русских, об их языковой и этнической близости с ними, но и многие простые словенцы, крестьяне, горожане. Осознание близости с сильным и независимым народом способствовало росту у словенцев самоуважения вопреки, приникающему отношению к ним бюрократии и онемеченной интеллигенции как к неисторическому и неспособному к самостоятельному культурному и политическому развитию народу.

В 20-ые гг. XIX в. один из первых русских славистов П. И. Кеппен наладил контакты с известным словенским ученым, стоявшим вместе с чехом Й. Добровским у истоков научного славяноведения, — Ернеем (Варфоломеем) Копитаром. Кеппен сумел его привлечь к работе в журнале «Библиографические листы» (1825–1826), первом славистическом журнале в России. Долгие годы Копитар вел переписку с крупнейшим русским славистом А. Х. Востоковым (с апреля 1830 г. до июня 1844 г.). Благодаря ходатайству русских ученых Копитар стал в 1826 г. членом-корреспондентом Российской Академии наук.

Важным рубежом в развитии славяноведения в России стал 1835 г., когда в четырех российских университетах — Санкт-Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском — открылись кафедры языка, литературы и истории славянских народов. Четверо молодых ученых были отправлены за казенный счет в зарубежные славянские земли для подготовки к замещению профессорской должности на этих кафедрах. Из них в словенских землях побывали трое: П. И. Прейс, И. И. Срезневский и В. И. Григорович. Прейс согласно своему плану пребывания в славянских землях полагал остановиться в словенских землях по пути из Вены в Триест. Ему удалось встретиться с молодым иллиром Д. Трстеняком и

библиотекарем Лицейской библиотеки филологом Ф. Метелко. Прейс оставил последнему автограф: «Вперед, чада Кирилла и Мефодия»¹¹.

Самое большое внимание словенским землям уделил Измаил Иванович Срезневский. Он путешествовал по ним в марте–июне 1841 г. и за это время посетил Грац (словен. Градец), Марибор, Лимбуш, Птуй, Велику Неделю, Ормож, Метлику, Крань, Клагенфурт (словен. Целовец), Зильскую долину, Резью, Горицу, Триест¹². Практически Срезневский обошел пешком все словенские земли, познакомился со многими словенскими национальными деятелями. Это дало ему возможность впервые дать научное описание словенских наречий, провести их систематизацию. Эта систематизация принята современными словенскими лингвистами, хотя и подверглась уточнению. В частности, ее положил в основу своей карты словенских диалектов Ф. Рамовш. Он отметил: «Лучше всех понимал разделение словенского языка на наречия Измаил Срезневский, который охарактеризовал каждый словенский диалект настолько, насколько позволяли тогдашние материалы». И далее Рамовш указывал, что для словенской диалектологии Срезневский «сделал столько, сколько никто до него и после него»¹³. Срезневский не ограничился изучением словенских наречий: он собирал словенский фольклор, изучал современное положение словенцев, их обычаи, нравы, верования. Позднее он публиковал в русских научных изданиях заметки о каринтийских словенцах, словенские народные песни. В 1878 г. вышел обширный труд Срезневского «Фриульские славяне», в котором он подробно описал быт, предания, обычаи венецианских словенцев.

В. И. Григорович побывал в Словении в 1846 г. Он много работал в лицейской библиотеке Любляны, где нашел, по его словам, «довольно пособий к полезным трудам и подлинно благих людей, содействовавших всячески ежечасно навсегда им благодарному путнику»¹⁴.

Начало 60-ых гг. XIX в. — важный рубеж в развитии словенских земель и России. В это время там были проведены либеральные реформы: помимо отмены феодальных порядков произошли и политические перемены, которые сделали возможным развитие общественной жизни, появление культурно-политических организаций, издававших свою прессу. В России особый интерес к славянам стали проявлять славяно-фильские круги, к которым принадлежали как лица из высших кругов, так и представители среднего класса: купцы, зажиточные горожане, духовенство, светская интеллигенция. Разочарование в недружественной политике Священного Союза по отношению к России во время Крымской войны привело и некоторых представителей российской правящей элиты к мысли, которую пропагандировал начиная с 30-ых гг. историк

М. П. Погодин: нельзя надеяться на Западную Европу, ибо единственными верными союзниками России в Европе являются славяне «родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере»¹⁵.

Зимой 1858 г. представители российской интеллигенции образовали Московский Славянский комитет. Его создателями являлись не только славянофилы (К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин и др.), но и либералы (С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, М. Н. Катков), а также лица, стоявшие в стороне от политики (технолог и экономист М. Я. Киттары, терапевт Ф. И. Иноземцев, основатель Археологического общества граф А. С. Уваров). Спустя некоторое время появились Славянские комитеты в Санкт-Петербурге (1868) и в Киеве (1869), Одесское Славянское благотворительное общество (1870). Эти организации стали центрами, которые вели сношения с зарубежными славянскими обществами.

В словенских землях после указов австрийского правительства в 1860 и 1861 гг., вводивших определенную свободу слова, печати, обществ, возникли многие культурные учреждения: читальни, отделения гимнастического общества Южный Сокол, Драматическое общество и др. В 1864 г. была основана Словенская Матица, которая представляла собою национальное издательство, осуществлявшее выпуск книг на словенском языке. Оно заказывало и публиковало те книги, которые, по мнению ее руководителей, были больше всего необходимы словенцам: учебники для средних школ, произведения словенских писателей, переводы трудов славянских ученых и литераторов. Матица имела свое периодическое издание «Летопис Матице Словенске», где словенские ученые печатали свои сочинения по истории, лингвистике, этнографии. Словенская Матица во второй половине XIX в. являлась главным культурным учреждением у словенцев и центром, через который осуществлялись контакты между русскими славянофильскими обществами и научными учреждениями, с одной стороны, и словенскими культурными организациями — с другой.

Начиная с 1843 г. посредником в связях между словенцами (и другими австрийскими славянами) и русскими выступал настоятель православной церкви при русском посольстве в Вене Михаил Федорович Раевский, проработавший там более сорока лет (1842–1884). Он начал активную деятельность по установлению и поддержанию контактов между деятелями славянского мира и русскими учеными еще до революции 1848 г. Среди его знакомых были чех Ф. Палацкий, словак Л. Штур, сербы Й. Суботич, В. Караджич, И. Гарашанин, хорваты Л. Гай и Ю. Штросмайер, великий сербский поэт, правитель Черногории Петр II Негош. Из словенцев в дореволюционный период с Раевским поддерживали отношения Е. Копитар и Ф. Миклошич, крупнейшие филологи-слависты.

Особенно энергично развернул свою деятельность М. Ф. Раевский в 1850–1870 гг., когда российские славянские комитеты наладили постоянные контакты со славянскими обществами Австрийской империи. Он занимался пересылкой книг и денежных средств в том числе и в словенские земли. Так, через него получили деньги и книги от славянских комитетов и отдельных лиц Драматическое общество, словенские читальни, некоторые периодические издания, отдельные представители словенской культуры. Особо поддержкой с российской стороны пользовалась Словенская Матица. 10 ноября 1865 г. Российская Академия наук послала ей через Раевского 200 книг. За этот дар Раевского в ноябре 1866 г. избрали почетным членом Матицы. Ее председатель П. Томан подчеркивал в своем письме к Раевскому: «Вы благосклонно достали этой библиотеке (т. е. библиотеке Матицы. — И. Ч.) столько превосходнейших и очень дорогих книг, что она теперь насчитывает больше русских, чем всех других славянских книг»¹⁶. Раевский был первым и единственным почетным членом Словенской Матицы с иностранным подданством вплоть до конца существования Габсбургского государства. Кроме Академии наук Словенская Матица вела книгообмен со многими другими российскими научными и общественными организациями. Так, в 1873 г. из 36 научных организаций, с которыми она поддерживала сношения, 12 были русскими¹⁷. В 1871 г. Санкт-Петербургский Славянский благотворительный комитет сделал денежный взнос в Словенскую Матицу, вступив в ее постоянные члены¹⁸.

Помимо обмена книгами и денежных вспомоществований Славянские комитеты организовывали для славянских национальных деятелей и общеславянские мероприятия, имевшие культурно-политическую окраску. Крупнейшим из них была Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г. По предложению профессора Московского университета Н. А. Попова на ней был устроен отдел, посвященный зарубежным славянским народам. Собирание народных костюмов и предметов быта славян поручили М. Ф. Раевскому. Он спрavился с этой задачей, частично покупая их, частично принимая в дар от славянских национальных деятелей. От словенцев на выставку пришло несколько даров. Самым дорогим из них был дар словенского просветителя, филолога и этнографа Матии Маяра Зильского. Он представлял собою набор свадебных костюмов каринтийских словенцев (жениха, невесты, подружки, дружки, сватов) вместе с приданым невесты (постель, сундук, прялка). Этот экспонат на выставке был признан лучшим, а Маяр за него получил одну из высших наград¹⁹.

Первым из словенских ученых побывал в России Матия Маяр, приехавший по приглашению на Этнографическую выставку в 1867 г., где его тепло встретили русские коллеги. За свой дар Этнографической выставке и описание обычая каринтийских словенцев он был избран сотрудником Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва), членом Общества любителей российской словесности (Москва), членом-корреспондентом Новороссийского университета (Одесса).

Интерес к России у словенских национальных деятелей усилился, начиная с 1849 г. Связано это было с разочарованием в политике Габсбургов, которые, получив от славян поддержку в период революции, дали им за это очень мало. Так, во время Крымской войны (1854–1856) гимназисты, по свидетельству видного словенского либерала Й. Вошняка, с замиранием сердца следили за героической обороной Севастополя²⁰, а молодой поэт Симон Енко написал несколько стихотворений, посвященных подвигам русских в Крымской войне. И дальние симпатии к России возрастили, чему способствовали обострение национальных отношений в самой Австрийской империи, особенно усиливавшееся после введения дуализма, что повлекло за собой усиление германизации словенцев. А победа русских в войне с турками (1877–1878) укрепила надежду на помощь России не только у словенской интеллигенции, но и у широких народных масс. В честь взятия русскими Плевны молодежь во многих словенских селах зажигала праздничные костры. В 1890-ых гг. словенцы начинают создавать кружки по изучению русского языка. Инициатором этого стал врач Л. Енко. Обучение русскому языку всячески пропагандировали словенские либералы. «Не должно быть ни одного образованного молодого словенца, — писал либеральный журнал «Люблянски звон», — который бы не знал русский язык настолько, чтобы читать русских писателей в оригинале»²¹. Такое внимание к русскому языку и культуре не было случайным: лидер либералов в предвоенные годы Иван Хрибар считал, что распространение русского языка в рядах словенской интеллигенции ослабит влияние на нее немецкой культуры²².

Большую роль в развитии культурных русско-словенских связей сыграл словенский поэт Антон Ашкерц. Благодаря его усилиям в 1901 г. вышла «Русская антология в словенских переводах», задуманная и большей частью подготовленная уже покойным к тому времени И. Веселом. Ашкерц поддержал инициативу И. Приятеля о приглашении русских ученых участвовать в юбилейном «Альбоме Прешерна». На его призыв откликнулись блестящий лингвист и полиглот Ф. Е. Корш, молодой славист В. А. Францев, историк древнеславянского искусства В. Н. Щеп-

кин. В 1899–1902 гг. Ашкерц возглавлял «Люблянский звон». В это время в нем печатались многочисленные материалы по русской культуре: статьи А. Волынского о русской литературе, сочинения И. Приятеля о Н. В. Гоголе, о романе Л. Н. Толстого «Воскресенье», переводы Приятеля рассказов М. Горького и А. П. Чехова.

После отстранения Ашкерца от редактирования «Люблянского звона» главным пропагандистом русской литературы и русской культуры в словенских землях стал И. Приятель, литературовед и переводчик. В 1901 г. он издал сборник переведенных им рассказов Чехова со вступительной статьей. В 1909 г. Приятель выпустил в свет первый полный перевод на словенский язык «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

Уже с 50-ых гг. XIX в. словенские политики и литераторы стали публиковаться в русской прессе. Так, в славянофильском издании «Русская беседа» были помещены две статьи словенского историка и политика В. Клуна: историко-этнографический очерк «Словенцы» (1857) и «Словенцы. Очерк истории их словесности» (1859). В 1878–1879 гг. словенский либерал П. Турнер писал корреспонденции в «Современные известия», в которых он резко критиковал политику австро-венгерского правительства, подчеркивая, что славяне в Австро-Венгрии безгранично любят русских и стремятся к панславизму. Автор первых словенско-русского и русско-словенского словарей Д. Хостник сотрудничал в 80-е годы XIX в. в российских изданиях «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества», «Филологические записки» (Воронеж), «Славянский мир» и др. Хостник эмигрировал в Россию в 1878 г., в течение многих лет он работал учителем французского и немецкого языков в гимназии города Рыльска Курской губернии, одновременно занимаясь филологией и публицистикой. Во время своего пребывания в России Приятель писал в «Славянские известия» статьи о словенской культуре, об интересе словенцев к русской литературе.

В конце XIX в. профессора славянского языкознания и литературы Венского университета Ф. Миклошич и В. Ягич послали на стажировку в Россию несколько молодых словенских ученых. Первым отправился в Россию Матия Мурко. В течение 18 месяцев он изучал русский язык и литературу в Петербургском и Московском университетах. По словам словенского литературоведа А. Слодняка, в России под воздействием А. Н. Пыпина и А. Н. Веселовского «он получил <...> возможность стать из узкого слависта и германиста венской школы историком славянской литературы в сравнительном плане, этнографом и публицистом широкого профиля»²⁴.

Следующим поехал в Россию лингвист Райко Нахтигал, который провел здесь 1901–1902 гг. Более года он жил в Москве, несколько месяцев в Петербурге, занимаясь изучением старославянского и русского языков. Во время каникул Нахтигал вместе с членами Московской диалектической комиссии исследовал русские диалекты в Московской и Орловской губерниях.

Третьим словенским ученым, прошедшим стажировку в России, стал Иван Приятель. Еще до своей поездки в Россию он интересовался русской литературой, пропагандируя ее в журнале «Люблянски звон». В марте 1903 г. он приехал в Россию, в 1905 г. — уехал из нее. Приятеля интересовала русская общественная жизнь, наибольшие симпатии у него вызывали студенты, передовые писатели (Чехов, Горький), ученые либеральных взглядов²⁵.

Нахтигал и Приятель, впоследствии стояли у истоков словенского университета в Любляне и долгое время преподавали в нем.

Особо следует отметить словенского эмигранта Янко Лаврина. Он приехал в Россию в 1907 г., активно участвовал в ее общественной жизни, примкнув к левому крылу неославистов. Лаврин стал издателем и соредактором журнала «Славянский мир» (1908–1911). Журнал имел своею целью знакомить русского читателя с положением, культурой, обычаями славянских народов. В журнале принимали участие как российские литераторы, так и литераторы других славянских народов²³.

В России тоже усилился интерес к словенцам в среде интеллигенции, прежде всего ученых, занимавшихся славистикой. Во второй половине XIX — начале XX вв. в словенских землях побывали многие русские: видный славянофил И. С. Аксаков (1860), ученые — М. П. Петровский (1862), Е. Ф. Фортунатов (1862), В. Я. Яроцкий (1862–1863), А. Ф. Гильфердинг (1867), В. И. Ламанский (1862, 1868), В. В. Макушев (1872), А. А. Котляревский (1873), Н. М. Петровский (1900, 1905), Б. М. Ляпунов (1901), А. Н. Харузин (1901), Г. А. Ильинский (1903), А. И. Яцимирский (1910) и др. В своих трудах они писали о словенцах: их выдающихся деятелях, их истории, этнографии, литературе.

Больше всех сделал для словенистики, а именно для изучения словенского языкознания и этнографии, российский профессор, поляк по происхождению И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он написал несколько книг, посвященных языку и этнографии фриульских словенцев. В 1872–1874 гг. он большую часть времени, полученного на заграничную командировку в славянские земли, изучал юго-западные словенские диалекты и быт в районах Горицы, Толмина, Резьи. Позже он еще несколько раз возвращался в словенские земли: в 1877, 1890, 1892, 1893, 1901 гг. Бодуэн де

Куртенэ оказал большое влияние на формирование двух крупных словенских ученых — филолога Ватрослава Облака и издателя словенских народных песен Карела Штрекеля. Российская Академия наук в 1902 г. избрала Штрекеля своим членом-корреспондентом, что помогло ему получить средства у Словенской Матицы на издание одного из томов своего труда.

Русский этнограф А. Н. Харузин в 1901 г. побывал в Верхней Крайне, исследовал жизнь крестьян. В 1902 г. он опубликовал в журнале «Живая старина» две статьи о постройках словенцев в этом районе²⁶. Блестящее исследование первоначального этапа деятельности Е. Копитара сделал Н. М. Петровский. До сих пор нет работы о словенском ученом, которая бы так полно и всесторонне освещала его деятельность, как книга Петровского²⁷. Особое внимание российская научная общественность уделяла знаменитому словенскому ученому Францу Миклошичу. Его сочинения переводились на русский язык, рецензировались русскими славистами. В 1857 г. он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук и являлся почетным членом всех российских университетов²⁸.

Русская общественность отметила 100-летие со дня рождения великого словенского поэта Ф. Прешерна. Выше уже упоминалось о трех русских ученых, принявших участие в юбилейном «Альбоме Прешерна». В 1901 г. в России вышел сборник стихотворений Прешерна в переводе академика Ф. Е. Корша. В предисловии Корш отмечал, что поэзия Прешерна выражала идеалы свободы, человечности, национальности и былаозвучна идеалам революции 1848 г.²⁹ О поэзии Прешерна писали А. И. Степович, А. И. Яцимирский. Русские переводчики А. Сиротинин, Н. Бахтин, С. Штейн переводили стихи и других словенских поэтов: А. Ашкерца, О. Жупанчича, Д. Кетте, Й. Мурна-Александрова.

В начале XX в. стали налаживаться и политические связи между словенцами и русскими. Главным поборником их являлся глава словенских либералов, неославист Иван Хрибар.

Начало Первой мировой войны оборвало так успешно развивавшиеся контакты между русскими и словенцами. Они оказались по разные стороны линии фронта. В результате боев многие австрийские солдаты (в том числе и словенцы) оказались в русском плену, а русские солдаты попали в плен к австрийцам и часть их оказалась на словенской территории.

Российские солдаты жили в лагерях для военнослужащих, их труд использовался на больших стройках, проводившихся государством или местными властями. Жизнь русских пленных почти не изучена. Осталась дорога через перевал Вршич, построенная ими, которая связывала

ет Верхнюю Крайну с солнечной долиной Сочи. Сейчас она называется Русской дорогой. Там в феврале 1916 г. произошла страшная трагедия: сошедшая с гор лавина погребла под собою несколько сот русских солдат. Оставшиеся в живых поставили на могиле своих товарищей деревянную часовню. В последнее время здесь каждый год проходят Дни Русской культуры. И еще один памятник деятельности русских солдат остался на территории словенцев — Русский мост, возведенный ими в Постойнской пещере.

О жизни словенских военнопленных в России известно значительно больше, поскольку опубликованы воспоминания многих из них. Часть их была отправлена на различные предприятия — от машиностроительных до пекарен, значительное число было распределено по крестьянским хозяйствам в семьях, чьи кормильцы были на фронте³⁰. Часть словенцев, которые находились в городах, участвовали в революционных событиях на стороне красных. Вернувшись на родину, они стали организаторами первых коммунистических ячеек. Некоторые словенцы примкнули к белому движению. Однако большинство словенских военнопленных сохранило нейтралитет, стремясь как можно скорее вернуться на родину.

После окончания Гражданской войны из России хлынул поток беженцев. Это были те, кто являлся идеяным противником советской власти, кто участвовал в белом движении, кто принадлежал к привилегированным классам и просто те, кто был увлечен за собою общим потоком покидающих Россию. Эмигранты с ограниченными средствами оседали в соседних с Россией государствах, в основном в славянских: Болгарии, Чехословакии, Югославии. В Словении это были по большей части представители интеллигенции — инженеры, артисты, ученые, офицеры и т. д.

В учрежденном в 1919 г. Люблянском университете преподавало несколько известных русских ученых. А. Билимович, киевский юрист и экономист, одним из первых применивший математический метод в экономике, являлся ординарным профессором на юридическом факультете в 1920–1945 гг. Там же более 20 лет проработали А. В. Маклеков, благодаря усилиям которого был введен новый предмет — криминология, — и проректор Киевского университета М. Н. Ясинский, преподававший историю права южных славян. В 1925–1942 гг. должность профессора минералогии и петрографии занимал профессор Петербургского Горного института В. В. Никитин. Профессор Высшей технической школы в Новочеркасске А. Копылов не только работал профессором горного машиностроения на техническом факультете, но и занимался конструированием машин, использовавшихся на рудниках и угольных шахтах

Словении. Многие годы Н. Ф. Преображенский обучал студентов Люблянского университета русскому языку.

В развитии словенского национального театра определенную роль сыграли и русские артисты. В Любляне жили и творили русский режиссер Б. Путята и талантливая актриса Мария Наблоцкая. Более 20 лет возглавлял балет Оперного театра в Любляне представитель балетной школы Большого театра П. Головин. С конца 1940-ых гг. он переехал в Марибор, где создал государственную балетную школу первой ступени. Путята, Наблоцкая, Головин не только познакомили словенцев с мировой оперной, балетной и драматургической классикой, но и привнесли с собой высокий уровень артистического мастерства.

В межвоенный период в рядах прогрессивной словенской интеллигенции, представителей левых организаций не угасал интерес к России. Когда над Европой нависла угроза фашистской агрессии, многие словенцы, даже не сочувствовавшие социализму, обратили свои надежды на СССР, видели в нем единственную силу, способную противостоять фашизму. В своих воспоминаниях словенский литературовед и критик Йосип Видмар писал: «Мы, словенские интеллектуалы и большинство мыслящих простых людей, все видели свое спасение только в Советском Союзе»³¹. В 1940 г. в Словении было основано Общество друзей Советского Союза, куда вошли коммунисты, левые либералы и христианские социалисты.

В СССР тоже существовала небольшая словенская эмиграция, состоявшая из бывших военнопленных, женившихся на русских женщинах, а также из деятелей коммунистического движения, бежавших из-за репрессий из Югославии. Часть из них была связана с Коминтерном. Судьба их сложилась не столь благоприятно, как русских эмигрантов в Словении. Многие были репрессированы, но некоторые оставили свой след в развитии русской культуры. В частности, у истоков создания Института славяноведения АН СССР стоял один из руководителей словенских коммунистов Драготин Густинич.

С началом Второй мировой войны началась новая эпоха русско-словенских отношений. После захвата Югославии фашистами словенские земли были поделены между немцами и их союзниками итальянцами и венграми. Уже с первых недель оккупации словенцы начали сопротивление. 27 апреля 1941 г. словенскими патриотами на базе Общества друзей Советского Союза был создан Освободительный фронт Словении. Нападение Германии на СССР укрепило решимость словенцев вести борьбу против оккупантов. По призыву Коммунистической партии Югославии по всей стране стали организовываться партизан-

ские отряды. В словенских землях уже к середине июля было создано 25 партизанских единиц. 22 июля словенцы начали восстание. Оно было разгромлено, но большинство повстанцев пополнило ряды партизан и подпольщиков. Партизанская борьба не затихала в Словении вплоть до освобождения.

Среди словенских партизан сражались и советские люди. С 1944 г. в Приморье действовал советский партизанский отряд моряка-пограничника Анатолия Дьяченко, к началу 1945 г. насчитывавший около 2 тысяч человек. Имелись и менее многочисленные отряды. Основу их составляли советские солдаты, бежавшие из плена.

Советское правительство оказывало военную и дипломатическую поддержку Югославии. Когда после окончания войны в мае 1945 г. возник спор о том, кому будет принадлежать Триест с окрестами, где проживало значительное словенское население, Югославии или Италии, СССР решительно принял сторону Югославии, в то время как западные союзники, США и Великобритания, поддерживали Италию. Этой точки зрения советское правительство придерживалось и после резолюции Коминформа (1948), когда были прерваны все политические, экономические и культурные связи между народами СССР и Югославии. Настоящий расцвет российско-словенских связей начался после образования современных государств: Российской Федерации и Республики Словении, когда окрепли экономические и культурные отношения между обоими народами.

Примечания

¹ Хорошкевич А. Л. Русь и русские в «Записках о Московии» // Сигизмунд Герберштейн. М., 2000. С. 135–159.

² Bohorizh A. Arctiae horulae succisivae, de Latino Carniolana literatura, ad Latinae teniae, Polonicae, Boëmicae & Lusatiae lingvae, cum Dalmatica & Croatica cognition, facilè deprehenditur. Vvitebergae, 1584.

³ Drnovšek M. Nakljanec Gregor Voglar (1651–1717) zdravnik v Rusiji. Naklo, 2002. S. 20.

⁴ Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana, 1970. S. 190, 191.

⁵ Kidrič F. Zgodovina slovenskega slovstva od začetkov do Zoisove smrti: razvoj, obseg in cena pismenstva, književnosti in literature. Ljubljana, 1938. S. 195.

⁶ Дуличенко А. Неизвестная рукопись 1773 г. о словенском языке Юрия Япеля // Zbornik povzetkov. Knj. I. Jezikoslovje. Ljubljana, 2003. S. 68.

- ⁷ Kreft B. Fragmenti o slovensko-ruskih stikah // Slavistična revija. Ljubljana, 1958. S. 92.
- ⁸ Броневский В. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. М., 1828. С. 12, 13.
- ⁹ Illyrisches Blatt. Laibach, 1831. Nr. 10 (05. März).
- ¹⁰ РО ИРЛИ (Пушкинский дом) Ф. 3. Оп. 5. Д. 25. Л. 5 об., 6.
- ¹¹ Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki. Ljubljana, 1995. S. 47.
- ¹² Толстой Н. И. О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку // И. А. Бодуэн дс Куртенэ: к 30-летию со дня смерти. М., 1960.
- ¹³ Ramovš F. Karta slovenskih narečij. Ljubljana, 1957. S. 11, 12; Nahtigal R. Uvod v slovansko filologijo. Ljubljana, 1949. S. 23.
- ¹⁴ Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915. С. 234, 235.
- ¹⁵ ЦГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 6 об.
- ¹⁶ Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 433.
- ¹⁷ Чуркина И. В. Матица словенская и русские славянофилы // Славяне и Россия. М., 1972. С. 119.
- ¹⁸ Зарубежные славяне и Россия. С. 81, 82.
- ¹⁹ Čurkina I. Matija Majar Ziljski. Ljubljana, 1974. S. 85, 86.
- ²⁰ Vošnjak J. Spomini. Knj. I. Ljubljana, 1905. S. 37.
- ²¹ Ljubljanski zvon. Ljubljana, 1900. Št. 1. S. 133–136; Št. 11. S. 717.
- ²² Hribar I. Moji spomini. Knj. I. Ljubljana, 1928. S. 190, 191.
- ²³ Мудрова О. В. Журнал «Славянский мир» (1908–1911) и вопросы культуры югославян // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1981. № 1. С. 34–43.
- ²⁴ Slodnjak A. Matija Murko // Slavistična revija. 1954. Št. 5–7. S. 49.
- ²⁵ Приятель И. Словенцы и их литература // Славянские известия. СПб., 1904–1906.
- ²⁶ Харузин А. Н. Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки // Живая старина. СПб., 1902. № 1; он же. Жилище словинца Верхней Крайны // Живая старина. 1902. № 3–4.
- ²⁷ Петровский Н. М. Первые годы деятельности В. Копитаря. Казань, 1906.
- ²⁸ Флоринский Т. Д. Памяти Миклошича (1813–1891). Киев, 1891. С. 13.
- ²⁹ Корш Ф. Е. Предисловие переводчика // Стихотворения Франца Преширна. М., 1901. С. XVIII–XX.
- ³⁰ Jugoslovani v Oktobru. Ljubljana, 1969.
- ³¹ Vidmar J. Obrazi. Ljubljana, 1980. S. 134.

Марьян Дрновшек

Словенские миграции и Россия в XIX в.

Несмотря на большие географические и демографические различия между Словенией и Россией, взгляд в прошлое с перспективы современности подтверждает, что всегда существовала мобильность людей и с той и с другой стороны, хотя она и была ограничена по численности и характеризовалась различной степенью интенсивности, и была несравнима, например, с миграциями как из словенского, так и из русского пространства в развитые страны Западной Европы и на другие континенты. В особенности это касается XIX и XX вв. До провозглашения независимости Словении (1991) эти связи трудно поддаются определению с точки зрения национальной принадлежности, поскольку словенцы всегда входили в состав многонациональных государств и за границей их знали как австрийцев и — позже — как югославян первой и второй Югославии, как одну из групп национальных меньшинств, подобно итальянцам и венграм. Рассматривая миграционные движения между словенским пространством и Россией во всех существовавших государственных вариантах, мы наблюдаем самые разные формы переселенческих типов и мобильности, от дипломатических, путевых, торговых, политических, экономических, образовательных, культурных, военных и т. д. миграций до современных туристических, ведь маленькое словенское Приморье является привлекательным местом, с одной стороны, для многочисленных русских туристов, и с другой стороны, для многих бизнесменов обеих стран, Словении и России, имеющих здесь свои экономические интересы.

Еще до конца XVIII столетия несколько представителей интеллигенции из современного словенского пространства уехало в Россию. Нам даже не известны имена их всех, еще меньше мы знаем о тех, кто эмигрировал в Россию по экономическим причинам, например, о людях из народа, будь то военные, мелкие торговцы, дровосеки, горнорабочие, купцы и ремесленники, искатели приключений и т. д. Когда в начале XVI столетия дипломат и учений Жига Герберштейн (1486–1566) открыл для Европы Россию («Записки о Московии», 1549), вероятно, мало кто знал, где находится Випава в Крайне, где он родился и провел детские годы. Он совершил две поездки, первую в 1517 г. и вторую в 1526 г., и оба раза жил в Москве по семь месяцев. Так же и Янез Кобенцл, который познакомился с Россией во второй половине XVI столетия, а именно в 1575–1576 гг. и в 1581 г.¹ Оба они были габсбургскими чиновниками,

однако со знанием словенского языка, который облегчал им общение в русской среде. Первым известным нам экономическим эмигрантом в Россию можно считать врача Грегора Боглара (1651–1717), родом из Крайны, который приехал в Москву в 1689 г., прожил там 26 лет, работал в ближайшем окружении царя Петра I, и потом вернулся в Крайну. Он взял с собой и свою семью. И наконец — иезуит, гидротехник и архитектор Габриэль Грубер (1740–1805), уехавший из Крайны в 1784 г. и преподававший в России. Известно, что он имел большое влияние на императора Павла I. Грубер умер в 1805 г. и был похоронен в Санкт-Петербурге. Общей чертой всех вышеперечисленных лиц было то, что все они являлись представителями интеллигенции, и, по крайней мере, Боглар и Грубер, своими знаниями и трудом внесли вклад в развитие русского общества того времени.

Говоря о Богларе (Грегориусе Карбонариусе де Визенегге, как он подписался в завещании 1716 г.), хотелось бы подчеркнуть, что о нем и сейчас помнят в общине Накла в Верхней Крайне, где он родился, а также и в соседнем городе Кране, где он умер. Поэтому не должно удивлять то, что Якоб Зупан в 1831 г. в хвалебном стихотворении, посвященном Сентимеру Флориану, врачу, «крайнцу» родом из Краня, умершему от холеры 1830 г. в Москве, упоминает также о Богларе. Приведу два четверостишия:

Пришел в российскую землю²
Крайнец Боглар из Наклы
Возглавить Гигиену³
Поручил ему Петр, великий царь.

Чтобы привести россиян к католичеству,
К Папе приезжал, напрасно, по дороге
Из Рима навестил родных
И в Кране умер богатым.

Зупан упомянул о его значении как врача при царе Петре, о его до сих пор не вполне ясной роли в посредничестве между православной и католической церквями и о том, что земляки считали, что он разбогател на чужбине. Не в последнюю очередь Боглар выделил часть денег на строительство водопровода в Накле, о чем жители этого места до сих пор традиционно упоминают как о большом благотворительном даре⁴.

Рубежом между окончанием прежнего периода и началом нового в развитии связей между Россией и тогдашним словенским простран-

ством, следует считать наполеоновские войны, во время которых часть словенского населения имела непосредственные контакты с русскими воинами, которые по крайней мере дважды (в 1799, 1810 гг.) проходили через словенские земли, а русский царь Александр I принял участие в Люблянском конгрессе Священного союза (1821)⁵.

С помощью картотеки миграционных дел Губернского управления Крайны⁶ (оригинальные материалы хранятся в Архиве Республики Словении) можно отследить разрешения, выданные для отъезда за границу, которые, к сожалению, лишь частично дают конкретные сведения относительно намерения и цели эмиграции в Россию. Речь идет о прошениях по поводу выдачи или продления заграничных паспортов и о сопутствующих им деловых контактах между компетентными государственными и местными органами и австрийскими консульствами за границей. Среди документов находятся периодические извещения об ограничении поездок в Россию. В России также с 70-ых гг. XIX в. вводились таможенные ограничения с целью защиты внутреннего рынка рабочей силы, так же, как это делалось в Австро-Венгрии, Италии и Франции⁷. На основании только этих материалов и картотек невозможно сделать выводы о численности или направлении миграций, скорее эти записи можно использовать для констатации отдельных таких примеров. Адресатом сообщений было Губернское управление Крайны, дававшее каждому из дел регистрационный номер и фиксированную дату получения сообщения. Возможность ознакомления с оригиналами материалами дала бы нам еще больше сведений. Далее приведу несколько примеров, показывающих, что мобильность в направлении России не была чужда простым эмигрантам, искавшим лучший кусок хлеба также и в этой далекой стране.

В первую очередь нужно упомянуть о предписаниях, поскольку поездки не были свободными, а оба государства постоянно следили за передвижениями своих подданных. Так, Австрия вводит новые предписания о визировании иностранных паспортов для лиц, отправляющихся в Россию, о чем сообщает в циркуляре государственный и совещательный министр (июль 1818 г.)⁸. В декабре 1847 г. Полицейское управление в Вене издает циркуляр, определяющий условия, при которых ремесленные подмастерья, рабочие и другие представители “низших слоев” могут ехать в Россию⁹. Министерство внутренних дел в Вене издало циркуляр (июнь 1851 г.) относительно выдачи иностранных паспортов для поездок в Россию и Польшу¹⁰. Главное полицейское управление в Вене сообщает Крайнскому Губернскому управлению (1851 или 1852 г.), что русское правительство запрещает выдачу виз для въезда в Россию ремесленникам, подмастерьям или рабочим¹¹. Главное полицейское управление

оповещает в циркуляре (июль 1856 г.), что въезд в Россию разрешается только с иностранным паспортом, проверенным в русском посольстве¹². В ноябре 1861 г. Полицейское министерство предупреждает в циркуляре относительно попыток эмигрировать в Россию и указывает на необходимость дать информацию тем, кто желает эмигрировать¹³, а в конце июня 1862 г. посыпает докладную записку относительно эмиграции в Россию¹⁴. Такая же записка об эмиграции, только еще и в Польшу включительно, следует в конце сентября 1862¹⁵. Министерство внутренних дел предписывает (1872) не выдавать разрешения на выезд в Россию, а также не визировать и не выдавать разрешений на выезд группам лиц¹⁶.

Во время военных конфликтов особенно делались предупреждения относительно поездок в пограничные области, например, Турции или России, о чем, к примеру, сообщает Управление придворной канцелярии в Вене в июне 1828¹⁷. В 1861 г. Губернскому управлению Крайны послали сообщения об эмиграции в Россию окружные управления Быстрица, Сеножече, Лож, Планина и Постойна¹⁸.

Есть несколько прошений управлению органов выдачи или продления иностранных паспортов. Губернское управление в Градце посыпает прошение (май 1835 г.) Игнаца Дольяка из Львова, работавшего оружейным мастером в Боровлях, о выдаче ему иностранного паспорта для отъезда в Россию. Окружное управление в Целовице посыпает сведения о неком Горьюпе¹⁹. Окружное управление города Ново Место в мае 1835 г. просит Крайское Губернское управление выдать иностранный паспорт Антону Корачу, крестьянину из Кочевья, для поездки в русскую Польшу²⁰. Полицейское управление в Любляне в середине августа 1853 г. просит выдать иностранный паспорт мельнику Теодору Дренику из Любляны для поездки в Одессу²¹. Со стороны русского посольства в Вене последовал отказ, о чем было сообщено в Любляну в сентябре 1853 г²². Австрийское генеральное консульство в Одессе направляет в июне 1854 г. Губернскому управлению Крайны прошение о выдаче разрешения (на выезд) для торговца Франца Новака из Бритофа²³. Окружное управление Кочевья рекомендует выдать иностранный паспорт Марии Рётель для отъезда в русскую Польшу (1859)²⁴. Это же управление на следующий год просит внести в иностранный паспорт Карла Чешарка запись о том, что он действителен и для России²⁵. В 1861 г. в Россию выехали Йожеф Горьюп (на три года) и гувернантка Мария Цуснер, которая следовала в Одессу. Окружное управление Постойны предлагает Горьюпу подать заявление о выдаче иностранного паспорта для поездки в Германию, Россию и Турцию²⁶. Генеральный консул в Одессе в апреле 1862 г. сообщает Губернскому управлению в Крайне, что Карл Новак продлил свое пребывание

там на четыре года²⁷. Это же консульство в июне 1862 г. сообщает, что продлило иностранный паспорт Зофии Луканчич на три года²⁸. Управление наместничества в Триесте в сентябре 1862 г. посыпает Генеральному консульству в Одессе сообщение о продлении иностранного паспорта Марии Цуснер²⁹. Генеральный консул в Одессе пишет о выдаче иностранного паспорта Антону Саклу³⁰. Штефан Останек из Средних Гамельн, служащий в Риеке, просит выдать ему иностранный паспорт в Россию (в мае 1868 г.), через месяц снова, но уже конкретно для отъезда в Одессу³¹. Австрийское посольство в Санкт-Петербурге просит в августе 1868 г. выдать иностранный паспорт Симону Тадею Томажевичу из Быстрицы близ Края³². Генеральный консул в Одессе в марте 1872 г. просит о выдаче нового иностранного паспорта для пребывания в России Францу Козлевчару из города Ново Место³³. Управление наместничества в Триесте сообщает в октябре 1879 г. о предоставлении иностранного паспорта горничной Йожефе Коделья из Випавы для поездки в Одессу³⁴. Это же управление в ноябре 1879 г. предоставляет иностранный паспорт вдове Ане Файдиге из Логатца для поездки в Россию (на один год)³⁵. Австрийское генеральное консульство в Одессе спрашивает, есть ли какие-либо препятствия для обновления иностранного паспорта торговцу Леопольду Новаку из Бритофа близ Сеножечей, на что из окружного управления в Постойне отвечают, что препятствий нет, после чего консульство извещает управление в Постойне, что иностранный паспорт ему выдан³⁶. В ноябре 1881 г. консульство из Одессы посыпает запрос, есть ли препятствия для выдачи разрешения на выезд Анне Барбаре Новак, вдове торговца Карла Новака из Бритофа близ Сеножечей. И в декабре окружное управление Постойны сообщает в Любляну о выдаче разрешения на выезд Анне Барбаре Новак, а в мае 1882 г. консульство в Одессе сообщает о выдаче ей иностранного паспорта³⁷. Окружное управление Радовлица передает прошение Томажа Рацингера из Хрушиц близ Есениц о предоставлении ему разрешения на поездку в Россию (1883)³⁸. Север Янез из Градца, округ Кочевье, просит дать ему разрешение для поездки в Россию (1886)³⁹. Циркуляр Министерства внутренних дел в Вене напоминает о предписаниях русских властей относительно въезда в Россию. Губернскому управлению в Любляне министерство послало выписку из русских предписаний относительно разрешений на въезд⁴⁰. Австро-Венгерское посольство в Петрограде посыпает плату за иностранный паспорт Матеужа Клавжара из Кршки (1890)⁴¹. Окружное управление в Кочевье просит 200 формулариов выездных удостоверений для 200 дровосеков, которых старший рабочий Юрий Освалд из Желеч (№ 31) нанял для рубки леса в России (1890)⁴². Австрийское консульство в Одессе сообщает о продлении иностранного

паспорта Янезу Фрайбергеру из Шкофьи Локи⁴³. Можно перечислять и дальше. Подчеркнем, что приведены лишь те примеры, где целью поездки была определенно названа Россия. Следует иметь в виду как то, что фактически таких поездок было больше, так и то, что среди просителей были также такие, что называли целью поездки Россию, но по пути отправлялись куда-нибудь еще, то есть не достигли пункта назначения.

Некоторые материалы об иммиграции и жизни словенцев в царской России хранятся в словенских и русских архивах. Особенно много сведений мы надеемся найти в материалах австрийских посольств и консульств в России, вместе с документами, появлявшимися по ходу самого пребывания словенцев в России. Еще раз следует подчеркнуть, что вышеприведенный просмотр картотек дает представление лишь о небольшой части миграций, попавшей в сферу внимания австрийских административных органов в связи с оформлением выездных документов, в Россию же уехало разными путями намного больше людей. Ведь упомянутые случаи являются всего лишь примером, доказывающим, что между обоими странами существовало сообщение, хотя и не сравнимое, например, с эмиграцией жителей словенских земель до Первой мировой войны в Бразилию и в Соединенные Штаты Америки. XIX столетие характеризуется как эпоха массовых переселений европейцев, по большей части направленных на запад, особенно через Атлантический океан в Соединенные Штаты Америки⁴⁴. Однако словенцам это столетие принесло также развитие взаимных, многочисленных связей между Россией и отечеством, особенно в сфере культуры и науки. Сотрудничество основывалось на идее общеславянской взаимности или панславизма, а в определенных случаях русофильства. Вопрос в том, насколько большой отклик в официальных российских кругах, проявлявших больше интереса к православным, нежели католическим славянам, находило воодушевление Россией среди словенцев? Известны даже случаи эмиграции словенских интеллигентов, поступавших на службу в гимназии в России и по большей части остававшихся жить на новом месте. Речь идет об утечке мозгов, конечно, если рассматривать это со словенской стороны. Этот период и взаимные связи относительно хорошо исследованы, особенно в области истории литературы и языкоznания.

Если иметь в виду XIX столетие или период, предшествующий распаду русской империи, взаимные связи вырисовываются в форме более или менее длительных пребываний в той и в другой стороне, и прежде всего в виде языковых, культурных и научных контактов. Происходил взаимный обмен между русской и словенской интеллигенцией (профессора, ученье, студенты), ради совершенствования в языке и знаний друг о друге,

формировались научные связи (например, между славистами), особенно, начиная с середины XIX в. (1848). Это нам прекрасно показывает монография Искры Чуркиной «Русско-словенские культурные связи с конца XVIII века до 1914 года» (Любляна, 1995). Знакомство с новыми землями и путешествия интеллигентов — иногда не такие уж короткие — были модными в XIX столетии. Многие происходили случайно, другие предпринимались с целью образования и преподавания, например, в разных гимназиях в России. Россия стала более известна в словенских землях в связи с Этнографической выставкой и Славянским съездом в 1867 г. в Москве. Чуркина констатирует, что ей удалось найти сведения о судьбах лишь некоторых эмигрантов, общим для которых являлось то, что они все были интеллигентами, недовольными австрийскими условиями. В России они видели страну, которая должна освободить словенцев от «иноzemного ига». Так, в 1866 г. в Санкт-Петербурге был открыт Славянский учительский институт, функционировавший до 1882 г. и предоставивший возможность некоторым славянам эмигрировать из ненавистной Австро-Венгрии. Тем не менее автор приводит мнение Даворина Терстеняка о том, что земляков, изучавших классические языки, влек в Россию желудок, а не сердце⁴⁵. Как бы то ни было, те, кто там обучались, должны были за каждый год обучения «отслужить» два года работы в России. Здесь учились 14 словенцев, и все, кроме одного, затем работали в гимназиях. И что примечательно, большинство из них до этого уже закончили венский, грацкий или пражский университеты. Они нашли новый дом в России, приняли православие, а некоторые также и гражданство, например, Даворин Хостник и Франц Штифтар⁴⁶. Мы можем говорить о настоящей утечке мозгов, которая с русской точки зрения кажется лишь каплей в море, со словенской же — достаточно существенной эмиграцией интеллигентов. Говоря о словенских иммигрантах в то время, нужно не упускать из виду и малочисленность словенцев, оставшихся на родине⁴⁷.

Среди обучавшихся в Славянском учительском институте словенцев наиболее известен Целестин Фран Георгиевич, который жил в России с 1869 по 1873 г. и единственный вернулся на родину. В наследии Петра Грасселли⁴⁸ сохранилось письмо, написанное во Владимире и датированное 12.6.1871, в котором Целестин критически отзывается об общественных и политических условиях в России, и между прочим пишет:

Но не подумайте, что я потерял веру в Россию: я верю в ее будущее, в будущее счастливое, которое наступит, когда пробудится мысль в этой массе тел, и в XIX столетии это будет происходить быстрее, чем в прежних. Только сейчас Россия не такая, какой мы ее представляем у себя

на родине, сейчас мы должны надеяться только на себя, если не хотим себя обманывать. Сейчас у России действительно слишком много собственных проблем, чтобы всерьез особо заботиться о нас, поскольку она не видит, чем бы мы могли быть ей полезны⁴⁹.

Целестин верил в особую роль России, которая для него являлась защитницей славян и создательницей новой славянской цивилизации⁵⁰. Письмо к Грасселли показывает, что его иллюзия относительно ее роли разрушилась, о чём он позже высказался в книге «Россия после отмены крепостного права» (Любляна, 1875). В России эта книга была запрещена. Вскоре после победы русских над турками, в 1878 г., Целестин «забыл» о своих плохих впечатлениях и о негативных сторонах русской политики и снова выразил надежду, что русское государство выполнит свою миссию, то есть освободит славянские народы⁵¹.

Иrena Гантар Година полагает, что словенцы уезжали в Россию не только ради финансовых возможностей, они ехали из-за традиционных симпатий к крупнейшей славянской державе. Укреплению этих чувств способствовали как введение дуализма в монархии (1867), так и объединение Германии (1871) и вера, что только Россия способна дать отпор пангерманизму, и что она единственная может помочь другим славянским народам в защите их культурных, экономических и политических интересов⁵². Читая корреспонденции из разных краев, например, в «Новицах» Блейвейса в 60-е и 70-е гг. XIX в., мы встречаем изъявления веры в Россию, выражения панславистских идей и даже русофильства у многих корреспондентов из числа мыслящих людей того времени (в основном не подписывавшихся).

Однако стоит задержаться на середине 60-ых гг. XIX столетия, когда интерес к России стал усиливаться как в сфере идеологии, так и в среде эмигрантов. Тогда началась, помимо «американской», еще и «русская и сербская эмигрантская лихорадка». Многие словенские органы печати публиковали корреспонденции сторонников и противников эмиграции в Банат, Сербию и Россию. В числе сторонников эмиграции «в южные и западные края нашей великой славянской отчизны» можно назвать штирийского корреспондента «К», который пишет, что никто больше не думает об Америке, а только о Сербии и о Кавказе, для отъезда в которые смогли бы оплатить дорожные расходы даже бедные словенцы⁵³. Когда пишут об Америке, представляют себе Миннесоту, куда в те же годы звал словенский миссионер Франц Пирц, желавший создать там «новую Словению»⁵⁴. Некоторые боялись, что словенцы забудут в Америке словенский язык и утеряют словенское самосознание, и опять же подчеркивали величину дорожных расходов, которых для отъезда в Сербию,

а также на Кавказ требовалось гораздо меньше⁵⁵. Писали на эту тему также в окрестностях Радовлицы, а редакция целовецкого «Словенца» проинформировала о том, что некоторые «советуют» уехать в Банат и Сербию, и далее: «...слышим, что сейчас называют даже Кавказские области, оставленные магометанскими черкесами»⁵⁶. Среди пропагандистов отъезда в Россию, а не в Америку, были «Новице» Блейвейса, агитировавшие за эмиграцию на Кавказ: «Для наших земляков, стало быть, есть большая разница между Россией и Америкой»⁵⁷. К агитации за Россию редакция только добавила предупреждение, чтобы в Россию ехали те, кто трудолюбив и состоятелен:

Так что и в России тоже ничего не добьешься с пустыми руками; нужны и капитал, и ум. Поэтому скажем снова: давайте надеяться, что с божьей помощью и заботой правительства придут лучшие времена, и мы останемся дома⁵⁸.

Сторонники эмиграции в Россию, особенно на Кавказ, подчеркивали, что там обширные пространства, где можно основать словенские общины, школы и церкви («Кавказ, следовательно, единственная область в Европе, имеющая столько свободных земель, что там могут поселиться целые общины; и это нам кажется очень важным».), в то время как в Сербии видели недостатки, такие, как православие, меньшие возможности для размещения, плохие условия для организации колоний, строительства церквей и т. д.⁵⁹ На адрес редакции «Новиц» даже пришла книжка Фердинанда Фон Брандта, агента по иммиграции в Россию, под названием: «Послание ко всем, кто хочет эмигрировать. Сведения о поселении в России путем купли и арендного договора». Сторонники эмиграции в Россию выступали за создание в Любляне общества для организации эмиграции на Кавказ. Из заинтересованных лиц следовало бы выбрать «почтенных и осторожных людей», чтобы они съездили в Россию и осмотрели потенциальные места для поселения⁶⁰.

Католическая «Згодня даница» предостерегала относительно эмиграции на Кавказ из боязни, что словенцы потеряют (католическую) веру⁶¹. Любопытны взгляды «словенца из Нижней Крайны», подписавшегося как Ковачич, на эмиграцию «земляков в чужие страны»⁶². Он пишет, что некоторые советуют словенцам, для которых настали плохие времена или которым надоела «своя дорогая отчизна», уехать на восток или на запад, где «текут молоко и мед, и где сидишь у египетских горшков, полных мяса». Корреспондент отвечает на публикации в «Новицах», вышедшие годом ранее⁶³. В связи с «востоком» Ковачич соглашается с кор-

респондентом «Новиц», что не стоит переселяться в Банат и в Венгрию (нехватка земли, плавучие воды и леса, низкие цены на хлеб, сильные морозы), а также и в Сербию, поскольку сербы православные или «староверы раскольники», и у них нет католических церквей. Спрашивается только, что скажет на это др. Янез Подлишчеков, который звал ехать в Сербию? Ковачич возражает и против возвеличивания Кавказа как «рая на земле», во-первых, из-за нездоровой среды и высокой смертности (ссылается на «географические сообщения» 1865 года, написанные русским подполковником Х. Я. Стебницким в то время, когда он был «начальником Тифлиса»), во-вторых, из-за того, что земли на Кубани и Лабе пригодны не для любого сельского хозяйства, а лишь для садоводства, виноградарства и шелководства, но для торговли там условия благоприятные (в этом он согласен с корреспондентом «Новиц»), и в-третьих, из-за того, что словенцы, стиснутые между казаками и болгарами, вряд ли будут чувствовать себя хорошо. В опасности оказалась бы их католическая вера, так как уже со времен Екатерины II русские не приветствовали католицизма. И если уж говорить о русских законах, то Ковачич замечает: «Ждите, пока рак на горе свистнет!». Также и словенский язык в тех школах, которые возможно будут, оказался бы в опасности («Русские мужики раскольники будут впихивать в детей русский язык, и словенскому языку вообще быстро придет последний час, как это случилось с теперешними бедными литовцами, которые должны платить двадцать пять рублей штрафа, если что скажут по-польски»)⁶⁴. Ковачич подчеркивает, что и при Александре II для католичества условия тяжелые, «и если бы туда и переселились все 521 490 крайнских католиков», они не смогли бы остановить притеснения католической церкви в России. А в конце статьи автор возвращается на родную почву и высказывает сомнения относительно призывов д-ра Янеза Подлишчекова, обещавшего «сербский рай». И хотя жизнь крестьян в Нижней Крайне трудна, крестьяне знают, что за плохим придет хорошее и что «они своему Богу и святой матери католической церкви останутся верны и в жизни и в смерти». Короче говоря, важно не только телесное желание (эмиграция), но и душевное (католическая вера). Поэтому он советует «подумать об эмиграции словенцев в чужие страны серьезно и добросовестно». Короче, он возражает против эмиграции на Кавказ, и главным аргументом является страх из-за притеснений католиков.

Большой поклонник Сербии, врач др. Янез Подлишчеков, предостерегал против отъезда на Кавказ, говоря, что там много народов (а в Сербии только один), среди них дикие черкесы, поляки, «спекулянты немцы, рыщущие по всему миру в поисках наживы», армяне, евреи и другие, но

закончил примирительными словами: «Если поедете на Кавказ, счастливого вам пути, и поприветствуйте там всех русских. Приедете в Сербию, добро пожаловать!»⁶⁵ Еще он подчеркнул, что лучше поехать в Сербию, которая близко, чем на Кавказ, который далеко. Итак, дальнее расстояние и многонациональный состав населения выступали существенными причинами для отказа от эмиграции в Россию.

Уже на основании рассмотренных отрывков из печатных органов того времени можно констатировать, что упомянутая эмиграционная лихорадка охватила по меньшей мере Штирию и Крайну (как Верхнюю, так и Нижнюю⁶⁶). Каков же был результат этой информационной войны? В рассматриваемое время словенцы, конечно, за редким исключением, не откликнулись на приглашения — ни в Америку, ни в Россию (или на Кавказ), и еще меньше в Сербию.

Россия стала также привлекательна для разъездных мелких торговцев. Среди них были и мелкие торговцы из словенских земель, особенно из Белой Крайны и Нижней Крайны. О них писал и собирая этнографические материалы писатель Янез Трдина, который являлся большим русофилом, народником и был не слишком расположен к немцам, особенно немцам из Кочевья. О мелком торговце (разносчике, как называет его Трдина) он много пишет в своих этнографических записках, прежде всего проводя сравнения между торговцами из Белой Крайны и из Кочевья, поскольку первые в большинстве своем были словенцами, а вторые немцами. Насчет эмиграции у него тоже была своя точка зрения, а именно, что лучше было бы какому-нибудь белокрайнцу уехать в Россию, а не в Америку («Без сомнения люди охотно ехали бы в Россию, если бы хоть один белокрайнец посоветовал это исходя из собственного опыта»), и вместе с тем он пишет: «И дома также могли бы жить лучше, чем в Америке, если бы хотели работать»⁶⁷. Много раз он констатировал, что «все устремляются в Хорватию и Сербию»⁶⁸. Мелкие торговцы из словенских земель главным образом направлялись в страны Средней Европы, прежде всего в Германию, однако заносило их и в восточные земли, в Киев, Варшаву, Санкт-Петербург, Москву, Владикавказ и в другие места. Наиболее известна история трех друзей из Дреки в Резьянской долине, которые доехали до предгорья Кавказа и основали там венецианскую колонию, названную Итальянский хутор. Весной 1875 г. коробейники Матеуж Рутар, Матеуж Приможич и Иван Терлихер отправились в путь длиною почти три тысячи километров, а именно через Загреб, Будапешт, Киев и Ростов до города Владикавказ в предгорьях Кавказа. И что же было у них в «коробах»? Как обычно у мелких торговцев из Венецианской Словении — гребни, платки, заколки для волос,

ножи, иголки, пуговицы, нитки, ленты и прочие мелочи, в том числе и картины. Было бы ошибочно считать, что торговцы, странствуя по миру, ничему не учились. Матеуж Рутар умел читать и учиться, он сумел приобрести различные знания. Он хорошо разбирался в механике, химии и народной медицине, даже принимал роды. Вернувшись за невестой на родину, в 1876 г. он женился на своей односельчанке Марии Юрман, которая родила ему в последствии 12 детей (выжили не все). Из Венеции он привез еще несколько односельчан и односельчанок (невест), так сложилась основа для колонии Итальянский хутор⁶⁹.

Давала ли Россия возможности к обогащению? Несмотря на относительность этого понятия, можно сказать, что некоторые преуспели и сколотили себе состояние. Среди них был уже упоминавшийся врач Грегор Боглар во времена Петра I, затем эти три мелких торговца из Венецианской Словении, которые за два года торговли заработалиличную сумму денег и купили 85 га земли недалеко от Владикавказа, и не в последнюю очередь также торговец Иван Кос, словенский иммигрант в Санкт-Петербурге, приехавший в этот русский город двадцати трех лет от роду, поступивший на работу в торговую фирму и со временем ставший ее хозяином. Фирма импортировала машинное оборудование и драгоценные камни. Русская революция 1905 г. испугала его, поэтому он уехал в Любляну, но через год вернулся в Россию, где и умер в 1907 г.⁷⁰

В Россию также приезжали на гастроли словенские деятели искусства. Так известный баритон Йосип Нолли выступал в Одессе, Киеве, Москве и Петербурге⁷¹.

Интерес к России как к месту эммиграции появлялся и позже. Так, в 1880 г. с юга России объявился Алберт Ясен(е)ц. Он считал, что Россия является сердцем славянства, и потому словенцы должны бы проявлять больше интереса к этой стране. Он подчеркивал, что словенцы трудолюбивы и прилежны, особенно крайнцы, остроумны, но многим трудно живется на родине. Его удивляло, что в России нет больше словенцев, и что все уезжают в Америку, далекую страну, в то время как южная Россия так близко:

В самом деле удивительно, что словенцы охотнее отправляются через дальнее море к чужому американскому племени, чем в ближнюю Россию, в которой живет братский народ. Я не понимаю причин таких действий⁷².

Он считал, что Америка слишком далеко, и многим, по его мнению, там живется не сладко. И продолжал: «Мне кажется удивительным, что

в Россию еще не переселился никто из словенцев», в особенности потому, что в России уже существовали немецкие, сербские, болгарские и даже французские колонии. В статье «Россия в сельскохозяйственном отношении» он между прочим привел в пример немцев, которые поселились в Бессарабии, южной России, на Кавказе и в других местах в конце XVIII и в начале XIX вв. Их семьи получили по 60 десятин земли, различные привилегии, например, до 1874 г. они были освобождены от воинской повинности и т. д. Так, автор, основываясь на опыте немцев, приглашал словенцев в Россию⁷³. Не в последнюю очередь он писал из Мадрешта о том, что в Одессе пел Йосип Нолли⁷⁴.

Петер Миклавец (Подравский) из Рыбницы в Погорье писал в «Славянских известиях» в 1889 г. о социальном положении словенцев. Он выступал за улучшение материального положения словенского народа, особенно в Нижней Штирии, ведь тамошнее население было вынуждено эмигрировать в Америку. Поэтому он выразил пожелание, чтобы русское правительство создало условия для его организованного приезда в Россию, где могли бы основываться словенские колонии⁷⁵. Было бы интересно проанализировать, сколько словенцев жило в Одессе. Можно согласиться с выводом др. Людовита Стясния (1901) о том, что в конце XIX столетия условия для переселения в Россию были хуже, чем столетием ранее. Государство в меньшей степени поддерживало переселенцев, земля стала дороже, мужчины не освобождались от воинской повинности, беспроцентных займов больше не было. Однако он задает себе вопрос: «Можно ли словенским рабочим найти работу в России?» и отвечает:

В России кое-где рабочим хорошо платят, но нигде не платят так хорошо, как в Америке! Зато жизнь в России также очень дешевая. Поэтому, и еще потому, что торговля и ремесло в могучей России развиваются все больше, русский язык серьезно изучают в разных странах, например, во Франции, Англии и Германии. Также у нас в Австрии в некоторых средних школах в Чехии и Моравии изучается русский язык, и многие получили действительно хорошую работу в России.

<...>

На Кавказ приезжают в поисках работы словенские дровосеки. Они едут из Триеста в Царьград и оттуда в Батуми. Эта поездка продолжается не менее 14 дней и стоит она дорого. Лучше ехать в Тифлис на поезде. Ведь недавно закончилось строительство железной дороги из Дербента в Баку, и сейчас каждый может доехать от нас по железной дороге до Тифлиса. Так ехать намного быстрее и дешевле⁷⁶.

В XX в. особенно повлияли на миграционные движения словенцев в Россию Первая мировая война и последовавшие за ней Октябрьская революция и гражданская война, а после Второй мировой войны в ограниченном масштабе кризис Информбюро и бегство ряда словенских перебежчиков из Югославии, по большей части в Венгрию и в Советский Союз. Первая и Вторая мировые войны привели к увеличению количества временных словенских эмигрантов, которые в обоих случаях в качестве военнопленных оказались в России или Советском Союзе, в период Первой мировой войны как австрийские, а во время Второй как германские военные. Во время как Первой, так и Второй мировых войн многие словенцы перешли на сторону русских. После падения Габсбургской монархии и царской России и утверждения новой, коммунистической, идеологии в тогдашнем мире взаимоотношения восстановились, в годы первой Югославии они были незаконными, нелегальными, в годы Югославии Тито — хотя и законными, но нестабильными и с некоторыми разногласиями (уже упоминавшаяся миграция после кризиса Информбюро). После Первой мировой войны Королевство сербов, хорватов и словенцев предоставило убежище многим русским эмигрантам, противникам новых порядков в Советской России. Некоторые из них остались жить в Словении. В межвоенный период были случаи отдельных отъездов словенских эмигрантов из Голландии в Советский Союз — вследствие крупного экономического кризиса (экономической миграции) в Западной Европе, а также из-за надежды на более справедливую жизнь в Советском Союзе⁷⁷. Как в тот период, так и после Второй мировой войны эмиграция в Советский Союз была прежде всего связана с получением образования в области политических, идеологических и военных наук. После 1945 г. к этому присоединилось военное, культурное и научное, а иногда и экономическое сотрудничество. Эти связи снова можно охарактеризовать как своеобразную миграцию интеллигентов. В контексте коммунистической Югославии эмиграция словенцев в Россию, или Советский Союз, была значительно меньше, чем, например, эмиграция сербов или черногорцев, которые исторически, т. е. традиционно имели более тесные связи с русскими.

Миграционные процессы являются процессами глобальными. Словенско-русские миграции в обоих направлениях — лишь маленький кусочек мозаики на карте Европы, но он имеет важное значение из-за малочисленности словенцев в рамках славянства и Европы. Многое уже известно, еще больше неоткрытого, требующего углубленных и совместных изысканий словенских и русских исследователей миграционных движений⁷⁸.

Перевод Л. Кирилиной

Примечания

¹ В первый раз его послал ко двору Ивана Грозного император Максимилиан II, во второй раз император Рудольф II, см.: Mesesnel F. Cobezl // Slovenski biografski leksikon. Knj. I. Ljubljana, 1925–1932. S. 83

² Rosisko, то есть Rusija.

³ Гигиена — греческая богиня, олицетворение здоровья.

⁴ В 2002 г. в его память община Накла построила фонтан.

⁵ Holz E. Ljubljanski kongres 1821. Ljubljana, 1997. 284 s.

⁶ Копия картотеки хранится в Институте словенской эмиграции Научно-исследовательского центра Словенской Академии наук и искусств в Любляне.

⁷ Bade K. J. Evropa v gibanju. Migracije od poznega 18. stoletja do danes. Ljubljana, 2005. S. 231.

⁸ Arhiv Republike Slovenije, AS 16 — Deželno predsedstvo za Kranjsko (kartoteka) (далее: AS-16, DPK), регистрационный номер записи: 1818/376.

⁹ AS-16, DPK, 1847/1721.

¹⁰ AS-16, DPK, 1851/826.

¹¹ AS-16, DPK, 1852/1717.

¹² AS-16, DPK, 1856/2378.

¹³ AS-16, DPK, 1861/1229.

¹⁴ AS-16, DPK, 1862/523.

¹⁵ AS-16, DPK, 1862/1240.

¹⁶ AS-16, DPK, 1872/605.

¹⁷ AS-16, DPK, 1828/1249.

¹⁸ AS-16, DPK, 1861/1303, 1212.

¹⁹ AS-16, DPK, 1835/1055, 1358.

²⁰ AS-16, DPK, 1835/1292.

²¹ AS-16, DPK, 1853/3488.

²² AS-16, DPK, 1853/3786.

²³ AS-16, DPK, 1854/2170.

²⁴ AS-16, DPK, 1859/242.

²⁵ AS-16, DPK, 1860/2298.

²⁶ AS-16, DPK, 1861/284.

²⁷ AS-16, DPK, 1862/434.

²⁸ AS-16, DPK, 1862/778.

²⁹ AS-16, DPK, 1862/1225.

³⁰ AS-16, DPK, 1862/1454.

³¹ AS-16, DPK, 1867/215.

³² AS-16, DPK, 1868/926, 1080.

³³ AS-16, DPK, 1868/1526.

³⁴ AS-16, DPK, 1872/552.

³⁵ AS-16DPK, 1879/1897.

³⁶ AS-16, DPK, 1879/2216.

³⁷ AS-16, DPK, 1881/926, 988 , 1079, 2121, 2218, 2286, 1882/1153.

³⁸ AS-16, DPK, 1883/2539.

³⁹ AS-16, DPK, 1886/3458.

⁴⁰ AS-16, DPK, 1888/1342, 2469.

⁴¹ AS-16, DPK, 1890/648.

⁴² AS-16, DPK, 1890/2824.

⁴³ AS-16, DPK. 1892/597.

⁴⁴ Россия также являлась государством, из которого эмигрировали, так в Соединенные Штаты Америки в 1821–1911 гг. из России уехало 2.669.785 человек (сравнительно мало). Из Англии в тот же период эмигрировало 7.949.617 человек; из Германии 5.421.609 человек; из Австро-Венгрии 3.336.569 человек; из Италии 3.272.985 человек. См.: *Chmelar H. Höhepunkte der Österreichischen Auswanderung*. Wien, 1974. S. 27.

⁴⁵ Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki: od konca 18. stoletja do leta 1914. Ljubljana, 1995. S. 193.

⁴⁶ Gantar Godina I. Slovenski intelektualci v slovanskih deželah do 1918 // Melikov zbornik. Ljubljana, 2001. S. 860.

⁴⁷ На территории современной Республики Словении в 1846 г. проживало 1 077 000 человек, а в 1910 г. — 1 312 000. В то время, как численность населения Австрии увеличилась на 28%, численность словенского населения выросла всего на 10%, что явилось последствием большой эмиграции и германизации северных словенских земель. См.: Melik V. Družbene in politične razmere na Slovenskem v Hostnikovem času // Davorin Hostnik med Slovenijo in Rusijo. Šmartno ob Litiji, 2004. S. 14.

⁴⁸ Петр Грасселли (1841–1933), юрист, политик, деятель культуры и финансист. Являлся членом различных обществ («Словения», «Люблянская читальня», «Южный Сокол», «Драматическое общество», «Словенская матица») и сотрудничал в газетах («Триглав», «Словенский народ»), был председателем словенского Красного креста и в 1882–1896 гг. жупаном города Любляны (Enciklopedija Slovenije. Knj. 3. Ljubljana, 1989. S. 376).

⁴⁹ Drnovšek M. Arhivska zapuščina Petra Grassellija 1842–1933. Ljubljana, 1983. S. 56.

⁵⁰ Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki. S. 178.

⁵¹ Gantar Godina I. Pogledi slovenskih izseljencev v Rusiji na svojo novo domovino // Davorin Hostnik med Slovenijo in Rusijo. S. 33.

- ⁵² *Gantar Godina I.* Slovenski intelektualci v slovanskih deželah do 1918. S. 861.
- ⁵³ Slovenec. Celovec, 5.8.1865. Št. 59. S. 35.
- ⁵⁴ Drnovšek M. Franc Pire (1785–1880): sadjar na Kranjskem in misijonar v Ameriki. Naklo, 2003. S. 75.
- ⁵⁵ Novice. Ljubljana, 1865. Št. 47. S. 381.
- ⁵⁶ Slovenec. 9.8.1865. Št. 60. S. 239.
- ⁵⁷ Novice. 1865. Št. 48–51. S. 415. См. также: S. 390, 405–406, 414–415, 423.
- ⁵⁸ Novice. 1865. Št. 33. S. 262–263.
- ⁵⁹ Novice. 1865. Št. 48. S. 390.
- ⁶⁰ Novice. 1865. Št. 52. S. 423.
- ⁶¹ Zgodnja danica. Ljubljana, 20.1.1866. Št. 3. S. 21.
- ⁶² Zgodnja danica. 20.2.1866. Št. 6. S. 42–44.
- ⁶³ Novice. 1865. S. 47–52.
- ⁶⁴ При этом Ковачич ссылается на: Wiener Kirchenzeitung. Wien, 1866. Št. 1.
- ⁶⁵ Novice. 1866. Št. 24. S. 193–194
- ⁶⁶ Напр.: *Kovačič*. Misel dolenskega Slovencea (o preseljevanji rojakov v ptuje dežele) // Zgodnja danica. 20.2.1866. Št. 6. S. 42–44.
- ⁶⁷ *Trdina J.* Podobe prednikov // Zapiski Janeza Trdine iz obdobja 1870–1879. 27 zvezkov rokopisa v 3 knjigah. Ljubljana, 1987. Zv. 2. S. 95.
- ⁶⁸ *Trdina J.* Podobe prednikov. Zv. 5. S. 247.
- ⁶⁹ *Rutar R.* «Bouh je dau, bouh je uzeu» // Poti in usode. Selitvene izkušnje Slovencev z zahodne meje. Koper–Trst, 2002. S. 28–31; *Stiasný L.* Slovenska naselbina pri Vladikavkazu na Ruskem // Koledar Družbe sv. Mohorja 1902. S. 44–50.
- ⁷⁰ *Čurkina I.* Rusko-slovenski kulturni stiki. S. 199; *Šuklje F.* Sodobni: mali in veliki. Ljubljana, 1933. S. 209–210.
- ⁷¹ *Čurkina I.* Rusko-slovenski kulturni stiki. S. 207.
- ⁷² Novice. 1880. Št. 28. S. 228–229.
- ⁷³ Novice. 1880. Št. 46. S. 370 (и далее).
- ⁷⁴ Novice. 2.2.1881. S. 45–46.
- ⁷⁵ *Čurkina I.* Rusko-slovenski kulturni stiki. S. 240–241.
- ⁷⁶ *Stiasný L.* Slovenska naselbina. S. 50.
- ⁷⁷ Католический Эмиграционный сборник 1938 (Izseljenski zbornik Izseljenske zbornice v Ljubljani 1938. S. 137) приводит данные, что в России (Советском Союзе) живет более 600 словенцев, с примечанием: «Все связи с ними прерваны». Это утверждение верно лишь отчасти, поскольку словенские коммунисты уезжали на работу и на обучение в эту страну, конечно, нелегально, если покидали Югославию.

⁷⁸ В работе также были использованы: *Dolgova S. R. Doktor Gregor Karbonarij v Moskvi // Arhivi. Ljubljana, 2001. L. XXIV. Št. 1; Drnovšek M. Nakljáneč Gregor Voglar (1651–1717): zdravnik v Rusiji. Naklo, 2002; Gabrijel Gruber S. J. 1740–1805. Razstava ob 200 letnici smrti. Ljubljana, 2005; Janša-Zorn O. Agitacija «Novic» za preseljevanje Slovencev v Srbijo v letu 1865 in 1866 // Kronika, časopis za slovensko krajevno zgodovino. Ljubljana, 1962. L. X. Št. 3; Šmitek Z. Klic daljni svetov. Slovenci in neevropske kulture. Ljubljana, 1986; он же. Poti do obzorja. Antologija slovenskega potopisa z neevropsko tematiko. Ljubljana, 1988; Žiga Herberstein: odkritelj Rusije. Ljubljana, 1999.*

Стане Гранда

Русско-словенские отношения в XIX в.

Словенско-руssкие отношения почти не обременены прошлым. Нельзя сказать, что их не было. Думаю, что в особенности словенские ожидания в связи с Триестом и другой словенской этнической территорией, которая сейчас принадлежит Италии, после Второй мировой войны не получили соответствующей русской поддержки. Но Советский Союз был в то время в тисках идеологических планов проведения мировой революции и славянская проблематика и международная справедливость самое большое являлись для него лишь средством, а не целью или принципом. Несмотря на это хочу сказать следующие слова. Как известно, словенские планы возводили у югославских генералов заговорщицкие амбиции. Они ждали военной и политической поддержки у своих русских коллег. А так как русские генералы их не поддержали, они должны были отступить от своих планов. Пользуясь случаем, как словенец и как активный участник войны за Словению я хочу выразить за это благодарность русским. Словенское самоопределение при других международных обстоятельствах было бы существенно более тяжелым и более кровавым. Поэтому сейчас я не буду говорить о русско-словенских отношениях в XIX в. с точки зрения отдельных лиц и общественных элит, но с точки зрения широких народных масс.

Отношения между самым восточным и самым западным славянскими народами уходят своими корнями в далекое прошлое. С точки зрения интеллектуальных элит для их развития имеет исключительное значение Жига Герберштейн, но с точки зрения широких международных контактов первенство принадлежит краинским коробейникам, которые распро-

страняли сведения о многочисленных русских братьях по языку среди словенцев. Вероятно, славянское самосознание и прежде не полностью отсутствовало у словенцев, иначе на него не обратили бы внимания словенские протестанты. О том, что его нельзя недооценивать, писал также Янез Вайкард Вальвазор.

Более массовое славянское самосознание предков современных словенцев несомненно связано со словенским Возрождением. Следует представлять его себе не только как исключительно литературное и языковое явление, но как явление религиозное, что проявилось прежде всего в культе солунских братьев Кирилла и Мефодия. Этот культ возник еще в XVIII в. Память о славянских просветителях сохранилась в рассказах о славянском христианстве, о древности и несла в себе протест против немецкого вероломства. Этот аспект в прежних трудах о словенском духовном развитии и самосознании отмечен еще недостаточно и требует более глубокого исследования.

Относительно перехода русских солдат через Штирию и Каринтию в 1799 г., как мне кажется, стоит особо подчеркнуть тот факт, что русские женщины, сопровождавшие своих мужей, по приказу военных властей должны были оставить своих детей у тамошних словенцев. Это указывает несомненно на доброжелательные человеческие отношения, сложившиеся между словенцами и русскими солдатами. То, что это было реально возможно, свидетельствует также Владимир Богданович Броневский, описавший путь русских моряков из Триеста на родину. Нужно также принять во внимание широкие духовные возможности того времени, когда, с одной стороны, основывается первая кафедра словенского языка в Граце, а с другой — французы издают указы о положении словенского языка в Иллирийских провинциях, открыв возможность активно действовать Валентину Воднику. Нельзя забывать также, что вместе с французскими частями в Россию вторгся и Иллирийский полк. Хотя многие его солдаты навсегда остались в России, сохранились воспоминания одного из них, которые опубликовал Йосип Юрчић. Мы знаем и то, что многие участники того похода умерли в 70-е гг. XIX в.

Приезд русского царя Александра I в 1821 г. на Люблянский (Лайбахский) конгресс являлся не только величайшим дипломатическим событием в истории Любляны. То, что он как личность, как государь великой славянской державы был хорошо принят, доказывает название трактира в его честь, ведь никто не даст своему предприятию имя, с которым связаны плохие воспоминания. Людскую мольбу о незаконном ребенке русского царя от некоей словенки, а также свою встречу с ней записал Янез Трдина. Память об этом событии также указывает на широкий отклик

людей на него. Именно с Люблянского конгресса можно говорить о интересе многих словенцев к России и русским, и интерес этот с самого начала носил политический характер. Помимо этого среди народа все более распространялись идеи, связанные с объединением христианских церквей, а движение за единство христиан стало сильным не только по религиозным, но и по политическим причинам. Если бы славяне придерживались единого вероисповедания, и конечно, по мнению католиков, католического, то их многочисленность сделало бы их влияние в Риме чрезвычайно значительным. Как известно, апостолом славянского религиозного объединения являлся также Антон Мартин Сломник. Открытым остается вопрос, высказывалась ли надежда, что религиозное объединение славян ускорит экономическое и социальное развитие России.

Большим препятствием дальнейшему развитию отношений стала революция 1848 г., когда австрийские славяне и словенцы в их числе должны были опровергать упреки в том, что они являются форпостом России. В качестве противовеса великонемецкому давлению, несомненно, демократическая славянская Россия была бы большой и единственной поддержкой им, но поскольку она такой не была, славяне вынуждены были искать выход в австрославизме. Такие настроения австрийских славян заметил венский двор.

В последующие десятилетия XIX в. можно говорить не только о том, что широкие массы словенцев знали о России, но и об особом отношении к ней всего народа. Большинство простых людей вспоминали ее, когда молились за единство христиан, более просвещенная часть народа, имевшая славянское самосознание, восхищалась прежде всего ее необозримыми просторами. Для них она была компенсацией за малочисленность словенцев, за угрожавшую им германизацию и за обиду на собственную слабость. Возможно, это сильнее всего проявилось у Матии Маяра Зильского, который своей открытой любовью к России показывал свое презрение к Австрии с ее высокомерным отношением к словенцам.

Культурно-политические связи между словенцами и русскими во второй половине XIX в. благодаря И. В. Чуркиной и другим авторам хорошо исследованы и повторение приведенных ими фактов явилось бы только потерей времени. Здесь я могу лишь выразить им признание за проделанную работу. Отмечу только три момента. Деятельность М. Ф. Раевского в русском посольстве в Вене в 1842–1884 гг., особенно финансовая помощь, шедшая через него, является одним из самых ярких свидетельств трудного положения словенской культуры и политики, деятели которых имели таланты и идеи, но не имели финансовых средств, чтобы воплотить их в жизнь. При поиске финансовых средств речь шла не о личном

обогащении, а прежде всего о поисках помощи для того, чтобы доказать на родине — немецкой общественности, а также нерешительным или сомневающимся людям в своих рядах, — что словенцы способны на многое. Притеснения и экономическая слабость были таковы, что словенскими патриотами не принимались во внимание такие препятствия, как религиозные различия и подозрение австрийских властей в государственной измене. Среди первых, кто хотел поставить отношения словенцев и русских на подобающее место, был Иван Хрибар. Экономически он был очень силен и мог добиться успеха.

С расширением знакомства словенцев с русской литературой, особенно отдельных лиц и кружков, занимавшихся изучением русского языка, все более укреплялась уверенность, что у словенцев есть будущее, также благодаря и своему могущественному далекому родственнику. Любопытен факт, что изучением русского языка особенно интересовались женщины. Искреннее восхищение Россией, ее культурой и особенно ее еще неиспользованным потенциалом во всех областях захватило также многих представителей католических кругов.

В начале Первой мировой войны славянское самосознание, как в югославянской, так и в панславистской форме, уже повсеместно распространенное среди словенцев, превратилось во влиятельный политический фактор. Это славянское самосознание, любовь к России нашли свое выражение во время Первой мировой войны в том, что многие словенцы в ходе военных операций или по собственному убеждению сдавались в плен русским. После возвращения на родину, многие из них критиковали существовавшие в России порядки, но не скрывали своей любви и воодушевления по отношению к простым русским людям. Многим вернуться на родину было трудно.

Русские военнопленные на словенской территории оставили свой след пребывания там прежде всего в памятной часовне на Вршиче. Многие военнопленные были отправлены в деревни в помощь крестьянам, и между ними и местными жителями установились добрые отношения. Некоторым из русских военнопленных словенские условия жизни так понравились, что они остались в Словении, создали новые семьи. Часть из них перешла в католичество, что стало для отдельных деревень большим славянским праздником, доказательством того, что русские и словенцы в будущем могут стать ближе друг к другу и в религиозном отношении.

Знаменательно и пребывание русских политических эмигрантов в словенских землях после Первой мировой войны. Можно только сожалеть, что в последние годы все было идеологизировано, и любовь к России и русским была однозначно отождествлена с симпатиями к коммунизму.

Во всяком случае углубление межчеловеческих отношений, — если подняться над узкими интересами науки, политики и экономики, а также туризма, — станет в будущем важной задачей для тех, кто действительно желает, чтобы русско-словенские отношения развивались на более широкой основе.

Перевод И. Чуркиной

Андрей Бенедейтгит¹

Русские и фронт Изонцо

В октябре 1917 г., габсбургская армия при поддержке германских вооруженных сил, прорвала итальянские укрепления на реке Изонцо, добившись одного из самых впечатляющих военных успехов Первой мировой войны. В последовавшем за этим прорывом сокрушительном разгроме, который был ярко описан Эрнестом Хемингуэем в его шедевре «Прощай, оружие!», итальянская армия потеряла половину своих солдат и за несколько дней в беспорядке отступила более чем на сто километров до реки Пиавы. Так завершилась история печально известного фронта Изонцо, одного из самых масштабных побоищ этой великой войны. Довольно значительную роль в этой истории сыграло малоизвестное участие русских.

Река Изонцо, или по-словенски Соча, берет начало в Юлийских Альпах и течет в Адриатическое море через неприветливый карстовый регион. Это голое скалистое пространство, которое веками населяли словенцы, является геологически уникальным плато, где выходят на поверхность известняковая порода, почти лишенная растительности и перемежаемая бесчисленными впадинами, или так называемыми «долинами». Именно здесь итальянская армия под командованием генерала Луиджи Кадорны в 1915 г. решила напасть на соседа и вчерашнего союзника имея целью «прогулку в Вену» через так называемую Люблянскую брешь, центральную горную долину словенской этнической территории. В случае успеха Италия могла бы получить территории многонациональной империи, обещанные ей странами Антанты по тайному Лондонскому договору, включая главный габсбургский порт город Триест, весь приморский регион, простирающийся далеко в Альпы, полуостров Истрию, северную Далмацию и ряд адриатических островов.

Однако итальянцы столкнулись с непредвиденными трудностями. Невзирая на то, что силы Габсбургов были разрознены и заняты на мно-

гочисленных фронтах на Востоке и Балканах, им удалось обеспечить успешную оборону. Это было в значительной мере следствием хитроумного решения Вены использовать искреннее возмущение итальянским нападением, охватившее местных жителей — южных славян, которые были чрезвычайно встревожены видами Рима на земли, где они проживали издревле. Поэтому командующим габсбургской армией на новом фронте был назначен генерал Светозар Бороевич, хорватский серб из Краины, а на этот участок было спешно переброшено большинство хорватских, боснийских и словенских подразделений. Среди них находились отборные 27-ой Люблянский стрелковый полк и 87-ой Цельский пехотный полк, которые двинулись на поле сражения с развернутыми словенскими флагами, вопреки армейскому регламенту. В ходе последующих ожесточенных боев наступление итальянских войск было остановлено крайне дорогой ценой на реке Изонцо. Погибших до сих пор оплакивает народная песня, в которой плато Добердобр, где велись беспощадные бои, назван «могилой словенских парней» (*«slovenskih fantov grob»*).

Кроме высокого боевого духа, габсбургские полки привнесли новые приемы окопной войны и с убийственным эффектом использовали против массированных штурмов итальянской пехоты колючую проволоку и пулеметный огонь. Однако в отличие от солдат, воевавших на других фронтах, здесь обороняющиеся столкнулись с особыми трудностями, обусловленными исключительным характером местности, где они воевали, — от каменистого карста до вздымающихся Альп. Чтобы как следует окопаться, приходилось буквально взрывать скалы, а чтобы обеспечить доставку боеприпасов, приходилось прокладывать новые дороги в труднейших условиях. Поэтому требовались многочисленные строительные подразделения, готовые действовать в самых тяжелых и опасных условиях.

Вена решила данную проблему за счет русских военнопленных с Восточного фронта, в срочном порядке их задействовав. Таким образом тысячи разоруженных русских солдат начали свой круглосуточный труд в долине Изонцо и ее окрестностях. Они возводили каменные укрепления, рыли глубокие окопы, выкладывали брустверы из мешков с песком, устанавливали металлические щиты и тянули колючую проволоку по передовой, а позади линии фронта прокладывали трассу. Строительные отряды постоянно несли потери из-за артобстрелов, что было особенно губительно на карсте, где от каждого разрыва снаряда разлетались во все стороны острые, как бритва, осколки хрупкого известняка. А выше в горах над ними нависала другая, но не менее гибельная опасность, именуемая в народе «белой смертью».

Самым страшным врагом в Альпах были лавины, и русские испытали на себе жестокость природы уже зимой 1915–1916 гг. В то время поч-

ти 12 тысяч русских пленных были привлечены габсбургской армией к строительству стратегической дороги через перевал Вршич, высота которой составляет 1600 метров. Разутые и оборванные, русские страдали от суровых холодов, болезни и непогода валили их с ног. В марте 1916 г., произошло трагическое событие — сход снежной лавины, которая смела более трехсот человек, разрывая тишину своим гулом от обрушившейся гигантской белой массы. Когда снег подтаял, уцелевшие от гибели русские военнопленные откопали тела своих погибших товарищей, похоронили их, и воздвигли на склоне горы православную часовню.

Дорога, с такими страданиями построенная русскими, сыграла ключевую роль в знаменитом октябрьском прорыве 1917 года. Она дала возможность быстро развернуть на этом участке фронта элитный габсбургский 1-ый корпус и легендарный германский Альпийский корпус. В составе последнего находился энергичный оберлейтенант Эрвин Роммель, известный военным историкам как «Лис пустыни». Он описал подготовку и проведение Сражения под Капоретто в книге «Пехота наступает». За подвиги, совершенные им во главе штурмового отряда, который в значительной мере способствовал падению линии обороны злополучной итальянской 2-ой армии, он был удостоен высшей военной награды германской империи — ордена «Синий Макс».

Сегодня дорога через Вршич находится в Словении. В 2006 г., спустя 90 лет после трагедии, она официально была переименована словенским правительством в «Русскую дорогу» в память о тех, кто ее построил. Православная часовня все также стоит на горном склоне, и все эти десятилетия местные жители бережно ухаживают за ней. С момента обретения Словенией независимости в 1991 г. часовня стала местом регулярных словенско-российских встреч, которые ежегодно проходят в конце июля, когда в честь захороненных там русских солдат справляется поминальная служба. Эта трогательная церемония каждый раз становится поводом для размышлений о лишениях и страданиях, которые принесли войны прошлого столетия этой и другим землям Европы. Она свидетельствует о зрелости, достигнутой на континенте с тех пор, и напоминает нам всем о том, что прошлое нельзя забывать еще и ради того, чтобы оно не повторилось. В этом смысле жертва, принесенная русскими на фронте Изонцо, была не напрасной.

Примечания

¹ Двоюродный дед автора, Йожеф Бенедейчик, погиб в 1916 г., будучи солдатом 97-ого Триестского пехотного полка.

Йоже Пирьевец

Словенцы и русские (1918–2008)

Никогда ранее и в более поздние периоды не было столько словенцев в России и столько русских в Словении как в период Первой мировой войны. Конечно, они не были туристами, приехавшими туда добровольно, а военнопленными и дезертирами, захваченными в Галиции, где столкнулись российские и австро-венгерские войска. Их рассылали в различные лагеря в тылу, где они влажили жалкое существование до конца войны. Часть из тех, кто выжил, включились в вихрь событий, которые в 1917–1918 гг. разрушили обе империи. О русских в Словении (их было приблизительно 10 тысяч), например, известно, что некоторые их воинские части вместе со словенскими, хорватскими и сербскими солдатами участвовали 30 октября 1918 г. в окончательном разгроме австрийских сил. В Любляне они заняли военную комендатуру, железнодорожный вокзал и другие ключевые объекты¹. Многие свидетельства словенских военнопленных в России, с другой стороны, рассказывают, как эти молодые люди, которых страдания сделали опытными мужчинами, включились в вихрь революции и гражданской войны. Некоторые из них выступили на стороне белых, другие же — на стороне большевиков. В Красной Армии они занимали ответственные должности. Так Сречко Йерас в 1919 г. был начальником штаба актюбинского фронта, Йоже Велнар — командиром 27-ого полка, Иван Мажгон сражался в рядах партизан на Алтае. И это лишь некоторые имена². Большинство из тех, кто выжил, после мирного договора в Брест-Литовске возвращались на родину, часто через Сибирь и Китай. И там они оказались совсем в других условиях, чем когда их призвали на военную службу³. Древняя габсбургская монархия, которая в последние годы своего существования оказалась настоящей мачехой для словенцев, но вместе с тем и объединяла их в своих границах, распалась, и на ее руинах возникли новые государства. Между ними и была разделена словенская территория: Приморье, с приблизительно 350 тысячами словенцев, получила Италия, в обрезанной со всех сторон республиканской Австрии в Каринтии тоже осталось немалое число словенцев⁴.

В этих обстоятельствах обнаружилось весьма интересное явление: выдающиеся представители интеллектуальной элиты Словении, зачастую только что возвратившиеся из плена, довольно критически отнеслись к русской революции. В ней они увидели «кровавый хаос», патологическое явление и «болезнь русской души»⁵. В Приморье, оказавшемся

под властью Италии, традиционное увлечение Россией привело к убеждению рабочих и части интеллигенции в том, что только коммунизм в силах справедливо решить социальные и национальные проблемы. С приходом к власти фашистов в октябре 1922 г. легальная деятельность Коммунистической партии Италии, членами которой являлись многие словенцы, стала невозможной. Но это, конечно, не означало прекращения отдельными коммунистами агитационной деятельности. Когда к концу 20-х гг. усилились репрессии со стороны режима Муссолини, часть из них отправилась в Москву, где под покровительством Коминтерна образовалась небольшая, но довольно активная словенская колония. Среди приморских беженцев, обосновавшихся в Москве, стоит выделить по крайней мере троих: Владимира Мартеланца, Ивана Регента и Драгутина Густинчича, сумевших сохранить свои идеалы вопреки очень тяжелым условиям жизни, в которых они оказались. Убежденные в том, что только от пролетарской революции можно ожидать решения словенского вопроса, Регент и Густинчич содействовали принятию в 1934 г. решения Коминтерна рекомендовать коммунистическим партиям Италии, Австрии и Югославии сделать общее заявление о признании права словенского народа на самоопределение и тем самым на собственную государственность⁶. Меньшим успехом завершилось их стремление добиться разрешения на создание единой словенской коммунистической партии, невзирая на страны, в которых проживали словенцы. Возобладало мнение, которое отстаивали Центральные комитеты Коммунистической партии Югославии и Коммунистической партии Италии, что в настоящее время нельзя подрывать «большевистское интернациональное единство пролетариата»⁷.

В словенской diáspore в Москве в тридцатые годы имелись не только приморцы, но также коммунисты из центральной Словении и Каринтии. Некоторые из них избежали репрессий и в дальнейшем стали ведущими представителями освободительного движения в Словении и позже властных структур, когда после войны образовалась социалистическая Югославия. Эдвард Кардель, главный идеолог Коммунистической партии Югославии, Борис Кидрич, первый премьер правительства Народной Республики Словении, Зденка Кидрич, руководитель Службы безопасности и разведки Освободительного фронта в период войны, Алеш Беблер, сражавшийся в Испании, в дальнейшем крупный деятель в военной, политической, дипломатической областях, Матия Мачек, один из влиятельных словенцев в Управлении государственной безопасности в период войны и после нее, — это лишь некоторые имена представителей молодой гвардии коммунистов, прошедших партийные школы

в Москве, где укрепилась их идеология, а в последствие критически писавших о современной советской действительности⁸. Не все, конечно, смогли вырваться из тисков сталинского режима без последствий. Немало словенцев оказалось на Лубянке, побывали в разных лагерях ГУЛАГа и даже были расстреляны. Среди тех, кто пережил террор НКВД, упомянем лишь Франце Клопчича. После возвращения на родину в середине пятидесятых годов этот убежденный большевик описал в книге воспоминаний «Десятилетия испытаний» (1980) свой крестный путь по московским тюрьмам и сибирским лагерям с искренностью, превосходящей даже произведения Солженицына, но не переходящей в ненависть.

Если Москва в тридцатые годы прошлого столетия была убежищем для словенской «красной» эмиграции, то Любляна уже в двадцатые годы стала убежищем для русской «белой» эмиграции. Перед окончанием гражданской войны в России в Королевство сербов, хорватов и словенцев перебралось от 60 до 75 тысяч противников советской власти, нашедших в регенте, а впоследствии короле Александре Карагеоргиевиче гостеприимного защитника. Среди них было много военных из так называемой Армии Врангеля, которых белградские власти направляли на сложнейшие рубежи. Например, словенские границы с Австрией, Венгрией и Италией вплоть до декабря 1922 г. охранял Третий конный полк под командованием Ивана Глебова. Врангель учредил строительное предприятие «Техника», чтобы трудоустроить после завершения пограничной службы своих людей, и этим ответил на нужды белградской власти, которой не хватало квалифицированных рабочих для строительства шоссейных и железных дорог. «Техника», сохранившая военную структуру, в 1923 г. построила в Прекмурье железную дорогу Ормож–Лютомер⁹.

Значительный след в словенском обществе оставили гражданские лица, из которых в Словении проживало 588 человек (по данным на 1941 г.) Этих беженцев, по закону составлявших «русскую колонию», разместили по деревянным баракам, построенным в Австро-Венгрии для военнопленных, и сначала они оказались в очень тяжелом положении. Быстрее всего адаптировались к новой среде интеллектуалы, нашедшие работу в трех югославских университетах (столько их было в то время в молодой стране). Только что учрежденный новый университет в Любляне широко открыл перед ними двери. Из-за недостатка отечественных кадров, русские научные деятели и профессора оказались очень востребоваными: ведь они принесли с собой богатый опыт и внесли значительный вклад в развитие высшего образования в словенской столице. Больше всего русских преподавателей было на юридическом факультете (А. Д. Билимович, Е. В. Спекторский, М. Н. Ясинский, А. В. Маклецов), трое преподава-

ли на техническом факультете (Д. В. Фрост, В. Н. Никитин, В. Грудинский, отчасти также А. Канский), двое — на философском факультете (Н. Ф. Преображенский, Н. М. Бубнов) и один — на медицинском факультете (А. Канский). Самым знаменитым среди них был Александр Дмитриевич Билимович, бывший профессор политической экономии и несколько месяцев в 1919–1920 гг. даже министр в антибольшевистском правительстве А. Н. Деникина. В Любляне он дважды становился деканом юридического факультета, а также председательствовал в обществе Русская материца, центральной культурной и просветительской организации русской diáspоры в Югославии¹⁰. Группа врачей из русских эмигрантов открыла в Вутберке санаторий, который сначала предназначался только для русских легочных больных, но вскоре стал доступным и для словенцев¹¹.

Помимо ученых нельзя также забывать о русских театральных деятелях, творчески включившихся в словенскую культурную жизнь. Сразу после Первой мировой войны в Любляне гастролировала актерская группа М. Муратова, которая настолько восхитила публику, что правление Драматического театра, центрального словенского театра, включило в свою труппу двенадцать ее членов. Это привело к настоящему бунту словенских актеров, вследствие чего многие русские актеры ушли из театра. Среди тех, кто остался в Любляне, следует упомянуть в первую очередь Бориса Владимировича Путяту, который оставил о себе добрую память как актер, режиссер, педагог, хотя он умер уже в 1925 г. Более счастливой была его партнерша Мария Николаевна Наблоцкая, которая начиная со своего первого выступления в драме «Идиот» по Достоевскому в 1923 г. и вплоть до последнего выступления в «Безумной из Шайо» Ж. Жирарду в 1956 г. блистала в качестве одной из самых ярких звезд на словенском театральном небосклоне¹².

Вернемся к политическим отношениям внутри коммунистического лагеря. В 1937 г. Коминтерн оказал словенцам большую услугу, разрешив создать внутри Коммунистической партии Югославии самостоятельную Коммунистическую партию Словении по образцу республиканских партий Советского Союза. Приобретенная таким образом относительная самостоятельность Словенской Коммунистической партии позволила ей четыре года спустя, когда в оккупированной Словении был учрежден Освободительный фронт, придать повстанческому движению в Словении патриотический оттенок. Против такой тенденции Москва не возражала, даже поддерживала ее. Это доказывает и тот факт, что Коминтерн уже в 1942 г. удовлетворил требование словенских коммунистов разрешить им распространить их пропагандистскую и военную деятельность вне пределов Югославии на итальянскую провинцию Юлийская Краина

(Венеция Джулия), как итальянцы переименовали Приморье. Этим было нарушено одно из правил международного коммунистического движения, что на одной и той же территории не допускается деятельность двух подразделений Коминтерна, и косвенно было подтверждено право на самоопределение словенцев, оказавшихся жертвами фашистской политики ассимиляции¹³. Когда после капитуляции Италии 8 сентября 1943 г. Освободительный фронт объявил о присоединении Приморья к Словении (это решение в конце ноября 1943 г. принял также II съезд АВНОЙ), Москва против этого не возражала, наоборот, в последующие месяцы более или менее решительно поддерживала идею корректировки итальянско-югославской границы. По причине этого, но особенно из-за идеологической близости, в 1944 г., когда в Словении появились первые советские военные миссии, возникло тесное искреннее сотрудничество, которое лишь дополнило уже долгое время налаженный с помощью радиосвязи военный и политический диалог между словенским Главным штабом и московской властью. Первая военная миссия Красной Армии прибыла в Главный штаб Словенской армии, находившийся в то время в Белой Крайне, 17 марта 1944 г. Ею руководил полковник Николай Патрахальцев, которого в декабре того же года заменил Борис Николаевич Богомолов. В Приморье также действовала советская военная миссия, аккредитованная при штабе 9-ого корпуса. В центральной партизанской больнице в Кочевском Роге работала также советская военная медицинская группа, состоявшая из трех человек. К этим «официальным» представителям Красной Армии в Словении следует добавить также те советские кадры, которые по соглашению со Сталиным осенью 1944 г. Тито отправил в Словению для организации работы секретных служб, а также многочисленных русских военных, попавших в немецкий плен, но убежавших к словенским партизанам¹⁴. Немцы обращались с советскими военнопленными ужасно, так что они практически умирали от голода и издевательств, многие из них пытались спасти свою жизнь, поступив на службу в Вермахт (некоторые так поступали по антикоммунистическим соображениям). Нацисты их использовали прежде всего в борьбе с партизанами, при этом власовцы, казаки, черкесы, как их называли в народе, отличались особой жестокостью и дикостью¹⁵. С другой стороны, нельзя не вспомнить, что многие словенцы, принудительно призванные немцами в свою армию, боролись на Восточном фронте, участвовали в решающих битвах, например в Сталинградской, и часто оказывались в советском плену, откуда вернулись лишь несколько сотен. Некоторые из них в качестве добровольцев направлялись советским командованием в воинские части организованной в Советском Союзе югославской

партизанской армии. Вместе со словенцами, жившими в России или других республиках СССР, их насчитывалось приблизительно 2000 человек. Они составили две пехотных и одну танковую бригады. Некоторые из упомянутых выше мобилизованных фашистами лиц перебегали к русским при первой возможности и приносили с собою ценные сведения о немецких боевых планах. Сообщение о времени начала немецкого наступления под Курском принес ночью накануне начала операции один из таких словенских перебежчиков¹⁶.

В канун окончания войны во время операций по освобождению Югославии в Прекмурье прибыли регулярные части Красной Армии, принятые населением как освободители от венгерской оккупации. При переправе через реку Мура погибло около трехсот советских бойцов, в память о которых уже в августе 1945 г. в Мурской Соборе воздвигли величественный памятник работы выдающихся словенских скульпторов Бориса и Зденка Калинов. Без памятника остались те 10 тысяч «казаков», немецких прислужников, которых Красная Армия в мае 1945 г. из Австрии перевезла в Марибор. Они были расстреляны в большой танковой транше на Дравском поле¹⁷. На другом краю Словении, в Приморье, которое IV Югославская армия и IX корпус Словенской армии совместно с советскими военнопленными,ключенными в партизанские отряды, и представителями советских военных миссий освободили 1 мая 1945 г., шли переговоры о спорной территории, которую словенцы требовали для себя, хотя формально она еще принадлежала Италии. Приморье особенно в городах имело многочисленное итальянское население. О нем вели переговоры в Ялте в феврале 1945 г. Сталин, Черчилль и Рузвельт. Вскоре между ними возникли разногласия. Британский премьер-министр Уинстон Черчилль и новый американский президент Генри С. Труман в армии Тито, решившей установить границу по реке Соча, видели угрозу для своей гегемонии в Северной Адриатике и в долине реки По. Они в ультимативной форме потребовали отступления югославских войск хотя бы с западной части спорной территории. В мае 1945 г. к участию в споре были привлечены Богомолов и другие члены советской военной миссии, сотрудничавшие как со словенской военной и гражданской властью, так со словенскими и итальянскими агентами, присутствовавшими там еще со времен Коминтерна. Об их задачах и влиянии на развитие драматических событий в Триесте и его окрестностях весной 1945 г., как и об акции советской разведывательной группы СМЕРШ, летом того же года прибывшей в Любляну, известно уже много, но полная картина их деятельности может быть выяснена только после исследования материалов московских архивов¹⁸.

Поскольку Сталин не поддержал из уважения к западным союзникам требования Тито о демаркации по реке Соча, армия должна была отступить 12 июня 1945 г. за демаркационную линию, разделявшую Юлийскую Крайну на две части. Управление зоной А упомянутой территории перешло к англо-американской администрации, зона Б осталась под югославской оккупацией до решения мирной конференции об установлении новой югославско-итальянской границы. При подготовке к ней в период с сентября 1945 г. по июль 1946 г. произошли несколько совещаний между четырьмя союзниками, на которых советский министр иностранных дел В. М. Молотов активно выступал в поддержку словенских территориальных требований. При этом он тесно сотрудничал с Эдвардом Карделем, главою югославской делегации на мирной конференции в Париже и его сотрудниками, большинство из которых были словенцами. Несмотря на усилия, которые поддерживал сам Stalin, югославам не удалось добиться желаемых результатов. Советский Союз не решился углублять намечавшийся раскол с Западом. Было принято компромиссное решение, по которому граница с Италией была откорректирована в пользу Словении, но без двух главных городов Юлийской Крайны — Триеста и Горицы. Триест стал главным городом Свободной территории, включавшей кроме него и территорию вокруг Триестского залива, а Горица была возвращена Италии. Для словенцев это решение было большим ударом, ибо они боялись быть отрезанными от моря. В этом Кардель упрекнул Молотова. Ответ советского министра являлся типичным для представителя великой державы: «Неужели вы думаете, что каждый округ должен иметь свое море?»¹⁹

Вопреки холодному душу отношения между словенцами и русскими никогда еще не были настолько интенсивными как в годы после Второй мировой войны. В Советский Союз, прежде всего в Москву и Ленинград, приезжали десятки молодых словенцев, поступавших в различные военные учебные заведения: военную школу имени Ворошилова, курсы НКВД, а также на различные факультеты университетов обоих городов. Наряду с этой словенской интеллектуальной эмиграцией в Словении огромным успехом пользовалась русская культура и наука. Традиционную любовь словенского народа к русской литературе и музыке заменило окрашенное идеологией подражание советскому социалистическому реализму, однако, возникновение этого явления не было обусловлено одними политическими мотивами. Восторг перед Советским Союзом подкреплялся надеждой, что будущее словенского и других югославских народов нераздельно связано с будущим русского и других, прежде всего славянских народов, советского блока. Это ясно выразил один из

виднейших современных словенских мыслителей, поэт, эссеист и политический деятель христианско-социалистического направления Эдвард Коцбек, который, возвратившись из путешествия по России и Украине весной 1946 г., заявил: «Я вернулся наполненный впечатлениями от приключений, как пчела медом <...> Я рад прежде всего тому, что после всех своих личных решений, принятых мною перед войной и во время освободительной войны, я смог посетить землю, которая является магнитом для чувств и разума всех передовых людей мира, и что словенский народ соединил с нею свою судьбу»²⁰.

Уже через полтора года развитие событий показало, что этим надеждам не суждено осуществиться. Из-за того, что Тито в послевоенные годы все более назойливо проводил на Балканах, в придунайских странах и Южной Европе политику, не соответствующую советским интересам, Сталин решил устраниТЬ его. Свое негодование по отношению к югославскому партийному руководству, которое он хотел заменить новым, более послушным ему, Сталин выразил тем, что приказал исключить Коммунистическую партию Югославии из только что созданного Информбюро. Информбюро должно было отвечать за согласованность политики важнейших коммунистических партий. Новость об этом неожиданном решении грянула 29 июня 1948 г. Однако она не имела того эффекта, на который рассчитывал кремлевский «хозяин». Вместо того, чтобы «здравые» силы Югославии свергли Тито и его соратников, как ожидал Сталин, партия, армия, секретные службы, а также большинство общества сплотились вокруг руководства и изолировали тех, кто вынашивал планы свержения правительства (или лишь подозревался в этом). Последние были схвачены и отправлены в лагеря, из которых самой дурной славой пользовался лагерь на Голом острове в Кварнерском заливе²¹. Словенцев между ними было относительно немного — всего лишь 566 человек, ибо несмотря на увлечение Россией, в Словении, в противовес другим югославским республикам, почти никто не имел иллюзий относительно режима Сталина. Немногочисленные сторонники Информбюро, успевшие избежать ареста и сбежавшие за границу, в Советском Союзе и других государствах-сателлитах включились в пропагандистскую деятельность против «фашистского режима Тито–Ранковича», но и там не играли значительных ролей²². В это драматическое время под ударом оказались русские эмигранты и их дети в Словении. Некоторые из потомков эмигрантов вопреки белогвардейскому прошлому своих родителей выступили на стороне Информбюро и попали под колеса репрессий УДБА (органа государственной безопасности)²³.

Словенский народ дорого заплатил за разрыв между Сталиным и Тито. Взбесившись из-за того, что ему не удалось свергнуть югославское руководство лишь «шевельнув пальцем», Stalin использовал для мицения все средства экономического, политического и дипломатического давления, которыми располагал. Его дипломаты отказались поддержать югославские требования, касавшиеся ревизии словенско-австрийской границы в Каринтии, и в июне 1949 г. взамен за немецкое имущество в Австрии договорились с Западом навсегда оставить границу между Словенией и Австрией по горному хребту Караванки²⁴. Эта сделка, жертвой которой оказался словенский народ, сильно охладила симпатии к русским и, вероятно, содействовала более критичному отношению югославского руководства к советскому режиму. Эдвард Кардель, как и другие идеологи, стали вскрывать недостатки советского «гегемонизма», а затем перешли к тотальной критике всей советской системы. В противовес «азиатскому» централизму, который якобы разрешал партийной «касте», находившейся у власти, эксплуатировать пролетариат, они выдвинули идею самоуправления. Последняя по образцу Парижской Коммуны 1871 г. давала рабочим контроль над предприятиями, на которых они работали. После смерти Сталина отношения между Белградом и Москвой улучшились, но несмотря на приглашения Н.С.Хрущева вернуться в советский «отряд», югославские власти стали придерживаться во внешней политике принципа неприсоединения ни к Востоку, ни к Западу, стремясь найти себе союзников между бывшими колониальными странами Африки и Азии²⁵.

Со второй половины пятидесятых и до конца 70-ых гг. XX в. советско-словенские отношения развивались в общем русле отношений СФРЮ и СССР. Были моменты искреннего и плодотворного сотрудничества, но были и моменты идеологического напряжения, достигшего своей вершины в августе 1968 г., когда танки Варшавского пакта насильственно подавили «пражскую весну». С этого времени югославы стали бояться военного посягательства на их страну со стороны СССР, постоянно присутствовал страх перед советским вторжением в случае кризиса, который, считали они, начнется после смерти Тито. Этим страхом было обусловлено также окончательное решение словенского пограничного спора с Италией, который тлел после 1954 г., то есть после заключения так называемого Лондонского договора между США, Великобританией, Италией и Югославией. По этому договору зона А Свободной территории Триеста, которая после подписания мирного договора с Италией оставалась под англо-американским управлением, переходила под гражданское управление итальянского правительства. Зона Б упомянутой

территории оставалась в Югославии и была разделена между Словенией и Хорватией. Речь шла о частичной ревизии мирного договора, которую Москва вопреки ожиданиям приняла, хотя долгое время препятствовала такому решению. Югославы считали границу, проведенную между обеими зонами окончательной, в то время как итальянцы, хотя бы на пропагандистском уровне, не отказались от притязаний на зону Б. Оттуда раздавались постоянные претензии, грозившие превратить территорию Северной Адриатики в очаг кризиса в случае оккупации Югославии советскими войсками после внутреннего переворота. Этот страх, явившийся предметом многочисленных дискуссий в НАТО в начале 1970-ых гг., и стал причиной Осимского договора, который окончательно решил пограничный вопрос между Италией и Югославией. Решение Москвы признать этот договор, имело большое значение для словенцев, ибо оно обеспечивало им международное признание суверенитета над целой территорией своей республики и тем самым хотя бы частичный уход от зависимости ее защиты со стороны Югославской народной армии²⁶.

Напряжение в отношениях с Советским Союзом, достигшее вершины в 1968 г., оказало решительное влияние на внутреннюю политику словенцев. Было ясно, что в случае нападения стран Варшавского пакта Югославская народная армия не сможет охранять всю территорию Федерации, но должна будет отступить в природную крепость Боснии и Герцеговины. Поэтому югославское руководство решило организовать параллельную военную структуру, которая должна была бы вести бои на оккупированной территории в соответствии с традициями партизанского сопротивления. Таким образом уже в 1969 г. была организована ТERRITORIALНАЯ оборона, находившаяся под контролем отдельных республик. Словенцы это использовали для формирования собственной военной структуры, оказавшейся решающей силой в момент, когда в 1991 г. необходимо было защищать собственную свободу. Но их противником оказались не войска Варшавского пакта, а части Югославской армии²⁷.

С 1980 г., когда умер Тито, по 1991 г., когда Словения объявила о своем суверенитете, разыгралась одна из самых драматических глав в жизни словенского народа. На кризис, наступивший после смерти маршала и бывший прежде всего кризисом легитимности коммунистической партии, словенцы ответили требованием предоставить им возможность самим отвечать за свою судьбу. Они хотели вернуться из Балкан в Центрально- и Западноевропейское пространство, к которому они традиционно принадлежали. В этом контексте развал Советского Союза имел большое значение, ибо гласность и перестройка Горбачева без сомнения

повлияли на словенскую политическую элиту, и она заблаговременно начала сотрудничать с оппозицией в поисках выхода из тупика, в котором оказалась югославская федерация. Нет сомнения, что распад Федерации не произошел бы, если бы одновременно не распалась советская империя, ибо с ее исчезновением Югославия потеряла свой *raison d'être* в качестве страны-подушки между блоками.

В период таких судьбоносных преобразований самые плодотворные отношения между Россией и Словенией завязали предприниматели, которые благодаря своим связям в Москве смогли в определенной мере повлиять на то, что Российской Федерации признала Республику Словению 14 февраля 1992 г. и 25 мая того же года установила с ней дипломатические отношения. Этот факт дал еще более сильный импульс активности словенских предприятий на российской территории и экономическому обмену, который в последнее время достиг более миллиарда долларов в год. Наряду с благоприятным экономическим развитием происходит углубление отношений в культурной и политической областях. Оно получило в Словении свой облик в учреждении Общества Словения–Россия в 1996 г. Памятное торжество у Русской часовни недалеко от селения Краньска гора, где каждый июль проходит православная панихида в память о русских военнопленных, погибших при строительстве дороги, становится символическим событием, которое укрепляет братство во имя общего славянского рода, но при уважении различий, обусловленных столетиями истории.

Лит. обработка перевода И. Чуркиной

Примечания

¹ Nečak D., Repe B. Prelom 1914–1918 // Svet in slovenci v 1. svetovni vojni. Ljubljana, 2005. S. 209.

² Švajncer J. Slovensko-ruske vezi na vojaškem področju // Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921–1941. Logatec, 2004. S. 121.

³ Dobrovoljci kladivarji Jugoslavije: 1912–1918. Ljubljana–Maribor, 1936; Jugoslovani v Oktobru: zbornik spominov udeležencev oktobrske revolucije in državljanke vojne v Rusiji (1917–1921). Ljubljana, 1969.

⁴ Kacin Vohinc M., Pirjevec J. Zgodovina slovencev v Italiji 1866–2000 // Nova Revija. Ljubljana, 2000. S. 25–28.

⁵ Enciklopedija Slovenije. Knj. 10. Ljubljana, 1996. S. 346.

⁶ Kacin Vohinc M., Pirjevec J. Zgodovina slovencev v Italiji 1866–2000. S. 77, 78.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 69. Д. 268.

⁸ Bebler A. Čez drn in strn. Spomini. Koper, 1981. S. 59, 60.

⁹ Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921–1941. S. 13, 27, 31–33.

¹⁰ Brgelez A., Seljak M. Ruski profesorji na univerzi v Ljubljani. Ljubljana, 2007. S. 1–6.

¹¹ Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921–1941. S. 96, 97.

¹² Lipah F. Gledališke zgodbe. Ljubljana, 1938. S. 72, 86–89.

¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 69. Д. 268.

¹⁴ Tance P. Il controspionaggio in Slovenia e le missioni militari straniere durante la seconda guerra mondiale e nel primo periodo postbelliko. Diplomska naloga. Univerza v Trstu. Ak. leto 1996–1997. S. 90–130.

¹⁵ Švajncer J. Slovensko-ruske vezi na vojaškem področju. S. 128–130.

¹⁶ Ibid. S. 130, 131.

¹⁷ Ibid. S. 132.

¹⁸ Tance P. Il controspionaggio in Slovenia e le missioni militari straniere durante la seconda guerra mondiale e nel primo periodo postbelliko. S. 76–198.

¹⁹ Kardelj E. Spomini. Ljubljana, 1980. S. 90, 93.

²⁰ Pirjevec J. Edvard Kocbek v Sovjetski zvezi // Bilten Društva Slovenija–Rusija. Ljubljana, 1998. Št. 4. S. 56.

²¹ Pirjevec J. Tito, Stalin in Zahod // Delavska edinost. Ljubljana, 1987.

²² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 279, 250.

²³ Švajncer J. Slovensko-ruske vezi na vojaškem področju. S. 134, 135.

²⁴ Pirjevec J. Il gran rifiuto: Guerra fredda e calda tra Tito, Stalin e l'Occidente // Est Libris. Triest, 1990. S. 338, 339.

²⁵ Kardelj E. Spomini. S. 147.

²⁶ Kacin Vohinc M., Pirjevec J. Zgodovina slovencev v Italiji 1866–2000. S. 135–140, 153–157.

²⁷ Pirjevec J. Jugoslavija 1918–1992. Koper, 1995. S. 311.

Боян Годеша

Очерк словенско-русских отношений в 1918–1945 гг.

Словенцы всегда тяготели к России, однако эти симпатии несколько убавила Октябрьская революция. Об этом свидетельствует судьба так называемого «Русского кружка», который был образован в Любляне в 1900 г. После начала Первой мировой войны в 1914 г. его работа была приостановлена, а в 1917 г. он был распущен. В декабре 1919 г. состоялся его второй учредительный съезд. Членами обновленного кружка стали 150 человек, большей их частью словенские либералы¹.

В конце Первой мировой войны в распространении русофильских настроений немалую роль сыграли военнопленные, возвращавшиеся из России, и те, кто по собственной воле принимал участие в Октябрьской революции, а также русские, спасавшиеся бегством от нового большевистского режима. После победы Октября Королевство Югославия дала пристанище 60 тысячам русских политических беженцев, многие из которых осели в Словении. По их предложению в 1924 г. в Любляне была образована Русская матица, ее членами стало более ста русских эмигрантов, при ней открылась русская библиотека. С тех пор вплоть до 1941 г. Русская матица при поддержке словенских властей и научной общественности заботилась о сохранении русской культуры в среде эмигрантов. В их числе было много русских ученых, преподавателей высшей школы и деятелей культуры, многие из которых внесли свой вклад в развитие словенской культуры и науки. Наиболее известными были: профессор Е. В. Спекторский, профессор на факультете права в Любляне, автор работы «История социальной философии»; М. Н. Ясинский — профессор истории права; А. В. Маклецов — профессор уголовного права и криминастики; А. Д. Билимович — профессор национальной экономики на факультете права; В. В. Никитин — профессор минералогии на техническом факультете; А. Капылов — профессор, горный инженер, на техническом факультете. Борис Путята был театральным режиссером, а его жена Мария Наблоцкая стала одной из ведущих актрис в люблянском драматическом театре. П. Головин руководил балетной труппой Люблянской оперы. Н. Ф. Преображенский многие годы был преподавателем русского языка на философском факультете, занимался переводами².

До весны 1940 г. Королевство Югославия и Советский Союз не имели дипломатических отношений. Советские связи со Словенией ограничи-

вались лишь контактами со словенским коммунистическим движением (многие словенские коммунисты учились и жили в СССР и по возвращении занимались пропагандой советского образа жизни). Словенские коммунисты до образования Словенской коммунистической партии действовали в качестве отдельного отряда Коммунистической партии Югославии, которая была членом Коминтерна и тесно с ним сотрудничала.

После установления дипломатических отношений между Королевством Югославия и Советским Союзом в 1940 г. по всей Югославии началась акция создания так называемых «Обществ друзей Советского Союза». Удалось образовать только учредительный комитет. Несмотря на то, что эта идея охватила всю Югославию, с наибольшим энтузиазмом она была воспринята в Словении, где комитет смог собрать 20 тысяч подписей под петицией с просьбой о создании общества. Этот список Йосип Видмар (один из главных словенских литературных критиков того времени, в годы войны ставший председателем Освободительного фронта словенского народа) передал в Белграде советскому послу Плотникову³. Среди подписавшихся был целый ряд известных в то время в словенской культурной и политической среде имен: Фран Альбрехт, Иго Груден, Франце Кидрич, Славко Острец, Луциан Мария Шкерянц, Франц Штурм, Отон Жупанчич, Фран Цвтер, Йосип Видмар и Иван Хрибар⁴. На совещании, где разрабатывался устав Общества друзей Советского Союза, председателем был выбран известный политический деятель Иван Хрибар, славянофил и известный банкир еще времен Австро-Венгрии, занимавший долгие годы пост люблянского жупана. Среди тех, кто поставил свои подписи под петицией, преобладали свободолюбивые люди, видевшие в Советском Союзе наследника России, которая всегда была защитницей славянских народов. Уверенность в этом стала особенно твердой, когда нацистская Германия напала на Советский Союз. С первых дней Второй мировой войны у словенцев укрепилась вера в победу оружия союзников, неважно какой политической направленности они были. Лойзе Уде описал в своем дневнике такой случай. Когда стало известно о нападении Германии на СССР, он встретил своего знакомого, лингвиста по профессии, известного ярого антикоммуниста, Антона Брезника. «И этот человек, — пишет Уде, — забыв о своем отношении к Советской России с горящими от радости глазами, сжал мне руку и сказал: «Ну, теперь русские им наподадут!»⁵.

Словению и Россию в ходе Второй мировой войны сближал тот факт, что нацистская расистская политика, кроме евреев, была направлена и против славян, которых они считали низшей расой и уготовили им страшную судьбу. Если бы державы оси победили, то дальнейшее су-

ществование словенцев оказалось бы под большим вопросом. Во время Второй мировой войны Словения была разделена между тремя оккупантами (Германия, Италия и Венгрия). Каждый из них стремился искоренить дух словенского народа⁶. Поэтому вполне естественно, что два наших народа объединились в антигитлеровской коалиции. Словенские коммунисты, образовавшие Освободительный фронт словенского народа и партизанские отряды, стремились к изгнанию оккупантов, после чего собирались взять власть в свои руки. Борьбу с оккупантами они рассматривали как акт солидарности с Советским Союзом. Хотя в антигитлеровской коалиции, участвовали западные союзники, словенское партизанское движение под руководством коммунистов видело главную опору в СССР. В пропаганде особый акцент делался на общность славянских корней.

Вскоре в Москве был открыт Всеславянский комитет, в работе которого принимал участие словенец Иван Регент. Об образовании комитета было сразу же объявлено в «Словенском порочевальце», печатном органе Освободительного фронта⁷. После того, как на территории Словении появились первые советские военнопленные, увеличился интерес к русской литературе и культуре. В партизанской печати публиковались переводы патриотических стихов, а на освобожденных от оккупантов территориях в 1944–1945 гг. — публицистические статьи современных советских писателей⁸.

С весны 1942 г. партизанское руководство Словении наладило регулярную радиосвязь с Коминтерном. Но непосредственные контакты между Советским Союзом и Словенией были установлены тогда, когда в Словению прибыла советская военная миссия во главе с полковником Николаем Патрохальцевым, которого потом сменил Борис Богомолов. В заключительной фазе войны СССР стал присыпать словенским партизанам материальную помощь⁹. Противоположный лагерь, чья ориентация была ярко анткоммунистической, в итоге признал (исходя из геополитических соображений) немалую роль, которую играет Советский Союз в защите Словении от германской агрессии. Так, анткоммунистический Словенский союз в своей программе предусматривал возможность опоры на СССР, хотя и не был согласен с его внутриполитическим режимом¹⁰.

С весны 1943 г. в освободительной борьбе словенского народа стали принимать участие советские граждане. Первые из них были беглецами из трудовых лагерей северной Италии. Сначала они были объединены в Приморском международном батальоне 18-ой бригады Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Словении (НОА и ПО

Словении), где уже в декабре 1943 г. был образован так называемый русский отряд. После того, как началось массовое дезертирство из германской 162-ой дивизии, в которой служили советские военнопленные, в марте 1944 г. был создан специальный «русский батальон» в составе 18-ой дивизии НОА и ПО, который существовал до конца войны. После освобождения Триеста к русскому батальону присоединились другие советские граждане, воевавшие во многих словенских партизанских отрядах. 5 мая 1945 г. все они вернулись на родину. 88 советских бойцов были награждены орденами и медалями. Всего в словенских партизанских отрядах воевало около 800 советских солдат¹¹. То же происходило и на Восточном фронте. В советский плен было взято несколько сот немецких и венгерских солдат, словенцев по происхождению. Красная Армия направила их в специальные лагеря, а в ноябре 1943 г. советское правительство приняло решение создать из них югославский отряд. 8 декабря 1943 г. этот отряд был образован. В нем было 2400 человек, 40 % которых составляли словенцы. 1 июня 1944 г. отряд был переименован в 1-ю бригаду Народно-освободительной армии Югославии и принимал участие в операциях Красной Армии. В октябре 1944 г. бригада вошла в состав НОА Югославии и весной 1945 г. сражалась на Сремском фронте, а закончила свой боевой путь в Штирии¹².

Красная Армия вступила на словенские земли 1 апреля 1945 г. Это были части 57-ой армии под командованием генерала Шахорина. У Лендавы появились части III Украинского фронта, под командованием маршала Толбухина¹³. В первые дни апреля советские войска освободили Прекмурье, большую часть северо-западной Словении. Гражданскую власть в Прекмурье они передали словенским партизанским властям. Последние советские воины покинули Прекмурье 23 июня 1945 г. В боях у Муры и Кочницы погиб 521 красноармеец¹⁴. О советском освобождении Прекмурья и боях у Муры говорит памятник Победы и склеп в Мурской Соборе, где захоронены останки красноармейцев.

Перевод Н. Пилько

Примечания

¹ Dolenc E. Kulturni boj: slovenska kulturna politika v Kraljevini SHS 1918–1929. Ljubljana, 1996. S. 90.

² Rusko-slovenski odnosi. Enciklopedija Slovenije. Ljubljana, 1996. S. 345–346.

³ Vidmar J. Obrazi. Ljuljana, 1985. S. 533–535.

⁴ *Nedog A. Ljudskofrontno gibanje v Sloveniji od leta 1935 do 1941.* Ljubljana, 1978. S. 231–250.

⁵ *Ude L. Slovenci in jugoslovanska skupnost.* Maribor, 1972. S. 7.

⁶ *Godeša B. Kdor ni z nami, je proti nam. Slovenski izobraženci med okupatorji, Osvobodilno fronto in protivorevolucionarnim taborom.* Ljubljana, S. 55–117.

⁷ *Dokumenti ljudske revolucije v Sloveniji.* Knj. 1. Dok. 21.

⁸ *Sovjetsko-slovenski odnosi.* Enciklopedija Slovenije. 12. zvezek. Ljubljana, 1998. S. 178–179.

⁹ *Slovenska novejša zgodovina 1848–1992.* Ljubljana, 2005. S. 736–737.

¹⁰ *Vodušek Starič J. »Dosje« Mačkovšek. Viri 7.* Ljubljana, 1994. S. 146–147.

¹¹ *Narodnoosvobodilna vojna na Slovenskem 1941–1945.* Ljubljana, 1976. S. 939.

¹² *Bojna pot brigad ustanovljenih v ZSSR.* Maribor, 1984.

¹³ *Ferenc T. Vojaške operacije za osvoboditev Slovenije.* Ljubljana, 1977. S. 118–119.

¹⁴ *Godina F. Prekmurje 1941–1945. Prispevek k zgodovine NOB.* Murska Sobota, 1980. S. 210–216.

Эгон Пеликан

Ревизионистские мифы в словенской историографии — антикоммунизм и демократия

Согласно ревизионистскому историческому мифу демократическое развитие Словении в межвоенный период было просто прервано — сначала Второй мировой войной, а затем и коммунистической революцией. Во взгляде словенцев на историю (в том числе в словенской историографии) миф о существовании демократии между двумя мировыми войнами утверждается сейчас несколькими способами:

— антикоммунизм отождествляется с демократической направленностью, выставляется как достаточное условие для обозначения индивидуума или политической группы как «демократической»;

— для интеллектуала или политика, не имеющего ясных, систематизированных политических взглядов, подразумевается демократическая направленность;

— современное знание о демократии проецируется на 30-е гг. и утверждается, что якобы уже в межвоенный период (всем или почти

всем) было ясно, что философия марксизма не может быть в Европе социологической, политической, экономической и пр. предпосылкой более справедливого и гуманного общественного строя;

— пытаются представить марксизм как идеологию и социализм как политическую систему априори неприемлемую, которым в Европе и в Словении в межвоенный период могли симпатизировать только купленные коминтерновцы, индивидуумы, неспособные к собственным политическим суждениям, салонные коммунисты, авантюристы, криминальные авторитеты и т. д.;

— затушевывается авторитарность идеологий, преобладавших в большей части католического политического лагеря и у других политических сил в Словении. Эта авторитарность трактуется как явление, якобы отвечавшее времени и условиям тогдашней демократической Европы.

Однако «роковая привлекательность коммунизма» заключалась именно в постулате «осуществления гуманистических идеалов», построения социально справедливого общества. Марксистская идеология и коммунистическая агитация — не в последнюю очередь при помощи умелых политических пропагандистских акций — привлекли многих проницательных мыслителей и людей с большим политическим опытом (Эдвард Коцбек, Лойзе Уде, Янез Янжекович, Иван Хрибар, Алеш Ушеничник и др.). Так или иначе за ними с симпатией наблюдали многие политические группы и отдельные личности во многих более развитых государствах и обществах тогдашней Европы.

Вместе с тем, после жертв, неизбежного следствия осуществления «гуманистической утопии о равенстве» в Европе и мире, обращать внимание на вышеуказанные факты сейчас в Словении означает чрезмерно политизировать вопрос.

Миф об «антикоммунистах-демократах» возник после обретения самостоятельности Республикой Словенией, а в эмиграции он существовал еще раньше, что в определенной степени понятно из-за тоталитарного режима в Словении, входившей в социалистическую Югославию. Попытки показать идеальные и политические позиции ряда идеологов словенского правого католического крыла в качестве позиций, якобы полностью созвучных с постулатами демократического общества, как их понимали в то время и как мы понимаем их сейчас, несомненно, обусловлены этим контекстом.

Это явление сегодня наблюдается не только в Словении, но и во всей восточной постсоциалистической Европе, ведь речь идет о действительно особой «постмодернистской» форме утверждения мифа. При этом

политические манипуляции с антикоммунизмом дают возможность отдельным лицам и общественным группам занять более «выгодную» позицию, актуализировать свою (во времена коммунизма бы сказали «общественно-политическую») роль, что весьма согласуется с известной мыслью хорошо известного европейского диктатора — «если бы евреев не было, их следовало бы выдумать». Особую роль внутри этих стратегий играют, конечно, манипуляции с историографией.

Антикоммунисты-демократы (пример правых католиков в Европе и Словении)

В 30-е гг. в Европе начинался процесс заигрывания идеологов правого католического крыла с идеологами европейских тоталитарных и авторитарных режимов. Это явление можно проследить по волне воодушевления европейских правых католиков, как правило, следовавшей за появлением идеологических (теоретических) проектов и при возникновении диктатур в некоторых государствах. Идеологическое заигрывание правых католиков с правыми радикалами в Европе (и также в Словении) было обусловлено схожестью позиций:

- отрицание классовой борьбы,
- критика капитализма / либерализма и социализма / марксизма,
- декларация католической веры как основного элемента национальной культуры и идентичности,
- антикоммунизм.

Развитие политических идей в среде правых католиков в Словении происходило в полном соответствии с приведенной схемой, действительной для Европы. В проектах так называемого «общественного обновления», появлявшихся в среде словенского правого католического крыла, парламентская демократия снова и снова «заменялась» (т. е. отменялась) «вертикально структурированными сословными представительствами», которые бы заменили собой «атомарность» общества, причиной которой якобы являлся либерализм / индивидуализм и которую теперь марксизм / социализм заново «ошибочно интегрировал» на классовой основе (сословные концепции и принципы Йосипа Ерая, Ивана Ахчина, Цирила Жебота и др.).

Папа Пий XI в сложных исторических обстоятельствах в период между обеими мировыми войнами, несомненно, являлся ключевой фигурой при определении политики католической церкви и настроений политического католичества по отношению к общественным условиям и всему происходящему в тогдашней Европе.

В отношении политической стратегии он отдавал очевидное предпочтение политике конкордата, которая должна была дополняться Католической акцией в зависимости от положения в отдельных государствах. Конкордаты должны были гарантировать свободу действий Католической акции, которая наполнила бы схему конкретными действиями в более широком общественном пространстве. Во многих случаях (Италия, Австрия, Германия и др.) католические политические партии, сотрудничавшие при установлении упомянутой стратегии, позднее были принесены в жертву. Идеологи, руководители и представители христианской демократии, например, в Германии и Италии, не подозревали, что в то время являлись лишь фигурами на политической шахматной доске¹. Если католическая церковь с тоталитарной или авторитарной властью по вышеуказанным позициям сохраняла «модус вивенди», то, следовательно, такие режимы по меньшей мере она тихо поддерживала (напр., диктатуру Франко в Испании, Дольфуса — в Австрии, Салазара — в Португалии и др.).

Папское послание «Квадрагезимо анно» появилось в то время, когда парламентская демократия находилась в кризисе в большинстве европейских государств и ставилась под сомнение также и в либеральных и социал-демократических кругах². Жак Дроз называет это время «закатом либерализма»³. В энциклике идеализировались «справедливые» сословно-корпоративные учреждения Католической церкви, что хотя политически и выглядело вполне нейтрально, однако по сути согласовывалось с антидемократическими, авторитарными или тоталитарными проектами во многих европейских государствах. Канцлер Дольфус, например, перед насильтвенной военной расправой с социал-демократами в Австрии в феврале 1934 г. объявил о создании сословно-корпоративного государства именно на основе папского послания «Квадрагезимо анно»⁴ (так же на папское послание «Квадрагезимо анно» ссылался генерал Франко в Испании⁵, позднее в Словакии — диктатор Тиса⁶, в Португалии — Салазар⁷, в Италии — Муссолини⁸, диктатор Хорти — в Венгрии⁹, маршал Петен, глава правительства «Виши», — во Франции¹⁰).

Так и в Словении первые идеологи политического католицизма в Любляне при объявлении папского послания почувствовали в нем поддержку своим усилиям. В противовес всеобщему и равному избирательному праву и парламентско-демократическим принципам они выступали за «упорядоченное избирательное право» и сословно-корпоративную организацию общества, которая заменила бы «либеральную лжедемократию». Интересно, что на послание ссылались все идеологи правого католического авторитаризма в Европе. В Словении Иван Ахчин, Цирил

Жебот и др. восторгались диктаторскими методами генерала Франко, Салазара, Дольфуса, а позднее маршала Петена и др.

Соответствующая интерпретация послания делала возможными попытки общественных реформ в направлении весьма неопределенного так называемого «третьего пути», который по своей сущности, несомненно, отрицал достижения либерального демократического государства и традиций (ведь окончательная картина идеализированного корпоративного общества уже — в том числе согласно посланию «Квадрагезимо анно» — включала в себя, например, запрет государственной властью забастовок рабочих)¹¹. Подобно тому, как прежде на религиозной основе при помощи этнической исключительности отверженными становились отдельные люди¹², так теперь на основании догматических и бескомпромиссных интерпретаций папских посланий — демократические (!) партии (в случае послания «Квадрагезимо анно», например, — социал-демократы, которые в то время в большей части Европы не были настроены революционно)¹³. Так и в переводе послания, подготовленном для словенской публики д-ром Алешем Ушеничником, можно в пункте 96 (на этот пункт часто ссылаются, как на часть послания, где якобы присутствует критика фашизма в Италии, что, пожалуй, и верно для второй части фразы¹⁴) прочесть также, какой была декларированная цель преобразования общества согласно посланию «Квадрагезимо анно». Когда Пий XI заканчивает размышления о целях установления корпоративного общества, он пишет: «Тот, кто лишь немногого подумает, сможет увидеть, какая польза будет от этого установления, нами кратко обрисованного: классы мирно сотрудничают; социалистические организации ликвидированы, их деятельность пресечена; создана особая власть, которая всех уравнивает»¹⁵.

И какая же это власть «всех уравнивает»?

Не так очевидно, за что боролось правое крыло католиков, но значительно более ясно, что оно отвергало: идеология католического право-го крыла (с отсылкой на папское послание) приближалась к некоторым идейным взглядам фашизма. Именно при отрицании развития либеральной демократической европейской традиции, при так называемом «третьем пути» речь в действительности шла о провозглашении редукции понятия «фашизм», сводящейся к нежелательному, но необходимому сохранению существенных элементов фашистского отрицания (!) либерального государства (ликвидация демократии и установление недемократического, сословного, авторитарного государства) и в то же время с решительным и постоянно декларируемым отстранением от понятия «фашизм» (что, как уже было упомянуто, можно увидеть и в послании).

На заднем плане и в первопричинах этих фактов в межвоенный период можно выявить большую идеиную дезориентацию как последствие ничем не сдерживаемой идеологической динамики.

При укреплении европейских фашистских движений, с одной стороны, с другой — была очевидна все большая привлекательность коммунизма, который в тяжелой экономической, социальной и политической ситуации обещал претворить в жизнь гуманистические идеалы равенства. Иначе как бы эта идеология со своей политической философией могла при помоши достаточно многочисленных идеиных предпосылок «пленить» даже интеллектуалов такого формата, каким был (до выхода послания «Квадрагесимо анно»), например, Ушеничник, еще в 20-х гг. воодушевленный марксистской «теорией стоимости и труда» и прежде говоривший о «христианском коммунизме», «христианском социализме» и т. д.¹⁶?

В большинстве католических государств в Европе в 30-е гг. официальная церковь, как и политическое католичество, с готовностью сотрудничала с правыми авторитарными режимами — не слишком «правореволюционными» (напр., в Испании, Португалии, Австрии). Если правое крыло было не чересчур радикальным, то политическое католичество (хотя бы частично) успешно им овладевало. Такой диктаторский режим и церковь, и политическое католичество обычно одобряли¹⁷.

Либерализм=индивидуализм и коммунизм=социализм (и то и другое понимаемое политически и экономически¹⁸) являлись противниками, которых следовало бы «опередить» с помощью «справедливого» профессионально-сословного «пере- / устройства» общества. В какой форме (и какими средствами) такое «переустройство» было бы возможным, — этот вопрос теоретически оставался открытым, практически же было совершенно ясно — с помощью диктатуры, ведь из-за последствий индивидуалистического разложения и коммунистической демагогии общество было неспособно самостоятельно осознать достоинства авторитарной организации общества (в этой связи интересна так называемая «иммунная стратегия» идеологии — идентичная, в свою очередь, и при установлении коммунистических систем, — та, что ссылается, например, на «буржуазный менталитет», из-за которого якобы сперва необходима беспощадная диктатура пролетариата или рабочего авангарда).

Характерны размышления в 1933 г. Ушеничника, например, о всеобщем избирательном праве:

Большая бессмыслица и, собственно, обман говорить при нынешней капиталистической экономической системе, например, о демократии и о всеобщем и равном избирательном праве. Кого могут избрать

какие-то пищие и чего могут добиться для них какие-то их избранники от нынешних капиталистических правительств? Ведь дело в том, что эти правительства всегда могут манипулировать избирателями и депутатами так, что те не выйдут за границы господства капитализма¹⁹.

Очевидным и многократно подчеркивавшимся стремлением правых внутри политического католицизма (в том числе и в Словении) также было (среди прочего) непременное «преодоление партийности». В этом смысле словенские идеологи политического католицизма очень хорошо поняли папское послание. Или, как записал Ушеничник в 1938 г.:

Так, каким же образом фашизм приближается к разрешению социального вопроса? Фашизм приближается к решению социального вопроса:

а) так как отрицает, с одной стороны, индивидуализм и капитализм, с другой — социализм и коммунизм, и хочет направить всю экономику на общее благо так, чтобы хорошо было всем и каждому;

б) так как хочет ради этого устраниТЬ классовую борьбу и стачки (забастовки), которые разрушают социальную и экономическую жизнь;

с) так как вводит корпорации, с помощью которых упорядочилась бы социальная и экономическая жизнь и действительно были бы побеждены индивидуализм и социализм. <...>

Есть ли надежда, что фашизм в конечном счете решит социальный вопрос?

На то, что фашизм сможет окончательно решить социальный вопрос, надежды нет.

Действительно, авторитарное государство по сравнению с разнозаданной демократией имел больше возможностей провести необходимые социальные и экономические реформы. Но у фашизма авторитарность настолько чрезмерна, что душит истинную свободу...²⁰

В действительности размышления Ушеничника о фашизме являются некой интерпретацией содержания послания «Квадрагезимо анно», а именно — ее пунктов 91–96. Кажется, Ушеничник как крупный эксперт и знаток затронул сущность папского документа.

В качестве еще одного «демократа» можно привести Цирила Жебота. В конце 30-х гг. он так прокомментировал основные принципы салазаровской Португалии: «Невозможно сегодня создать общество, которое находилось бы в равновесии, сильное государство — без упорядочивания национальной экономики. Но этого нельзя достичь иначе, как включив национальную экономику снова (как в средние века. — Э. П.) в поли-

тическую организацию»²¹. В той же статье он требует ликвидации самостоятельности законодательной, исполнительной и судебной власти или парламента: «Нет сильного государства без сильной и стабильной исполнительной власти. Поэтому нельзя, чтобы исполнительная власть была зависима от законодательной, или от ее изменчивого случайного большинства. Нельзя, чтобы исполнительная власть была рабой индивидуалистического либерализма²² (подчеркнуто нами. — Э. П.).

В статье о суверенности народа говорится о том, что должно быть с демократией и всеобщим избирательным правом:

Ведь ядро политической концепции, произошедшей из французской революции, заключается в суверенности народа, а практически — в суверенности одного единственного центрального парламента, избранного с помощью всеобщего избирательного права. <...> Следовательно, если мысли Руссо и политических последователей его «Общественного договора» справедливы, то все право заключается только в позитивных законах. Решения большинства — единственная основа государства согласно французской революции. <...> Адский дух и катанинский характер революции, которой схизма (православие. — Э. П.), ренессанс, лжереформация и энциклопедисты расчистили путь и которая является матерью всех политических и социальных аномалий XIX и XX столетий: индивидуализма, либерализма, демократии, парламентаризма, союза наций, социализма, большевизма, фашизма, нацизма, расизма, — заключаются в следующем: Революция (французская. — Э. П.) сделала человека центром и мерилом, объявила его верховным создателем, безапелляционным судьею всего общества²³.

Еще отчетливее свое видение демократии Жебот представил в статье о диктатуре Салазара в Португалии:

«Авторитарность», следовательно, может быть лишь требуемым выражением прозорливости, обоснованным причинами политической необходимости. Так, кажется, надо будет рассматривать авторитарность австрийского режима. Португалия еще находится на переходной стадии от начальной интенсивной авторитарности к окончательной постоянной стадии организованной свободы по принципу: Столько свободы — сколько возможно, столько ограничений — сколько необходимо. Этот принцип всегда верен настолько, насколько исключает диктатуру и этатизм, не допускает либеральной лжедемократии, которая характеризуется диктатурой клик, с одной стороны, и анархией масс — с другой²⁴.

Жебот в своем труде «Корпоративная национальная экономика», например, просчитал²⁵, что общественные издержки «тоталитарных» государств (наряду с рядом других преимуществ) вполне соотносимы с «демократическими» государствами, проблему он видит совсем в другом:

Дело не в математических проблемах больших или меньших расходов. Речь идет о проблеме первенства или последовательности ценностей морального характера: неограниченная свобода отдельного человека или социальные человеческие связи; социальное неравноправие или политически мягкое и юридически организованное стремление приблизить общественную реальность к идеалу социальной справедливости; общественная анархия или общественный мир и порядок, зачастую даже ценой свободы отдельной человеческой личности²⁶.

Информированный читатель наверняка спросит себя, как Цирил Жебот после Второй мировой войны мог преподавать в американских университетах? Скорее всего, в годы холодной войны он сохранял антикоммунистические взгляды (которые тогда высоко котировались), авторитарные же сословно-корпоративные концепции он настолько реформировал, что они стали приемлемы по крайней мере для правого консервативного крыла в парламентской системе западной демократии. Его наиболее известный «научный труд» под названием «Корпоративная национальная экономика» наверняка остался хорошенъко спрятанным в дальнем ящике. Любопытно, что после Второй мировой войны автор (в полном согласии с мифом) при описании межвоенного периода причисляет себя к демократам²⁷.

Очевидно, что идеологам политического католицизма как в отдельных европейских странах, так и в Словении, было ясно, что необходимо зачеркнуть общественное развитие «после французской революции» (сравни: Ушеничник, Ахчин, Жебот и т. д.) и установить новую общественную модель на основе старых сословных концепций из «золотого времени средних веков» (сравни: Йосип Ерай или Отмар Шпань и т. д.). Однако им не было ясно, как бы действовала такая модель «общественного обновления», и еще менее — каким путем и какими средствами они должны бы ее реализовывать, ведь ее осуществление практически означало бы отмену институций демократического, парламентского государства. То, как добрые цели возвышают средства, в то время было видно также и на примере Австрии, где правые католики рассчитались с социал-демократами, вынудив их на гражданское столкновение²⁸.

В действительности речь шла о фундаментальных изменениях политических отношений и сил, при которых политическое католичество оказалось в положении, которое с каждым днем становились все более угрожающим. Несмотря на номинальную политическую силу (70 % голосов на последних выборах) и несмотря на то, что словенское общество было покрыто сетью самых разнообразных организаций и находилось под их влиянием (Католическая акция, «Стражи», молодежные организации и т. д.), эта сила была лишь видимостью. Согласно логике описанного развития и последовательно радикального отказа от сотрудничества с «левыми группами» католический лагерь уступил инициативу антифашистскому и национально-освободительному движению левому крылу, что вело к защите идеологических позиций, которые простирались далеко за пределы актуальных интересов, если вспомнить известный тезис о противоречии между интересом и позицией.

Политический католицизм не предлагал европейскому обществу альтернативы в общественном развитии вопреки позициям, которые он занимал в некоторых европейских странах, в том числе и в Словении, чего общество справедливо от него ожидало. В эту лакуну, за которую боролись европейские авторитаризмы и тоталитаризмы, смогла проникнуть и коммунистическая идея.

Европейские интеллектуалы и тоталитаризмы в 30-е гг.

В тогдашней Европе удивительно много интеллектуалов воодушевлялось отдельными идеологическими постулатами авторитарных и тоталитарных идеологий или решалось поддерживать взгляды и меры определенных авторитарных или тоталитарных режимов. Можно сказать, что европейские (и словенские) интеллектуалы в 30-е гг. собственно отрешились от чего-то важного. Время идеологий было временем, когда было трудно соблюдать равновесие, таких людей, как Томас Манн, Андре Жид и др., а в Словении — Энгельберт Беседняк, Андрей Госар или Янез Янешекович, было немного. Так, например, Андре Жид понапачалу видел в первой пятилетке в Советском Союзе упорядочение европейского хаоса, когда на место анархии выступает разум. Только в 1936 г. он решительно дистанцировался от принципов развития Советского Союза и описал, и опубликовал свое измененное понимание существующих там условий.

Идея радикальных общественных перемен была, очевидно, весьма привлекательна, что не помогли даже открытые выступления некоторых бывших коммунистических руководителей, осуждавших советскую диктатуру и раскрывавших злодеяния режима²⁹.

Также и многих интеллектуалов в католическом лагере в то время привлекали решения авторитарных и тоталитарных идеологий и политических систем, и только немногие обращали внимание на трагическое сходство тоталитарных обществ. Из словенцев можно упомянуть Янеза Янежековича как аналитика национал-социализма, который отрицал его расистскую теорию, или Энгельberta Беседняка, аналитика фашизма, весьма актуально анализировавшего фашизм уже в 1922 г., как раз накануне того, как он пришел к власти в Италии³⁰, затем — Лойзе Уде, Драготина Лончара и особенно Андрея Госара, являвшегося в качестве критика трех идеологий (напр., в научном журнале «Час»³¹) одним из редких социологов, которые еще до Второй мировой войны отрицали авторитарные концепции словенских правых католиков и выступали за демократию. При этом он обращал внимание на то, каким должно было быть правильное отношение словенских католиков к тоталитаризму и авторитаризму, но его в католическом лагере, где преобладало правое крыло, никто больше не слушал.

В Европе 30-х гг. становилась все сильнее поляризация — на демократические и тоталитарные (или авторитарные) государства и на сторонников левых и правых тоталитаризмов внутри отдельных европейских государств. Поляризация на левых и правых в государствах без срединных демократических партий и общественных слоев, — как, например, в Словении, где в межвоенный период не было ни правых либералов, ни социал-демократов (и даже сильной буржуазии), — проходила еще более быстро и остро.

В Словении мало кто хотел верить возвратившимся из Советского Союза. В тогдашней Европе при поляризации фашизм—антифашизм почти не оставалось места для так называемой идеологической середины. Вслед за историком Франсуа Фюре можно сказать: «кто тогда критиковал Сталина, быстро провозглашался фашистом», — и наоборот.

Однако для понимания тех условий необходимо акцентировать внимание и на основных различиях между идеологическими исходными принципами коммунизма, фашизма и нацизма, на уже упоминавшуюся коммунистическую апелляцию к «осуществлению гуманистических идеалов», в чем, определенно, заключалась большая привлекательность коммунизма. В республиканской армии Испании, например, в батальоне Авраама Линкольна сражалось более 3000 американцев (коммунистов и либералов) и, кстати, приблизительно 500 словенцев.

В то время, когда национал-социализм сознательно декларировал порабощение или геноцид целых европейских народов (что также буквально реализовывалось его оккупационной политикой), из Москвы звучали слова о равноправии и независимости малых народов — советских республик, которые падали на благодатную почву простых гумани-

стических стремлений к лучшему, более справедливому обществу или, например, к самоопределению наций. Ничего подобного о национал-социализме или фашизме относительно их идейных исходных позиций нельзя сказать. Поэтому упрощенное отождествление коммунизма и национал-социализма проблематично. Проблема состоит в том, что знак равенства, который стал причиной спора еще во времена так называемой «ссоры историков» в Германии и остается актуальным до сих пор, основывается на подчеркивании общих свойств тоталитаризмов, а не на их идейных и других отличиях.

Это было возможно, так как все три тоталитарные идеологии критиковали классическую форму тогдашней европейской демократии. Но уже антисемитизм — как провозглашенная, спланированная и проведенная в жизнь «промышленная ликвидация целой расы» — представляет собою беспримерный в европейской истории феномен. При этом надо помнить еще и о том, что нацистская политика против евреев была просто первой по времени, — на очереди были поляки и другие славянские народы. Словенцам — в связи с планами Третьего Рейха — повезло: их было слишком мало и они должны были исчезнуть просто как народ, и не обязательно до последнего человека, отдельные личности могли избежать уничтожения. Такого фундаментального антигуманизма, зафиксированного в программе, не было никогда ни у одного из режимов на протяжении всей истории Европы³². Русским, украинцам, полякам и другим народам Средней и Восточной Европы после нападения на Советский Союз и столкновения двух тоталитаризмов в любом случае было бы несладко, но худшее им было уготовано в случае победы нацистов.

Было бы слишком просто трактовать национал-социализм и фашизм как некий необходимый результат «антикоммунизма», который в то время угрожал европейскому обществу, что может быть отчасти верным, однако, наверняка, этого недостаточно, чтобы говорить об отдельном человеке или политической группе как об изначально «демократичных». С другой стороны, ни национал-социализм, ни фашизм, ни другие авторитарные режимы нельзя редуцировать лишь до контрреволюции, представлять просто как ответ на коммунизм. У национал-социализма была своя ясная прогрессирующая направленность, свой так называемый «Новый Порядок». Он не намеревался разрушать коммунизм, чтобы защитить «старый порядок», и тем более, чтобы устанавливать его заново. Уже упомянутые австрийские правые католики, которые после расправы с социал-демократами в Австрии в феврале 1934 г. ввели сословно-корпоративную, согласно папскому посланию «Квадрагезимо анно», диктатуру Дольфуса, ссылались после Второй мировой войны на то

(и сейчас ссылаются), что они лишь пытались воспрепятствовать приходу к власти австрийских нацистов и Аншлюсу, что в сущности является зеркальной идеологической стратегией.

Ни один серьезный историк в Европе не защищает и не оправдывает коммунистическую идеологию, тем более тоталитарную практику коммунистических режимов, о чем в последние 20 лет было много написано. У коммунизма, как идеологии, с одной стороны, была самая привлекательная научная основа (ошибочная во всех существенных предпосылках, что, однако, стало ясным гораздо позднее), с другой же стороны, как было уже сказано, он апеллировал к гуманистическим идеалам (которые в государствах, где он получил общественно-политическое практическое воплощение, превратились в террор). Вместе с тем, для понимания коммунистической мобилизации в обществе важно учитывать и то, что изучение классовой борьбы в первой половине XX в. предполагает изучение также профсоюзного движения европейского левого крыла, которое существенно помогло превращению либерального западноевропейского общества в социально интегрированное общество³³.

Кстати, даже в Западной Европе последствием реального социализма были интеграция и социализация либерального государства и общества уже во второй половине XX в. Восточная Европа, ставшая жертвой утопического тоталитарного опыта, до сих пор парадоксальным образом оплачивает социальные права и благополучие социально однородного западноевропейского общества. Нечто подобное происходит, между прочим, в Испании и Португалии, жертвах авторитарной сословно-корпоративной общественной утопии. У реального социализма и реального корпорativизма было много общих черт — как в ошибочных основополагающих идеяных предпосылках, так и в политической практике.

Эти факты нужно учитывать, когда речь идет об отношении словенцев в период между войнами и во время Второй мировой войны к социальному напряжению в Королевстве Югославия. Многие выступали за «революцию» из-за отсутствия альтернативной социальной модели, однако, каждый понимал ее по-своему. Характерно, что один из лозунгов, который словенские коммунисты сами предлагали своим союзникам, гласил: «Словения — не Россия» (например, судьба христианского социалиста Эдварда Коцбека в этом смысле очень показательна).

Если посмотреть на положение в Словении в 30-е гг., то очевидно, что речь идет о значительных трудностях в определении отличий идеологических концепций, о которых обычный словенец, скорее всего, и не знал, — например, между коммунизмом или марксизмом. Скорее всего, он воспринимал их часто «интуитивно» и также «интуитивно» выступал

против антигуманизма. Даже если «давняя иллюзия» выродилась в террор, историк не может так просто позабыть о двухсотлетней динамике европейского общества, которая существенно определила его развитие и придала ему современную форму.

В настоящее время никто в Европе больше не защищает коммунизм, который оставил за собой, как писал Ф. Фюре, только раскаявшихся и побежденных. Доказательство того, что прогрессизм и вера в улучшение человеческого общества могут привести к полной катастрофе общества (и цивилизации) одновременно является одним из наиболее трагических результатов общественных процессов в XX столетии, поскольку в них «вторглись массы» и вслед за ними — великие тоталитарные идеологии. Вместе с тем коммунизм и сейчас присутствует в обществе специфическим образом — как собственная антитеза, как особая идеология, на которой теперь строится антикоммунизм и которая служит объектом аффирмации и политической операционализации во всей Восточной Европе (часто бывших коммунистов или близких попутчиков тоталитарного режима). Приведем слова Адама Михника:

Я с большим смущением слушаю теперь многочисленных коллег, которые видят главную опасность для демократии и свободы в Польше в посткоммунистических кругах. Я полагаю, что коммунизм, открыто признающий свою идентичность и генезис, осужден на затухание и постепенную маргинализацию. Однако весь потенциал нетерпимости, агрессивности и авторитарных наклонностей, характерный для коммунизма, возрождается в другом языке, в других обрядах и под другими знаменами. Думаю, что прав французский философ Андре Глюксман, утверждающий, что в настоящее время полемика с марксизмом или коммунизмом есть попытка убить давно сдохшую лошадь³⁴.

Конечно, антикоммунизм был логичен во время установления демократии в Восточной Европе и в Словении. Сегодня антикоммунистическая позиция зачастую вызывает чувство, что все дело в дешевом способе «занять общественное положение» и в особого sorta «негативной социализации»:

Иногда я думаю, что тогда, когда исчезнут настоящие коммунисты, надо будет создать новых, ведь будет нужен общий враг, чтобы укрепить мир новой власти. Антикоммунизм может быть отправой, как и антфашизм. Оба выросли из понятных страхов, ситуация может быстро измениться, свестись к непрерывным поискам классового или национального врага, как гласит хорошо нам известная доктрина о все обостряющейся

борьбе против общего врага. И в конце концов я боюсь, что всем нам грозят поиски козла отпущения. Кто-то должен платить за все те унижения и страдания, а также за наши собственные грехи, слабости и страхи. В поисках козла отпущения мы легче успокаиваем собственную совесть³⁵.

Из всего вышесказанного следует, что ни по отношению к 30-м гг., ни в настоящее время нельзя зачислять любого антикоммуниста в демократы. Как некогда писала Ханна Арендт: «Трудно найти фигуру, которая возбуждала бы больше справедливых сомнений, чем профессиональный глашатый истины, открывший счастливое совпадение между истиной и интересом»³⁶. Внимание к структуре и механизму действия мифа необходимо именно ради молодой словенской демократии. Кроме того, мы приблизились к совсем другому мифу — о «многочисленной оппозиции коммунистическому режиму во времена самоуправляющегося социализма в Словении».

Перевод И. Чуркиной

Примечания

¹ Пий XI во время фашистского плебисцита 1929 г. в Италии призвал верующих голосовать «за» и не признавал в 20-е гг. лидера итальянской христианской демократии дона Луиджи Стурцо, только за то, что его позиция была недостаточно антилиберальной и антикоммунистической. Когда основатель итальянской христианской демократии дон Л. Стурцо это осознал, то впервые в Европе по отношению к связям церкви и режима в фашистской Италии использовал известный и вызывавший позднее споры среди историков термин «клерофашисты». Сказано это было в сильном гневе, ведь все это перечеркивало многолетний труд его жизни. Но ничто не помогло. В конце 20-х гг. при взгляде «из-за алтаря на престол» Пий XI облегченно вздохнул: «Этого мужа (т. е. Муссолини, — Э. П.) нам послало божье предвидение». Его слова стали широко известны в народе и распространялись по всей Италии.

² Cp.: *Vodopivec P. O svetlobi in barvi tridesetih let // Naši razgledi*. 20. april 1990.

³ Cp.: *Pleterski J. Senca Ajdovskega gradca*. Ljubljana, 1993. S. 43; — а также: *Vodopivec P. O svetlobi...*

⁴ Подробнее об этом см.: *Weinzierl-Fischer E. Die österreichischen Konkordate von 1855 und 1933*. Wien, 1960. S. 226; *Hanisch E. Der politische Katholizismus als ideologischer Träger des «Austrofaschismus» // «Austrofaschismus»: Beiträge über Politik, Ökonomie und Kultur 1934–1939 /*

Hrsg.: E. Talos, W. Neugebauer. Wien, 1985; *Weinzierl E.*, Austria: Church, State, Politics, and Ideology, 1919–1938 // Catholics, the State and the European Radical Right 1919–1945 / Eds.: R. J. Wolff, J. K Hoensch. New York, 1987. P. 18; *Janežič Ž.* Nemški katoliški shod na Dunaju // Čas. 1933/34. S. 111–115.

⁵ *Payne S. G.* The Franco Regime // Catholics... P. 192.

⁶ *Hoensch J. K.* Slovakia: «One God, One People, One Party» // Catholics... P. 166.

⁷ *Coppa F. J.* The Vatican and the Dictators // Catholics... P. 200.

⁸ *Wolff R. J.* Italy: Catholic, The Clergy and the Church // Catholics... P. 150.

⁹ *Lašzlo L.* From Cooperation to Resistance. The Catholic Church in Hungary 1919–1945 // Catholics... P. 122.

¹⁰ См. о развитии в разных странах: Who were the Fascists? / Eds.: S. U. Larsen, B. Hagtvet, J. P. Myklebust. Bergen-Oslo-Tromso, 1980. P. 15–25.

¹¹ В переводе послания «Квадрагезимо анно», подготовленном для журнала «Час» А. Ушеничником, об этом можно прочесть: «Забастовки запрещены... <...> Если партии не могут договориться, в дело выступают общественные власти», — см.: *Ušeničnik A.* Okrožnica papeža Pija XI o obnovi socialnega reda po evangelijskih načelih // Čas. 1930/31. Zv. 8–9. S. 340.

¹² Например, Ушеничник уже в 1912 г. писал: «Христианская вера, например, у нас, словенцев, — католическая, то есть для всех народов, и она как тысячелетнее культурное наследие так тесно связана со всем нашим мышлением и жизнью, что нам словенец-атеист абсолютно чужд, и мы ни в чем больше не можем ему доверять». — *Ušeničnik A.* Čas. 1912. S. 4.

¹³ «Никто не может быть одновременно добрым католиком и настоящим социалистом». — *Ušeničnik A.* Okrožnica papeža... S. 348.

¹⁴ Вместе с тем следует это «осуждение» фашизма понимать (по меньшей мере!) в контексте актуального развития Италии того времени и спора между режимом и Церковью из-за деятельности Католической акции.

¹⁵ *Ušeničnik A.* Okrožnica papeža... S. 340.

¹⁶ Ушеничник пишет: «В период тотальной конкуренции цены в общем выравниваются по труду, именно потому, что цены — это выражение обменной стоимости и эта стоимость существенно зависит только от труда. Условием для обмена, конечно, является употребительность, полезность <...> Доказательство принадлежит Марксу (*Das Kapital*. I. 1909. S. 3), вместе с тем, говорят, хотя он принадлежит Марксу, он не обязательно ошибочен, даже наоборот, он также может быть истинным. Однако же сравним Аристотеля <...> и комментарии св. Фомы Аквинского <...> А именно: оба говорят о том, что мерой является необходимость и пригодность (*hrcia, indigentia*), однако, это кажется лишь предлогом, ведь сразу затем оба говорят о выравнивании по труду...». — *Ušeničnik A.* Uvod v krščansko sociologijo.

Ljubljana, 1920. S. 65, 66; — подробнее об этом см.: *Pelikan E. Akomodacija ideologije političnega katolicizma na Slovenskem*. Maribor, 1995.

¹⁷ Сравни: *Catholics...*; *Payne S. G. The Concept of Fascism // Who were the Fascists?* P. 15–25.

¹⁸ В первом случае я имею в виду вопрос парламентской партийной демократии и автономии личности и общественных подсистем, в другом — вопрос собственности и «классовой борьбы».

¹⁹ *Ušeničnik A. Čas.* 1932/33. S. 230.

²⁰ *Ušeničnik A. Oris socialnega vprašanja*. Domžale–Groblje, 1938. S. 54–55.

²¹ *Žebot C. Nova Portugalska // Čas.* 1937/38. S. 84.

²² Там же.

²³ *Straža v viharju*. 14. marec 1940. S. 102.

²⁴ *Žebot C. Nova Portugalska...* S. 148.

²⁵ *Žebot C. Korporativno narodno gospodarstvo*. Celje, 1939. S. 306.

²⁶ Там же. С. 306–307.

²⁷ См.: *Žebot C. Neminljiva Slovenija*. Celovec, 1988. S. 16.

²⁸ *Ahčin I. Korporativna ideja po okrožnici “Quadragesimo anno” // Čas.* 1931/32. S. 178. — В сноске 14 см. статью из журнала «Цайт», на которую ссылается автор и из которой видно, что парламентский демократический принцип и сословное «преобразование» общества исключают друг друга. Сравни также: *Žebot C. O diktaturi v Avstriji // Čas.* 1937/38. S. 148.

²⁹ *Vodopivec P. O svetlobi...*

³⁰ Сравни: *Besednjak E. Fašizem // Socialna misel*. L. I. Ljubljana, 1922. S. 289–294.

³¹ См.: *Janžekovič J. Čas.* 1939/40. S. 14–50.

³² В планах великих расовых чисток на европейском востоке предполагалось не только так называемое окончательное решение еврейского вопроса, т. е. истребление европейских евреев, но также и радикальное прореживание славян, истребление цыган и т. д. Здесь нет возможности подробно остановиться на особых планах по отношению к отдельным славянским народам. Однако заметим, что по так называемому генеральному плану на востоке («Ост») только с территории Польши и балтийских стран 31 млн. людей следовало переселить в Сибирь. Сравни: *Ferenc T. Nacistična raznarodovalna politika v Sloveniji v letih 1941–1945*. Ljubljana, 1968; *его же: Quellen zur nationalsozialistischen Entnationalisierungspolitik in Slowenien 1941–1945*. Maribor, 1980.

³³ *Bracher K. D. Zeit der Ideologien*. Stuttgart, 1984. S. 350.

³⁴ *Michnik A. Skušnjavec našega časa*. Ljubljana, 1997. S. 252–253.

³⁵ Там же. С. 260.

³⁶ *Arendt H. Resnica in politika // Sodobni liberalizem*. Ljubljana, 1992. S. 40.

II. ПОРТРЕТЫ

А. Л. Хорошкевич

Барон Сигизмунд Герберштейн. Автобиография в зеркале «Записок о Московии»

В 2006 г. исторический мир и жители стран, которые по праву называют барона Сигизмунда Герберштейна — коротко и ясно «наш Герберштейн», праздновали юбилей — 450 лет со времени появления самой лучшей базельской публикации латинского текста его «Записок о Московии», и две годовщины самого автора — 520 лет со дня рождения и 440 — со дня смерти. Именно вышеназванное сочинение принесло автору мировую славу¹.

«Записки о Московии» не просто открыли самое крупное восточнославянское государство для остальных европейских народов и стран, но и вписали его и его историю в общеевропейскую и, в первую очередь, общеславянскую. Герберштейн однозначно ответил на вопрос, который доныне мучит некоторых сомневающихся, о том, к какому миру принадлежит Русь и Россия — к европейскому или азиатскому. Его труд, содержащий многоплановую картину жизни населения и судеб страны и предоставляющий поистине неисчерпаемые возможности изучения истории Руси, дает и нам, далеким потомкам тех, о ком он писал, считать его «нашим Герберштейном». Его уважение к другим народам, высокая степень толерантности, стремление решать проблемы дипломатическим, а не силовым методом дают право причислить Герберштейна к выдающимся европейцам.

Не будь его «Записок о Московии», Сигизмунд Герберштейн так бы и остался одним из имперских послов и пополнил бы собой целый ряд представителей Священной Римской империи Германской нации, таких как Попель, де ла Торре, Г. Шнитценпаумер, Франческо да Колло и Антонио да Конти, которые на протяжении конца XV — начала XVI столетий

защищали интересы своих государей в странах Европы, в том числе и Восточной. Правда, и в этом случае он вряд ли затерялся бы полностью в этой общей череде и не потому только, что профессионалом в сфере дипломатии он был действительно выдающимся², но и потому, что у него было и иное призвание — писательство.

Сначала несколько слов о дипломатии, — деятельности, к которой его готовило, кажется, само происхождение³. Герберштейн рос в микромире, наполненном военными конфликтами. Он родился в г. Випава (нем. — Виппах, итал. — Випако) в герцогстве Крайна, входившем в состав Священной Римской империи Германской нации. Владения крайнских Герберштейнов лежали у Карста, причем Постойна (нем. — Адельсберг) и Випава⁴ относились к Внутренней Крайне и Лупоглав (нем. — Маренфельсу⁵) — к Истрии, и в начале XVI в. вновь оказались в приграничной территории, на которую претендовали и венецианцы. В результате военных действий между габсбургскими подданными и венецианцами (1508—1516) границы изменились весьма существенно. Около трех четвертей Истрийского полуострова на западе и юге перешли венецианцам, в то время как Крас (нем. — Карст) и бывшее графство Горица (нем. — Гёрц) Миттельбург — Пазин (итал. — Писино) отошли к Крайне.

В семействе родителей автора «Записок» были и военные, местные представители имперской власти, и священнослужители. Его дед Андреас, вплоть до 1442 г. занимавший должность гауптмана (капитана) в Постойне и в Красе, по договору раздела с братом Георгом получил бывшее герцкое владение Лупоглав на границе с венецианской областью. Отец Сигизмунда Леонард (после 1428 — 1511) также был гауптманом в Красе и Постойне, владельцем Лупоглава и свободного дома в Триесте и арендатором Парденона. В 1470 г. кайзер Фридрих III пожаловал ему имение Випава, а в 1482 г. и Храстовец (нем. — Гутенхаг). После жены на Барбаре Люг (Луггер) в 1465 г. Леонард осел в Випаве.

Карьера его родственников по материнской линии схожа с карьерой отцовских родственников. Его мать Барбара происходила из крайнской линии рода знаменитой дурной славой династии рыцарей из Лога (нем. — Люгер, итал. — Логарии). За заслуги на службе местному князю и кайзеру крайнская линия в 1366 г. получила в лен Предъямский замок, который с небольшим перерывом (1396—1398) сохраняла вплоть до 1488 г. Владения семьи не ограничивались одной Крайной, так как некоторым членам семьи, например, Конраду II, служившему гауптманом в Триесте (1415—1420, 1432—1434), удалось приобрести земли в Истрии. Дед Сигизмунда по материнской линии Николаус в течение двух лет исполнял

обязанности гауптмана Випавы вместо Герберштейна (1466–1468), а в 1468 г. стал гауптманом в Триесте, но на этом посту удержался недолго из-за применения насилия по отношению к местному населению. За карьерным взлетом последовало глубокое падение в 1472 г. (1478?): по многочисленным обвинениям и жалобам император Фридрих III был вынужден сместить его с должности, а в конце 70-х гг. тот был даже арестован по обвинению в принуждении и мнимом убийстве⁶, но затем отпущен, после того как отказался от своих владений в Триесте и Двино. Родовой Предъямский замок унаследовал его сын Эразм, карьера которого складывалась крайне неровно. В 1478 г. он отказался от службы кайзеру Фридриху III и присоединился к рыцарям-разбойникам. После того, как участились жалобы на его разбои на горных дорогах Краса, именно его кузену Касперу Рауберу (?) было доверено поймать его. Его, осажденного в труднодоступном Предъямском замке, с помощью предательства выманили к окну и застрелили осенью 1484 г., за два года до рождения племянника Сигизмунда⁷. Другой родственник, кузен Сигизмунда, сын сестры его матери Доротеи — Христоф Раубер — выбрал карьеру священнослужителя и стал знаменитым люблянским епископом.

Большинство населения вышеназванных земель говорило на славянских языках, на севере по-словенски, на востоке по-хорватски (чаковское наречие), многие владели итальянским, часть — немецким. Поскольку Герберштейны с первой половины XV в. служили Габсбургам в качестве гауптманов в землях, соседних с теми, что входили в пределы венецианской власти, следует полагать, что наряду с немецким и словенским Герберштейну был доступен и итальянский. Это предположение М. Вакониг, специально занимавшаяся изучением происхождения и культурного ареала Герберштейна, подкрепляет фактом паломнического путешествия Сигизмунда со старшим братом в Лоретто и Реканати в Папском государстве. Мать отправила их туда, опасаясь за здоровье Сигизмунда, но будучи уверена, что юноша и подросток справятся с лингвистическими трудностями во время передвижения по рекам и сушам Италии. К сожалению, исследователям пока неизвестен инициатор перевода «Записок» на итальянский, сделанный на следующий год после выхода первого издания труда Герберштейна, хотя интерес к этому сочинению становится особенно понятным в связи с geopolитической и лингвистической ситуацией на родине автора этого произведения. Пожалуй, можно быть уверенными, что Сигизмунд Герберштейн был полиглотом почти с рождения, предвосхитив появление молодых европейцев нашего времени, свободно переходящих с одного языка на другой при обучении в различных университетах и работе в различных странах Европы.

Сигизмунд в отличие от большинства его родственников вступил на иной путь. В родной Випаве до 1496 г. «учил — немецкий и виндский — оба языка», хотя «виндский доставлял мне, — писал он в “Автобиографии”, — много хлопот в юности, мне пришлось слышать много прозвищ: раб (*sclaf*’), *khadrotz* (*kodroltz*) и подобные», продолжил образование в Лонспахе (?) и, наконец, в Венском университете, застав период его расцвета. Опыт весьма кратковременной военной службы под знаменами императора Максимилиана I (во время которой, правда, 22-летний Сигизмунд сумел отличиться, доставив провиант в осажденную венецианцами крепость Марано в 1508 г., разбив врага при вылазке из нее, и заслужить рыцарское звание) убедил Герберштейна в целесообразности мирного решения конфликтов и определил его жизненный путь как дипломата. В этом качестве он впервые выступил в 1509 г. в Венеции по поручению отца на весьма сложных переговорах о судьбе спорного владения Лупоглав⁸. С 1515 г. он уже становится членом имперского совета. А в 1516 г. император, запомнивший его способности тактика и стратега, направил его в Данию, чтобы убедить необузданного короля Кристиана I соблюдать супружескую верность по отношению к королеве Изабелле, внучке Максимилиана I Габсбурга, и расторгнуть связь со дочерью трактирщицы Сигбрид — Дивеке (Голубкой). Несмотря на очевидный провал миссии 30-летнего дипломата (король соблаговолил лишь выслушать его) Максимилиан не разочаровался в своем представителе. Немаловажным для последующей карьеры Сигизмунда Герберштейна было и покровительство кузена Христофа Раубера, который с 1504 г. выполнял дипломатические поручения Максимилиана I и в качестве гофмаршала участвовал в проведении знаменитого Венского конгресса 1515 г., а, будучи комендантом во время венецианско-австрийской войны 1508–1515 гг., мог лично убедиться в военных свершениях и дипломатическом мастерстве своего кузена⁹. Поскольку Раубер пользовался большим авторитетом у императора, М. Вакониг допускает возможность, что он вместо себя рекомендовал своего родственника Герберштейна для утомительного и опасного, однако весьма престижного путешествия в Москву¹⁰. Опасаясь всякого упоминания о покровительстве родственника из семейства Луггеров, в «Записках о Московии» Герберштейн обогнал молчанием историю назначения посредником на литовско-русских переговорах. В 1517 г. Герберштейн должен был содействовать окончанию третьей литовско-русской войны первой четверти XVI в. и переключению военной активности Великого княжества Литовского и Княжества всея Руси (Государства всея Руси) на защиту Европы, и в первую очередь Империи, от «турецкой опасности». Переговоры долго

и упорно сражавшихся за земли домонгольской Руси двух восточноевропейских княжеств, претендовавших на свои новые или былые «отчины», в 1517 г. зашли в тупик. Поскольку в состав воюющих государств входили земли, именовавшиеся Русью, а их главы имели в титулах упоминание о Руси (князь литовский, русский и жемайтский — со времен Витовта, князь всея Руси — со времен Ивана Калиты), каждый из глав этих государств считал всю Русь своей отчиной¹¹. Герберштейн ехал в Москву через Великое княжество Литовское, поэтому он оказался хорошо информированным об этой на первый взгляд нелепой ситуации и позднее счел своим долгом коснуться ее происхождения. Он указывает, что существуют три Руси — в пределах Польши, Великого княжества Литовского и «Московии». В связи с этим он пускается и в рассуждения относительно близости славянских языков, одним из которых он владел с детства. Последнее обстоятельство позволило ему записать многие памятники письменности Домонгольской Руси, Московского княжества и Княжества всея Руси.

В 1517 г. стороны однако не пришли к соглашению. Сигизмунд I Старый настаивал на возвращении Смоленска, в 1405 г. потерявшего самостоятельность и вошедшего в Великое княжество Литовское. Однако Василий III не собирался расставаться с новым приращением своего княжества, добытого хитростью князя Михаила Львовича Глинского в ходе кровопролитной трехлетней войны 1512–1514 г. При этом посол императора Максимилиана столкнулся с титулатурной проблемой. Василий III, не венчанный даже на великокняжеский престол, после присоединения Пскова в 1510 г. и заключения договора с Максимилианом I, в котором государь всея Руси по недосмотру (или непониманию?) послал Юрия Шнитценпаумера был назван «кайзером», стал претендовать на царский титул. Герберштейн вплоть до появления литовских послов продолжал его так именовать. А когда те, наконец, появились, вынужден был принять их позицию и величать Василия III лишь титулом великого князя. И это разноречие в титулах посол попытался объяснить в своих «Записках». Он терпеливо растолковывал, что термин «царь» отнюдь не идентичен титулу «император», а соответствует лишь титулу «король», и даже не ставит своего носителя на королевский уровень. В соперничавшем с Русским Литовском государстве, равно как и в Короне Польской не могли примириться с тем, что вчерашний ордынский «холоп» поднимается на ту же ступень иерархической лестницы европейских государей, что и глава их собственных политических образований. Временное признание Герберштейном царских претензий Василия III, явный промах, с точки зрения польско-литовского союзника императора, «аукнулся» послу спустя более 30 лет.

Между тем умер Максимилиан I, и в 1519 г. Герберштейн участвовал в делегации в Испанию к новому императору Карлу V (1519–1556). Вскоре он добился первых успехов и на родине, войдя в начале 1521 г. в состав Высшего государственного совета Крайны.

Следующая его дипломатическая поездка 1525–1526 гг. была снова в Москву и с той же целью, что и в 1517 г. На этот раз послу сопутствовала удача. На Востоке Европы установился хрупкий мир, особо желанный в связи с надеждами стран Южной и Юго-Восточной Европы создать антиосманскую лигу, членом которой могло бы стать и Княжество всея Руси. До лиги дело так и не дошло, а жертвой османского наступления пала Венгрия, потерявшая в битве на Мохаче 29 августа 1526 г. своего короля Людовика (Лайоша II) Ягеллона¹². За его наследие развернулась борьба Османской империи, Польского королевства и Священной Римской империи. Герберштейн активно участвовал в ней, защищая претензии последней (вдова Людовика, Изабелла, принадлежала к дому Габсбургов и пыталась нейтрализовать Корону Польскую). В качестве посла австрийского эрцгерцога Фердинанда он неоднократно ездил в Венгрию (в 1533, 1534, 1537, 1542, 1547, 1552 гг.) и в Польшу (1529, 1539, 1540, 1543, 1545, 1550, 1552, 1553 гг.), при чем дважды — в 1543 и 1553 гг. Герберштейн, возведенный в 1532 г. в баронское звание, сопровождал в Krakow невест короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I Елизавету и Екатерину Габсбург. Некоторая стабилизация имперско-польско-литовских отношений происходила на фоне ухудшения ситуации в самой Восточной Европе. С течением времени по мере обострения русско-литовских отношений накануне Ливонской войны необходимость в обосновании имперской политики по отношению к Княжеству всея Руси и в реабилитации императора и самого посла в глазах польско-литовской общественности становилась все более актуальной для автора «Записок о Московии», оказавшегося в самой гуще противоречивых событий первой трети XVI в. Поэтому от издания к изданию «Записок» (в 1549, 1551, 1556 гг. латинские и в 1557 г. немецкие) Герберштейн включал все новые и новые детали по этому поводу¹³. Так, в немецком переводе 1557 г. он расширил раздел об одном из традиционных для средневековья видов презентации верховной власти — великокняжеской охоте под Можайском, по роскоши не уступавшей охотам императора Максимилиана, изображенным и в живописи, и в современной поэзии. В рассказе о великокняжеских пирах, затяжных и обильных возлияниями, посол подчеркивает роскошь сервировки (золотой посуды и кубков) — свидетельство богатства и роскоши хозяина¹⁴.

Отвечая на запросы 20–40-х гг. Герберштейн коснулся и темы русско-турецких отношений. Он подчеркнул, что эти страны находились в переписке (даже описал внешний вид грамоты султана), и, рассмотрев особенности их взаимного географического положения, пришел к выводу, что Русское государство по ряду причин — политических и экономических не сможет стать союзником в антиосманской коалиции. Сулейман I Великолепный между тем продолжал натиск на Империю, столица которой в 1529–1532 гг. оказалась осажденной. Несмотря на то, что Вену османам взять не удалось, угроза с их стороны сохранялась. Фактически капитулировало Французское королевство, заключившее мир с Османской империей. Священной Римской империи пришлось последовать примеру бывшего союзника. И вот в 1543 г. в Стамбул для урегулирования взаимоотношений двух империй был направлен Герберштейн. Впоследствии он очень гордился, что единственный из европейских послов не рас простерся ниц перед могущественным султаном, а стоял лишь на одном колене.

Дальнейшая дипломатическая карьера Герберштейна развертывалась исключительно в пределах Центральной Европы, в Польше в 1552 г. ему довелось услышать упреки в поддержке амбиций Василия III. Упрек был особенно актуален, поскольку к середине XVI в. сыну последнего удалось добиться того, что не получилось у его отца: 16 января 1547 г. Иван IV, будущий Грозный, был венчан на царство. Законность нового титула оспаривали и в Короне Польской, и в Великом княжестве Литовском. Пожалуй, невольный промах Герберштейна стоил ему потери прежней карьеры. Последние полтора десятка лет он действовал преимущественно на административно-финансовом поприще (еще с 1539 г. он был президентом Нижнеавстрийской камеры-казначейства).

Правда, у 65-летнего старца в это время сохранилось и то, что теперь называется хобби, сопровождавшее всю его жизнь, — писательство, да и не на какую-либо отвлеченную тему, но на одну единственную — возвеличение императоров, которым он служил (прежде всего Максимилиана I), и собственной особы и своей деятельности. «Скромность определяла стиль его жизни, но не распространялась на его жажду признания»¹⁵, свойственного обычно людям в отставке. У него же были дополнительные причины стремиться к самоутверждению даже в старости. Человек с неуемным тщеславием, с некоторым комплексом неполноценности и неудовлетворенности жизнью из-за отсутствия детей и внуков, которым он мог бы повествовать о своих дипломатических успехах, вынужден был удовлетворять неутолимую жажду славы и писательский суд с помощью многочисленных сочинений, заказа медалей и собственных графических

изображений. Так, в 1546 г. знаменитый австрийский художник Август Хиршфогель создал серию его портретов в различных одеждах — подаренных ему императором Максимилианом I, великим князем Василием III и султаном Сулейманом Великолепным. Высокий и тонкокостный с журавлинными ногами в первом из этих одеяний, он в остальных одеждах выглядит массивным и почтенным длиннобородым старцем. На всех раскрашенных гравюрах неизменно лишь лицо, сильно удлиненное с высоким лбом и внимательными, чуть печальными глазами. Именно с этим обликом отныне стал ассоциироваться образ Герберштейна. Произведения А. Хиршфогеля, как и план Москвы и карта Русского государства, предназначались для первого издания «Записок о Московии», увидевших свет тремя годами позднее в 1549 г. Кроме них Герберштейн оставил две редакции автобиографии, изданные двумя с половиной и тремя столетиями позднее (в 1804¹⁶ и 1855¹⁷ годах), «Благодарным потомкам», описания трех посольств и массу мелких сочинений. Однако венцом его творчества остались «Записки о Московии», несомненный шедевр среди произведений этого жанра XV–XVII вв.

В его «Записках», написанных по требованию императора Максимилиана и австрийского эрцгерцога Фердинанда, пытавшихся использовать Княжество всея Руси в качестве союзника в антиосманской борьбе, с одной стороны, и средства давления на Корону Польскую, находившуюся в личной унии с Великим княжеством Литовским, с другой, перед читателем предстает картина новой восточноевропейской державы, он подробнейшим образом рассказал об огромных пространствах, занятых Русью, с ее разнообразием территорий, крупными и мелкими городскими центрами и разноэтничным населением, преимущественно православным, соблюдавшим строгие религиозные правила, а также карелами и татарами, самоедами севера и др., о соседствовавших с ней народах, их религиях и обычаях, придворных ритуалах. Все это должно было служить доказательством правильности выбора Максимилианом союзника в борьбе с «турецкой опасностью» и в какой-то мере может считаться апологией этого императора и самого автора — верного слуги и проводника его идей. Поэтому, конечно, нельзя отрицать того, что автором руководила задача показать в лучшем свете союзника своего собственного государя: главой могучего политического организма, не уступающего по уровню культуры другим европейским государствам. Этот тезис он подкрепил переводами различных памятников права и литературы: фрагментов летописи о первых веках русской государственности, нашествии монголов, Вопрошание Кирика, чин венчания Дмитрия-внука, фрагменты Судебника 1497 г. Выбор памятников был определен идеей

доказать древность и могущество союзника Священной Римской империи, верность православия христианской традиции (что особенно важно было в период Реформации и раскола католичества), строгие правовые основания деятельности русской верховной власти. Однако присущая автору добросовестность не позволила скрыть некоторые органичные пороки Княжества всея Руси и его главы — самовластие великого князя, психологию холопства у подданных государя всея Руси, недостойную трусость Василия III, проявившуюся во время набега Девлет-Гирея в 1521 г.

Что же касается самого себя, то Герберштейн не умолчал о своих мелких дипломатических победах — и о том, как при первой встрече на границе он сумел обхитрить встречавшего его русского, спустившись с лошади чуть позднее последнего, и о том, как, обнаружив на пиру у Василия III пренебрежение велиокняжеских братьев к своей особе, а соответственно, и пославшему его императору, и сам перестал вставать во время здравиц в их честь. Не менее красноречивы и другие умолчания автора (об одном из них — относительно причин отправки в посольство речь уже шла). При чтении «Записок» бросается в глаза отсутствие рассказа о ходе переговоров и 1517 и 1526 гг., рассказа, который было бы естественным ожидать в сочинении дипломата. Он не упомянул и о редактировании его «Записок» словенским гуманистом Лукасом Дринаком (Лукой из Добреполя), более известным под псевдонимами Гутенфельдер (Гюттенфельдер), Боникампианус, Агатопедиус¹⁸. В 1537 г. он преподавал в Венском университете поэтику и риторику, интерпретируя «Об обязанностях» (*De officiis*) и «В защиту Архия» (*Pro Archia*) Цицерона и побуждая студентов к литературному творчеству. Его преподавательские подходы были междисциплинарными, как сказали бы мы теперь, в этом убеждают и его ученики, среди которых, в частности, был и переводчик сочинения «О старости» (*De senectute*) Цицерона Каспар Мархарт. Собственное литературное наследие Агатопедиуса невелико. Вероятно, что известный своим меценатством (в частности, по отношению к Якову Штраусу¹⁹) Герберштейн как член кружка крайинских интеллектуалов поддерживал и Агатопедиуса²⁰. Из их писем, сохранившихся в Венской национальной библиотеке в отделе Венский дворцовый кодекс (*Codex Vindobonensis Palatinus*)²¹, выясняется, что Герберштейн, с которым Агатопедиус был тесно связан в течение всей жизни (он умер четырьмя годами ранее Герберштейна), оказывал ему почти отеческую поддержку²², а их дружба распространялась и на деловую сферу²³. Возможно, время, проведенное в Венском университете, которое, как дипломат сознавался в Автобиографии, могло быть использовано с большей

пользой²⁴, не дало ему уверенности при создании «Записок» и заставило автора обратиться к специалисту по античной литературе. Профессор университета был по-видимому тем самым, кто переписал латинскую редакцию *Московии*, выправил ее и литературно обработал. Из-за длительности кропотливой работы редактора, которому тот, продолжая преподавать, посвятил несколько лет жизни, не только усовершенствовав стиль латинского текста, но и вставив некоторые детали, и занятости самого автора труд Герберштейна был опубликован со значительным опозданием²⁵. Но сознаться в этом сил у Герберштейна не хватило, да и не было в то время традиции авторского права.

Гуманист и энциклопедист, дотошный исследователь, тщательно проверявший все сведения о «Московии», которые он старательно излагал в «Записках» о ней, снискал себе вечную славу и благодарность не только и не столько соотечественников, сколько жителей той страны, которую доныне в некоторых государствах склонны по-прежнему называть *Московией*.

В его личности и деятельности были черты, которые «роднят» его с нами, членами постиндустриального общества, свидетелями и участниками формирования новых надгосударственных политических и тем более культурных образований, новых представлений о мире, новой методики его познания.

Примечания

¹ «Записки о Московии» выдержали 20 изданий в XVI в., 8 — в XVII в., бесчисленное множество полных публикаций и фрагментов было издано на протяжении XVIII—XIX вв. Расцвет герберштейноведения в Австрии, Германии, Словении, СССР / России пришелся на XX в. Подробнее см. неполные списки публикаций и исследований: Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 389–396; Frötschner R. Herberstein. Bibliographie 1949–1999 // Kämpfer F. Das Russlandbuch Sigismunds von Herberstein Rerum moscoviticarum commentarii. 1549–1999. Hamburg, 1999. S. 131–140; Žiga Herberstein — vojščak, državnik, diplomat in mirotvorec / Сигизмунд Герберштейн — воин, государственный деятель, дипломат и миротворец. М., 2000. С. 107–126.

² Picard B. Das Gesandschaftswesen Ostmitteleuropas in der frühen Neuzeit. Graz–Wien–Köln, 1967.

³ Этой теме посвящена содержательная и новаторская статья М. Вакунинг, позволившая по-новому посмотреть на биографию С. Герберштейна и его деятельность: Wakounig M. «...hab ich teutsch und windisch gelernt...»

Zur Herkunft und zu den kulturellen Wurzeln von Sigismund von Herberstein // Russland, Polen und Österreich in der frühen Neuzeit. Festschrift für Walter Leitsch zum 75. Geburtstag. Wien–Köln–Weimar, 2003. S. 15–30.

⁴ Владение Випава в Верхней долине Випавы у подошвы горы Напос вместе со старым замком досталось Габсбургам в 1344 г., новый замок и прилегающую территорию Габсбурги получили в 1364 и 1500 гг. в наследство.

⁵ Братья Герберштейны с 1521 г. вели переговоры об обмене владениями (Маренфельс на Нейперг в Штирии) и успешно завершили их 14 января 1525 г. Здесь и далее сведения о родственниках С. Герберштейна приводятся по исследованию М. Вакоуниг: *Wakounig M. «...hab ich teutsch und windisch gelernt...»* S. 16–22, — которое в полном виде вышло во втором «московском» издании «Записок» С. Герберштейна в 2008 г.

⁶ Вероятно около 1440 г. в связи со стычками и попытками умиротворения габсбургцев и цельского населения был составлен список «врагов земли» и «врагов Целья» (нем. — Цилли), в которых упомянут и Николаус Лугер: «также Никлас Лугер, будучи гауптманом нашего короля, действовал против местного права и схватил двух слуг — Вольфганга и Линдлейна, писаря в Верхнике (нем. — Оберлайбах), увел из капитанства и допросил, одного убили, однако [люди] из этого капитанства в положенный срок их истребовали, но он не желал их передавать». — *Otoropec B. Seznam «deželnich sovražníkov» na Kranjskem in Štajerskem iz okolo 1440. Iz borb med Celjskimi grofi in Habsburžani v letih 1436–1443 // Grafenauerjev zbornik*. Ljubljana, 1996. S. 342. — Цит. по: *Wakounig M. «...hab ich teutsch und windisch gelernt...»* S. 21. — Этот ценный источник, по мнению М. Вакоуниг, должен быть критически исследован с точки зрения датировки и тенденций создания. Возможно, он был написан после 1478 г. На эту мысль исследовательницу наводят сведения о Николаусе Люге.

⁷ Slovenski biografski leksikon. Zv. 7/2. Ljubljana, 1949. S. 478; Zv. 9/3. 1960. S. 36. — Как осада, так и необычайное убийство Эразмуса Лугера через открытое окно замка вдохновили фантазию Вольфганга Лация, Якоба Унреста и Янеза Вайкарда фон Вальвазора. Якоб Унрест даже утверждал, что застреленный лежал «несколько дней у себя в замке». — *Unrest J. Österreichische Chronik / Hrsg. von K. Grossmann*. Weimar, 1957. S. 147. — Цит. по: *Wakounig M. «...hab ich teutsch und windisch gelernt...»* S. 22.

⁸ О переговорах в Венеции относительно Маренфельса см: *Selbstbiographie*. S. 72f; Adelung. S. 17–22; Krones. S. 12.

⁹ *Simoniti P. Humanizem na Slovenskem in slovenski humanisti do srede XVI stoletja*. Ljubljana, 1979. S. 67; *Enciklopedija Slovenije*. Zv. 10. Ljubljana, 1996. S. 97.

¹⁰ Wakounig M. «...hab ich teutsch und windisch gelernet...» S. 24.

¹¹ Как для западных соседей той эпохи, так и для исследователей нашего времени синонимичность этно-политико-географических терминов представляла и представляет немалые трудности.

¹² Более подробно см. статью Т. П. Гусаровой во втором издании «Записок о Московии» // Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 2008. Т. II.

¹³ Leitsch W. Sigismund von Herberstein, sein Buch üden Moskauer Staat und seine Beziehungen zu Polen // Studia Podlaskie. IV. 1993. S 5–24; Хорошкевич А. Л. Польско-литовско-русские отношения в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна // Russland, Polen und Österreich in der Frühen Neuzeit... S. 41–60.

¹⁴ Хорошкевич А. Л. «Записки о Московии» С. Герберштейна как источник по истории дипломатического протокола в Княжестве всея Руси первой трети XVI в. // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008.

¹⁵ Wakounig M. «...hab ich teutsch und windisch gelernet...» S. 28.

¹⁶ Main Sigmunden Freiherrn zu Herberstein, Neyperg und Guttenhag Raitung und Antzaigen meines Lebens und Wesens< wie hernavh volgt // Kovachich M. G. Sammlung kleiner novh ungedrucken Stücke... Ofen, 1804 Bd. 1. S. 111–287.

¹⁷ Selbst-Biographie Siegmunds Freiherrn von Herberstein 1486–1553 / Hrsg. von Th. G. von Karajan // Fontes rerum austriacarum. Wien, 1855. V. 1. S. 67–396.

¹⁸ Агатопедиус происходил из крестьянской или торговой семьи в Доброполье. В 20-е гг. XVI в. он учился в пяти немецких университетах и закончил свое обучение на венском художественном факультете в 1530 г. В 1537 г. он был назначен штатным профессором литературы, его предшественниками были Цельтис Куспиниан, Вадиан и Филипп Гунделис. Вплоть до своей смерти в 1562 г. он пять раз был деканом (1536, 1543, 1545, 1547, 1555) и два раза ректором университета (1547, 1551), участвовал в качестве одного из ведущих деятелей в проведении университетской реформы Фердинанда I — nova reformatio.

¹⁹ В одном из своих писем Якоб Штраус (?–1590 в Целье) сам называл Герберштейна меценатом. — Wakounig M. «...hab ich teutsch und windisch gelernet...» S. 26.

²⁰ Агатопедиус признавал Герберштейна великим меценатом или патроном (mecaenas optimus, patronus). Цит. по: Harrauer Ch. Die zeitgenössischen lateinischen Drücke der Moscovia Herbersteins und ihre Entstehungsgeschichte: ein Beitrag zur Editionstechnik im 16.Jahrhundert // Humanistica Lovanensia. 1982. S. 146.

²¹ На нее одновременно и независимо друг от друга обратили внимание Х. Аппауэр (*Harrauer Ch. Die zeitgenossischen lateinischen Drücke...*) и П. Симонити (*Simoniti P. Humanizem na Slovenskem...* S. 209–212). См. также: *Wakounig M.* «...hab ich teutsch und wjndisch gelernt...» S. 27.

²² Агатопедиус был секретарем и по временам спутником Герберштейна в дипломатических миссиях последнего. В речи на похоронах гуманиста особо упоминалось его участие в поездках к Сигизмунду I в Польшу и к Людовику II в Венгрию (*Simoniti P. Humanizem na Slovenskem...* S. 209–212).

²³ *Harrauer Ch. Die zeitgenossischen lateinischen Drücke...* S. 146.

²⁴ *Gratae posteritati. Das familienbuch herbersteins / Hrsg. von J. Zahn // Archiv für österreichische Geschichte. Bd. 39. 1868.* S. 319.

²⁵ В одном из писем Герберштейну осенью 1535 г. Агатопедиус извивался за медленность при выполнении доверенной ему работы и уверял, что дипломат действовал отнюдь не необдуманно, когда «ваша светлость не наобум уже точно год [тому назад] послал [работу] относительно Московии, которая все-таки до сих пор не завершена», он высказывал надежду найти время, чтобы «более свободно продолжить отделку и переписывание Московии». Цит. по: *Simoniti P. Humanizem na Slovenskem...* S. 213f.; *Harrauer Ch. Die zeitgenossischen lateinischen Drücke...* S. 146; *Хорошкевич А. Л. Герберштейниана сегодня // Žiga Herberstein: 1486–1566: потомек знатного рода из словенской Карантании, воин, государственный деятель, дипломат и миротворец в «Записках о Московии» открыл Россию Европе. М.–Билье–Горица, 2000.* С. 110.

И. В. Чуркина

Григорий Оглар-Карбонарий – личный врач Петра Первого

Имя Грегора Оглара, или Григория Карбонария, как его звали в России, известно уже давно. О нем упоминал еще в 1866 г. Янез Трдина, словенский этнограф и писатель. Первым написал его биографию и опубликовал подорожную, выданную ему в России для проезда на родину, А. Коблар. Его статья вышла в свет в католическом журнале «Дом ин свет»¹. Затем о Карбонарии писали словенские историки И. Пинтар и И. Врховник, русский историк С. М. Соловьев. В последнее время о нем

опубликовали свои работы словенские исследователи Петр Борисов и Марьян Дрновшек, а также российский архивист Светлана Романовна Долгова. Неудивительно, что личность Карбонария заинтересовала столь многих ученых: врач Петра I, словенец из села Накло в Верхней Крайне — фигура весьма любопытная.

Григорий Карбонарий родился в семье крестьянина Мартина Оглара и его жены Аленки и был крещен 12 марта 1651 г. Свою фамилию Оглар его отец получил, скорее всего, благодаря своему занятию. В гористой Верхней Крайне многие крестьяне из-за безземелья вынуждены были заниматься промыслами, в частности — изготовлением древесного угля по-словенски называвшемся «оглье». Отсюда и фамилия — Оглар, что означало просто угольщик. По-видимому, семья жила в определенном достатке — Григорий учился сначала в Кране, затем в иезуитской гимназии в Целовце (нем. — Клагенфурт), где окончил полный курс шестилетнего обучения в 1672 г. После этого Грегор поступил в иезуитский университет в Градце (нем. — Грац) и уже через два года в 1674 г. получил там звание доктора философии. Иезуитские образовательные учреждения считались лучшими в то время, кроме того, обучение в них было бесплатным. Поэтому неудивительно, что мальчик из крестьянской семьи учился именно в них. Образование открывало перед Огларом прямой путь к духовной карьере, на которой настаивал отец и вся его семья. Однако он решил иначе. Он отправился в Италию, где обучался медицине в университетах Болоньи и Рима, и 29 апреля 1680 г. получил в Риме звание доктора медицины². В 1675–1681 гг. Оглар работал врачом в городке Плиберк в Каринтии. В 1681 г. его перевели в штирийский город Радгону, где уже несколько лет свирепствовала чума, в чем в немалой степени были виновны и сами жители. Чума появилась в городе в 1679 г., но потом стала затихать. Причиной ее новой вспышки послужило выкапывание и перенос жителями трупов умерших от чумы на городское кладбище — на освященную землю. Среди погибших после второй вспышки чумы был городской врач Иоганн Гашпер Цоллер. Его место и занял Оглар. Он сразу же провел ряд мероприятий, связанных со строгой изоляцией больных и с карантином. Эти меры носили санитарный характер, но они привели к затуханию эпидемии в городе. За успешную борьбу с чумой Оглар в 1685 г. получил звание протомедика (медицинского советника), которое было ему присвоено провинциальными сословиями Штирии, а его жалование было увеличено с 300 голд. до 500 голд. в год³. В Радгоне и ее окрестностях в память о страшном чумном море жители впоследствие поставили несколько знаков, в том числе скульптуру Божьей Матери.

Переехав в Радгону, Оглар поселился в доме горожанина Матии Флухера. В январе 1683 г. тот умер от чумы. Спустя несколько месяцев, 3 августа 1683 г. Оглар женился на вдове Флухера, удочерив при этом ее dochь Якубу Сабину Ребеку. По свидетельству настоятеля Матея Слековца она родилась 30 января 1684 г., т. е. не могла быть дочерью Флухера, а скорее всего являлась дочерью самого Оглара. 5 сентября 1685 г. в семье Огларов родилась девочка Мария Антония⁴.

Дрновшек и Борисов указывают, что в сентябре 1685 г. русские цари Иван и Петр Алексеевичи обратились к императору Священной Римской империи Леопольду I с просьбой прислать им искусствых докторов, при этом указывалось на желательность знания ими московского, старославянского или польского языков⁵. Исследовательница Долгова, опираясь на новые материалы, разысканные ею в архиве, уточняет эту дату. Она ссылается на письмо дворцового переводчика императора Священной Римской империи Адама Стиля начальнику Посольского приказа ближнему боярину князю Василию Васильевичу Голицыну от 20 июня 1688 г., где отмечалось, что первое письмо с просьбой о врачах для царей Ивана и Петра было отослано императору Леопольду I 6 ноября 1683 г.⁶ Переговоры о докторе длились почти 2 года. По-видимому, венские власти требовали для врачей определенных гарантий. 11 сентября 1685 г. русский двор оповещал Вену, что врачей хорошо примут, что им дадут хорошее жалование и они смогут вернуться домой, когда захотят. 10 апреля 1686 г. венская дворцовая канцелярия сообщала московскому двору, что поехать в Россию соглашаются двое, но оговаривалось, что император желает, чтобы им не препятствовали в сохранении своего вероисповедания. На предложение австрийских властей поехать в Россию, откликнулись Джакомо Пилярини из Венеции (родственник Иоаннинкия Ликуды, доктора богословия, проживавшего в Москве) и Грегор Оглар из Радгоны. Причиной желания Оглара отправиться в далекую страну было недовольство своим материальным положением. Об этом прямо написал в рекомендации, которую дал Оглару-Карбонарию Иоанн (Иоганн) Адам Демонзелье (де Монзелье), глава сословного собрания Штирии (дежельный главар, гауптман). При этом во всех официальных бумагах, отосленных в Москву, Грегор Оглар уже называется Григорием Карбонарием. Под этим именем он и работал в России.

Имя Карбонария как кандидата для поездки в Россию упоминается уже 11 февраля 1687 г. в письме императора Леопольда I к В. В. Голицыну. Леопольд характеризовал Карбонария следующим образом: «достойный ученый и верный подданный высокой державы, доктор философии и медицины, и из-за исключительных познаний в лечении и неустанной

заботы и доброжелательности по отношению к больным достоин всяческих похвал». Там же указывалось, что врач «шклявонский иллирический язык знает и в малом времени много московскому языку научиться может» и оговаривалось, что Карбонарию и его семье надлежит не препятствовать исповедовать свою католическую веру⁷. Столь же высоко оценивался Карбонарий Адамом Стилем в упомянутом письме от 20 июня 1688 г.: «Грегор Карбонариус, доктор медицины, достойный похвалы, католик, знаток славянского, латинского, итальянского, а также немецкого языков, женатый, имеет двух детей»⁸. Любопытен отзыв о Карбонарии И. А. де Монзелье от 20 апреля 1688 г. В нем отмечалось, что Карбонарий работал в Штирии, но «из-за бедности, которая там властвует, пожелал использовать свои знания в другом месте. Когда он узнал, что из Вены приглашают врачей в Польшу и даже в Москву, он, надеясь, что в северных царствах ему хорошо послужит знание латинского, немецкого и иллирского языков и особенно знания по медицине, и попросил меня, чтобы я его представил и ходатайствовал о нем. Я ему не мог отказать. Зная его жизнь и его человеческую порядочность, я в этом письме прошу, чтобы Вы изволили при случае насколько возможно ему помочь и поддержать. Известно, что он пригоден для Польши или Москвы из-за знания языков и из-за знаний по медицине, которые он много лет применял на практике»⁹. С такими блестящими рекомендациями Карбонарий отправился в далекую Москвию.

В начале 1689 г. (не позднее 9 февраля) смоленский воевода И. А. Мусин-Пушкин сообщал в Посольский приказ о прибытии 3 февраля Григория Карбонария. Среди сопровождавших его лиц упоминался и известный чешский иезуит Тобиас Тихановский (Тишевский). И приезд последнего в Россию не был случайным. В это время Ватикан активно действовал там, стремясь распространить в ее пределах католическое вероисповедание. По приезде в Москву 12 февраля Карбонарий получил 50 рублей на пропитание¹⁰.

Не позднее 17 февраля 1689 г. Карбонарий был представлен царям Ивану и Петру, перед которыми держал речь на латинском языке. В ней он, в частности, сказал: «буду служить как врач, служитель бога и природы, и что возможно по природе самым прилежным образом и верно сделаю, а невозможного никто совершил не может... Иногда болезнь сильнее, чем ученая премудрость»¹¹. Вскоре Карбонарий получил дополнительно богатые дары: 70 рублей, серебряный столовый прибор, соболиную шубу, стоимостью 45 рублей, отрезы бархата, атласа и др.¹²

Первое время Карбонарий жил в Москве один без семьи. В РГАДА сохранилось письмо из Вены от его жены Марии от 15 сентября 1690 г.,

переданное ему через московского купца М. Суслова. В нем она просила прислать ей денег и прислать ей вызов в Москву¹³. Не останавливаясь на всех перепетиях жизни Карбонария в Москве, отмечу только следующие моменты. По мнению Борисова и Дрновшека, в первое время Карбонарий занимался не только лечением, но и активно помогал Обществу католиков в Москве, оказывал некоторые услуги и австрийскому посольству. Доказательством этого служит тот факт, что 3 апреля 1694 г. Император Леопольд I даровал Карбонарию наследственное дворянство и одновременно звание имперского советника. Теперь его именовали Карбонариус де Бизенек¹⁴. Связи своей с московской католической церковью он никогда не прерывал, являясь одним из самых почитаемых ее прихожан. Вместе с сыном известного петровского полководца генерала Патрика Гордона, полковником Яковом Гордоном, он ведал ее финансовыми делами, и в частности, способствовал обновлению католической церкви в Москве. Как уже указывалось, Карбонарий получил образование в иезуитских учреждениях — в Целовецкой гимназии и Грацком университете. И хотя он потом отказался от карьеры священника и стал врачом, Карбонарий являлся не только верным католиком, но и был связан с иезуитами. Пропагандируя в России католицизм, иезуиты выступали как противники петровских реформ и сторонники Софьи и ее окружения. Когда по указу Петра I иезуиты были изгнаны из России, попал под подозрение и Карбонарий. 7 января 1699 г. он был арестован, но после допроса через 3 дня его выпустили, указав на необходимость прекратить всякие контакты с иезуитами¹⁵.

Однако, общение с Петром, участие в событиях, связанных с его деятельностью, постепенно отодвинули на второй план католическую активность Карбонария. В 1694 г. он сопровождал царя во время его похода на Азов. За успешное лечение раненых и недопущение чумы в русской армии он получил от Петра награду. В 1697 г. Карбонарий был включен в состав Великого посольства, отправленного в Европу. Официально это посольство возглавляли Ф. Лефорт и Ф. А. Головин, сам Петр пребывал в его рядах в качестве урядника Преображенского полка Петра Михайлова. Помимо дипломатических дел, Петр большое внимание уделял кораблестроению и сам работал на верфях в Амстердаме. Одновременно его интересовала медицина. И здесь ему помогал по мере сил Карбонарий и другие врачи, находившиеся с ним. Карбонарий вместе с Петром I посетил в Амстердаме анатомический кабинет профессора д-ра Рюйша, слушал его лекции, ходил в госпиталь, возглавляемый Рюйшем. Царь выдал Карбонарию 30 тысяч голландских гульденов на закупку медицинского оборудования для Московской медико-хирургической

школы. Вместе с Петром I Карбонарий осматривал анатомический музей профессора Лейденского университета Г. Боергава, встречался с натуралистом Леувенгоком¹⁶. Затем посольство отправилось в Вену, где Петр I заключил с Леопольдом I договор против турок.

Великое посольство вернулось в Россию 25 августа 1696 г. из Вены, так и не заехав в намеченную по плану Венецию. Причиной этого стал раскрытый в Москве заговор стрельцов против Петра I, возглавлявшийся царевной Софьей. Царь жестоко расправился с заговорщиками. Многих из них пытали, а потом казнили или отправляли в Сибирь. Согласно записям в дневнике секретаря австрийского посольства в Москве Иоганна Георга Корба при пытках присутствовал и Карбонарий. В частности, он приводил в сознание стрелецкого полковника Федора Кользакова (Колпакова?), обессиленного после пыток, и тем самым продлил ему жизнь на 2 дня.

Карбонарий находился в русских войсках и во время войны со Швецией. В 1700 г. он был взят в плен и отправлен в шведский лагерь в Ревеле (эstonский Таллинн). В Ревеле Карбонарий не ждал покорного решения своей судьбы, а старался по мере возможности помочь своему новому отечеству. 13 декабря 1701 г. он написал Прокопию Богдановичу Возницкому, главе Аптекарского приказа, которому был подчинен, письмо, в котором просил оказать ему денежную помощь в 400 талеров. Одновременно он сообщал о продвижениях шведских войск вдоль русской границы, об их составе. В частности он писал об армии, находившейся недалеко от Дерпта под командованием генерала Шлиппенбаха и насчитывающей 20 тысяч человек, главным образом крестьянских парней, и об армии в Ингерманландии под командованием генерала Краинорса, в которой было 12 тысяч солдат, в большинстве финнов¹⁷. В 1704 г. Карбонарий был освобожден из плена при содействии императора Леопольда. По возвращении в Москву он получил звание государственного тайного советника.

Карбонарий принимал участие в битве под Полтавой в 1709 г., при осаде Ревеля ему удалось успешно бороться с чумой среди осаждавших, в 1711 г. он сопровождал Петра I во время неудачного Прутского похода. Затем до 1714 г. Карбонарий работал в Московском медицинском приказе. В том же 1714 г. он написал прошение об отставке и разрешении вернуться на родину. Просезжая грамота была выдана Карбонарию 12 апреля 1714 г. и подписана Петром I и Михаилом Шафировым по указу его царского величества. Грамота была выдана для обеспечения ему свободного проезда. В ней говорилось, что Григорий Карбонарий был на службе у царя 26 лет и «во все то время нам служил верно и искусно и поступок имел изрядный, яко надлежит доброму и искусному доктору

иметь». Упоминалось, что Карбонарий отправляется на родину с женой и людьми¹⁸. По-видимому дочери, которые позднее приехали к нему (точно известно о приезде старшей Якобы в 1698 г.), или вышли замуж и остались в России, или умерли к тому времени. Коблар высказал предположение, что на самом деле Петр I посыпал Карбонария в Италию для переговоров с Папой о заключении унии между католической и православной церквями. Борисов убедительно опроверг эту версию, указав на совершенно личные причины его отъезда из России.

Карбонарий покинул Россию 9 декабря 1715 г., а добрался до дома только в середине марта 1716 г. Вскоре он заболел. Были некоторые улучшения его здоровья, но все же он составил 20–21 марта 1716 г. завещание. Согласно нему 1360 гульденов он завещал своим родственникам, 220 — церкви, но основную часть своего состояния 5000 гульденов он оставил родному селу на строительство водопровода. Свой медицинский инструмент и аптечку Карбонарий отказал Готфриду Гайнэ, краньскому врачу, лечившему его, а библиотеку, довольно значительную для того времени, священнику Андрею Оглару, приходившемуся ему племянником¹⁹. Следует обратить внимание на тот факт, что главную часть своего состояния он оставил родному селению, в то время как церковные учреждения получили только около 3 % его имущества. Это заставляет усомниться в том, что накануне своей смерти в 1717 г. Карбонарий являлся таким же горячим католиком, каким он был в Москве в конце XVII в. 2 февраля 1717 г. Григорий Карбонарий умер, не прожив и года на родине. По-видимому, его жена умерла ранее, поскольку в завещании она не упоминалась. Односельчане построили водопровод, а в честь Оглара-Карбонария и священника Йожефа Коса, тоже оставившего деньги на его содержание, в центре села воздвигли часовню. В 1885 г. водопровод еще действовал.

Примечания

¹ Koblar A. Dr. Grerorij Oglar (Carbonarius de Wiesenek) // Dom in svet. 1889. Št. 6. S. 149–150.

² РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1685. Д. 7.

³ Borisov P. Dr. Gregorij Karbonarij Oglar, Voglar de Wisenegg (1651–1717) — zdravnik in diplomat // Zgodovinski časopis. 1997. Št. 2. S. 193.

⁴ Drnovšek M. Nakljanec Gregor Voglar (1651–1717): zdravnik v Rusiji. Naklo. 2002. S. 15, 16.

⁵ Drnovšek M. Nakljanec Gregor Voglar... S. 17; Borisov P. Dr. Gregorij Karbonarij Oglar... S. 195.

⁶ Dolgova S. Doktor Gregor Karbonarij v Moskvi // Arhivi. 2001. Št. 1. S. 83.

⁷ Там же. С. 84.

⁸ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1688. Д. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1685. Д. 7.

¹² Drnovšek M. Nakljanec Gregor Voglar... S. 22.

¹³ Dolgova S. Doktor Gregor Karbonarij... S. 85.

¹⁴ Drnovšek M. Nakljanec Gregor Voglar... S. 23.

¹⁵ Там же. С. 22.

¹⁶ Drnovšek M. Nakljanec Gregor Voglar... S. 25–27; Borisov P. Dr. Gregorij Karbonarij Oglar... S. 199, 200.

¹⁷ Borisov P. Dr. Gregorij Karbonarij Oglar... S. 200.

¹⁸ Arhiv Republike Sloveniji. 1038.

¹⁹ Drnovšek M. Nakljanec Gregor Voglar... S. 36.

Л. А. Кирилина

Янез Блейвейс и Россия

Для словенской истории Янез Блейвейс (1808–1881) являлся фигурой первой величины, он был личностью уникальной, игравшей колоссальную роль в развитии словенской культурной, национальной и политической жизни в течение почти 40 лет — с начала 1840-х гг. по 1881 г. Большинство крупнейших культурно-просветительских начинаний и достижений словенцев в тот период в большей или меньшей степени было связано с его деятельностью.

Янез Блейвейс родился и вырос в г. Крань (Верхняя Крайна) в зажиточной словенской семье. Дед его, Никлас Плейвейс, переселился из деревни Терстеник (там Плейвейсы жили исстари) в г. Крань, где стал работать ткачом. Отец, Валентин, был человеком энергичным, имел хорошую предпринимательскую жилку, унаследованную от него и Блейвейсом. Он разбогател, торгуя тканями, купил несколько домов, стал помещиком и владельцем ткацкой рассеянной мануфактуры, на которой работало около 100 человек. Янез был старшим из пяти его сыновей. Трое из братьев стали купцами и сохранили фамилию Плейвейс. Янез и Франц (священник) стали писать свою фамилию «Блейвейс»¹. В семье Блейвейса говорили и писали по-немецки². Это явление было

характерным в то время в среде словенской городской интеллигенции и буржуазии — словенский язык считался языком простого народа (крестьян), в государственных учреждениях и гимназиях официальным являлся немецкий язык, и городские словенцы, как правило, владели им лучше, нежели словенским. Позднее, когда Блейвейс начал заниматься национально-просветительской деятельностью, его знание словенского языка поначалу было недостаточным, первые годы переписку он вел, в основном, на немецком. Блейвейс получил очень хорошее образование — цо окончании люблянского лицея он поступил в университет в Вене. В 1832 г. он закончил медицинский факультет, получив диплом доктора медицины, затем закончил акушерские курсы, в 1834—1836 гг. учился в Венском ветеринарном институте, далее работал там до 1841 г. ассистентом. К тому времени он уже написал ряд научных работ по медицине и ветеринарии на немецком языке. В Вене он женился на Каролине Феллнер, дочери своей бывшей квартирной хозяйки. Получив в 1842 г. приглашение занять должность профессора ветеринарии и судебной медицины в люблянском медико-хирургическом центре, Блейвейс с семьей вернулся на родину.

В Любляне Блейвейс с энтузиазмом занялся работой по просвещению словенцев. Удивительны энергия и работоспособность этого человека, широта его интересов. В 1842 г., несмотря на недостаточное еще знание родного языка и нехватку профессионального опыта, молодой Блейвейс стал секретарем Краинского сельскохозяйственного общества, которое возглавлял до 1881 г. Под его руководством оно превратилось в профессиональную организацию, при нем была организована библиотека, расширено число профессиональных журналов. В 1842 г. Блейвейс организовал одну из первых газет на словенском языке «Кметийске ин рокодельске новице» (далее — «Новице»), предназначенную для просвещения крестьян и помощи им в их практической деятельности. «Новице» стали главным его достижением, любимым детищем, к которому он всегда трепетно относился. Он был одним из инициаторов и организаторов создания Словенской Матицы. С 1856 до 1874 г. он занимал должность главного ветеринара провинции, отдав немало сил развитию словенской ветеринарии, организации ветеринарного обучения. И это далеко не полный перечень деяний Блейвейса, при жизни названного «отцом словенского народа».

Яркую характеристику личности Блейвейса дал Ф. Гёстель: «Блейвейс трудился неустанно, без отдыха, у него не было почти никаких потребностей, никаких развлечений, жил он скромно, заботился только о своей семье, но не оставил ей богатства. «Новице» и «Практику» он ре-

дактировал все время бесплатно»³. К этому следует добавить, что преподавал в крестьянской школе и в школе ветеринарного дела и кузнечного ремесла он тоже бесплатно. Это был человек идеи, не жалевший ни сил, ни средств для дела своей жизни.

С 1851 г. Блейвейс являлся членом-корреспондентом Белградского общества сербской словесности. Его избрали своим почетным членом крестьянские общества в Вене, Праге, Берне, Граце, Целовице, Горице, Загребе, Черновицах. Он был членом Венского медицинского общества, Краинской медицинской комиссии, почетным председателем Риекской жупании и т. д.⁴ В 1866 г. он стал единственным словенцем, избранным в число первых 14 постоянных членов Югославянской Академии науки и искусств⁵. Блейвейсом было написано множество работ (341 публикация) на словенском, немецком и латинском языках, затрагивающих самые разнообразные темы.

Связи Я. Блейвейса с Россией не были значительны и глубоки. В круг словенской интеллектуальной элиты Блейвейс входил уже в 1840-х гг., и русские ученые, посещавшие Любляну, как правило, знакомились с Блейвейсом наряду с другими видными представителями словенской национальной интеллигенции. Так, в 1841 г. выдающийся русский славист (филолог и этнограф) Измаил Иванович Срезневский во время своего путешествия по словенским землям встречался в Любляне с великим словенским поэтом Ф. Прешерном, И. Метелко, составителем одного из словенских алфавитов («метелчицы»), а также с Я. Блейвейсом. Хотя упоминаний о знакомстве с Блейвейсом нет ни в письмах, ни в записках Срезневского, по воспоминаниям его ученика В. В. Макушева, Измаил Иванович говорил ученикам о Блейвейсе как о своем друге⁶. В 1846 г. в Любляне побывал другой русский славист, Виктор Иванович Григорович, профессор Казанского университета. Общался он приблизительно с тем же избранным кругом словенской интеллигенции, что и Срезневский. Познакомился он и с Блейвейсом. О появлении одной из первых газет на словенском языке — «Новиј» Блейвейса — российский читатель смог узнать из публикаций журналов «Денница» в 1843 г. и «Москвитянин» в 1845 г.⁷

У нас нет сведений о каких-либо связях или встречах Я. Блейвейса с русскими во время революции 1848–1849 гг. и в наступивший после нее период реакции. В годы революции Блейвейс принимал активное участие в политической жизни, он был председателем Словенского общества в Любляне, боролся за права словенского народа, поддержал программу Объединенной Словении, впервые сформулированную словенскими либералами в 1848 г. В период наступления реакции Блейвейс, как и другие

словенские консерваторы, отступил от проекта объединения Словении как реально не достижимого в тех условиях. В сущности, он и впоследствии не отказался от этой идеи, просто оставил ее реализацию на будущие времена, как долгосрочную цель. На первый план было вновь выдвинуто более реальное и умеренное требование национального равноправия⁸.

Политические общества и газеты, появившиеся в 1848 г., после поражения революции были закрыты. Пережили революцию и времена Баховского абсолютизма лишь «Новице» Блейвейса. В годы реакции, когда всякая политическая деятельность была запрещена, Блейвейс, как и прежде, неустанно трудился на ниве просвещения словенского народа. Популярность его росла, многосторонняя деятельность снискала ему всеобщее уважение соотечественников.

Новый период политической деятельности Блейвейса относится к 1860-м гг., когда началось оживление в конституционной и политической жизни Австрийской монархии. По Февральскому патенту 1861 г. Австрия превратилась в конституционную монархию, была введена автономия провинций. Возобновилась деятельность австрийского рейхсрата. Для словенцев 1860-е годы стали временем консолидации сил, утверждения словенского языка в политической и культурной жизни, открытия читален, обществ и политических газет, оформления словенской партии. В этот период существенно расширилась социальная база словенского национального движения, в него были вовлечены широкие крестьянские и городские слои.

В 1860–1870-е гг. Блейвейс был, пожалуй, самым известным и уважаемым словенцем как на родине, так и за границей. Словенский национальный деятель Йосип Вошняк пишет в своих «Воспоминаниях»: «Тогда, в 1861 году, д-р Блейвейс пользовался всеобщим безграничным доверием и у него не было ни одного противника среди словенцев. Мы все смотрели на него с величайшим уважением, и каждый чувствовал себя счастливым и польщенным, когда мог с ним поговорить»⁹. На выборах в Краинское провинциальное собрание в 1861 г., первых выборах, состоявшихся после введения австрийской конституции, Блейвейс абсолютным большинством голосов был избран депутатом сразу в трех избирательных округах (в Любляне, Камнике, Кране). В то время его уже стали называть «отцом словенского народа»¹⁰.

В 1860-е гг. произошло оживление контактов Блейвейса с Россией и русскими, именно в этот период они стали наиболее интенсивными. В 1860 г. известный публицист, славянофил, один из видных деятелей Московского Славянского благотворительного комитета Иван Сергеевич Аксаков совершил ознакомительную поездку по словенским землям.

В Любляне он познакомился с Блейвейсом, который произвел на него сильное впечатление. Аксаков высоко оценил деятельность Блейвейса на ниве просвещения словенского народа. Во время встречи у них зашел разговор об организации Словенской Матицы по образцу чешской. Аксаков пообещал собрать в Москве деньги в поддержку этого начинания, а также присыпать словенцам нужные им книги. Идеи Аксакова вполне соответствовали замыслам самого Блейвейса. Когда в 1864 г. Словенская Матица была основана, Аксаков сдержал свое обещание. Русские научные и общественные организации установили с Матицей контакты, и с 1860-х гг. между ними происходил интенсивный обмен книгами. Из 32 научных обществ, с которыми Словенская Матица поддерживала связи в 1873 г., 12 было русских¹¹.

В начале 1860-х гг. с Блейвейсом встречались Е. Ф. Фортунатов, а также профессор Киевского Университета В. Я. Яроцкий. Последний дал Блейвейсу очень лестную характеристику, назвав его самым выдающимся из словенцев, принимавшим участие практически во всех их национальных начинаниях¹².

В 1862 г. русское правительство, по инициативе М. Ф. Раевского, священника при русском посольстве в Вене, решило наградить в честь празднования тысячелетия России русскими орденами ряд национальных деятелей австрийских славян. Было решено представить к награде и Я. Блейвейса. Александр Федорович Гильфердинг, председатель Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, писал, что словенцев надо почтить наградой «в лице докт. Блейвейса, издателя „Новиц“ (в Любляне), того человека, который более всех других содействовал пробуждению славянского духа в Крайне и Штирии»¹³. Блейвейсу был пожалован орден св. Владимира IV степени. Блейвейс ответил благодарственным письмом за оказанную ему честь (6 декабря 1862 г.).

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) сохранилась автобиография Я. Блейвейса, присланная им для получения ордена (два экземпляра — на немецком и на словенском языках, оба написаны его рукой). Описывая свой вклад в дело развития словенского народа, Блейвейс выделяет в качестве важнейших своих достижений издание «Новиц», введение единого словенского правописания, свою деятельность в крестьянской, ветеринарной и кузнецкой школах, а также свои научные и публицистические работы, список главных из которых приводится в автобиографии. Более всего гордится Блейвейс «Новицами»:

Эта на первый взгляд незначительная еженедельная газета представляет собой важное явление в истории просвещения словенского народа,

проживающего в южной Штирии, южной Каринтии, в Крайне и в Приморье, всего полтора миллиона человек, потому что из этой первой на словенском языке периодической газеты запущенный до тех пор народ черпал в течение уже 20 лет полезные знания по всем жизненным вопросам; далее эта газета объединила писателей из всех вышеназванных областей и основала и оформила единый для всех письменный язык. В том, насколько сильно в последнее время поднялся и развился словенский язык, может убедиться всякий, если возьмет в руки один номер *Новиц* этого года и сравнит его с первым ее номером 1843 года.

Превознеся должным образом свои заслуги перед словенским народом, Блейвейс без ложной скромности признает себя «величайшим благодетелем словенцев», для которого «ни одна из наград не будет слишком высокой»¹⁴.

В 1864 г. Императорское Общество любителей естествознания при Московском университете выступило с инициативой организовать в Москве Всероссийскую этнографическую выставку. По предложению проф. Московского университета Нила Александровича Попова было решено представить на выставке также этнографические материалы других славянских народов. Организация сбора предметов повседневного обихода, национальных костюмов и т. д. была доверена М. Ф. Раевскому. Он обратился к Я. Блейвейсу и Л. Томану с просьбой прислать словенские экспонаты на выставку. В связи с политическим кризисом в Австрии (пришедшем в 1867 г. к дуализму) посылка этнографических материалов на выставку в Москву имела значение политической демонстрации¹⁵.

Я. Блейвейс и ранее вел переписку с М. Ф. Раевским. Так, в октябре 1865 г. он сообщил Раевскому о посылке своей фотографии и обратился к нему с ответной просьбой — прислать свою¹⁶. В мае 1866 г. Блейвейс послал Раевскому фотографии нескольких «заслуженных» краинских словенцев. О достаточно тесных контактах Блейвейса с семьей Раевского свидетельствует тот факт, что дочь Раевского Софья Смирнова сочла необходимым оповестить Блейвейса о смерти своего мужа, Всеволода Смирнова, а Блейвейс опубликовал некролог в *«Новицах»*.

К приглашению принять участие в этнографической выставке в Москве Блейвейс отнесся со свойственной ему осторожностью. В письме от 20 октября 1866 г. он сообщил Раевскому, что для Словенской Матицы в Любляне участие в выставке невозможно по ее Уставу, но обещал прислать за свой счет мужской и женский костюмы из Крайны и фотографии к ним. На заседании 14 июля 1867 г. Императорское Общество любителей естествознания при Московском Университете приняло ре-

шение наградить Блейвейса малой серебряной медалью за присланные им костюм словенца из Крайны и описание словенской национальной одежды¹⁷. Просьбу послать национальные костюмы для выставки Блейвейс также передал М. Маяру в Каринтию и д-ру Разлагу в Штирию. От приглашения приехать на выставку в Москву Блейвейс в письмах от 8 февраля и 18 апреля 1867 г. вежливо отказался, ссылаясь на свою занятость в провинциальном собрании, неотложные дела, плохое здоровье. В письме Владимиру Ивановичу Ламанскому от 30 апреля 1867 г. Блейвейс сообщил, что в Москву на выставку приедут М. Маяр, М. Вильхар, А. Худец и, возможно, Л. Томан. Сам же он приехать не сможет (ссылка на те же обстоятельства, что и в письме к Раевскому). В последующих письмах Блейвейс рекомендовал Раевскому для поездки в Москву разные кандидатуры — Томана, Светеца и Вильхара (25 апреля 1867 г.), затем просит заменить Светеца (занятого в Венском рейхсрете) Худцем (29 апреля 1867 г.), а Томана — Грасели (3 мая 1867 г.). В результате на выставку от словенцев отправились трое: Маяр, Вильхар (купец) и юрист Худец. В 1867 г. Блейвейс так и не поехал в Россию.

После поражения Австрии в войне с Пруссией и Италией в 1866 г. и введения дуализма в 1867 г. возобновилась пропаганда объединения словенских земель. В печати, в провинциальных собраниях и на таборах (массовых политических собраниях, легальность которых была обеспечена либеральным законодательством 1867 г.) велась борьба за создание Объединенной Словении, активное участие в которой принимал и Блейвейс.

В конце 1860-х гг. появилась и стала набирать силу оппозиция Блейвейсу. Молодых либералов не устраивали его осторожные способы ведения политики и авторитаризм. Сторонники Блейвейса имели политический вес, многие из них занимали административные должности, в их руках были некоторые рычаги управления Крайной. Они были склонны к консерватизму, проявляли нетерпимость к другим взглядам и методам политической борьбы. 1870-е гг. характеризовались нарастанием конфликтов и расколом между старословенцами (консерваторами) и младословенцами (либералами).

Раскол наступил в 1872 г., когда либералы выдвинули лозунг «все за родину, просвещение и свободу» и открыто выступили против Словенской Матицы. Обе партии — и младословенцы во главе с Ф. Левстиком и Й. Вошняком и старословенцы во главе с Я. Блейвейсом — обвиняли друг друга в расколе и вплоть до 1876 г. находились в резкой конфронтации. Вошняк писал спустя несколько десятилетий в своих воспоминаниях: «Когда я сейчас размышляю о том времени, то удивляюсь накалу борьбы, поскольку нас на самом деле тогда не разделяли никакие прин-

циональные вопросы. Ни мы, «молодые», не были либералами в смысле современного либерализма, ни «старые» не были строго клерикальны»¹⁸. Действительно, резких противоречий в их программах не было. Для обеих партий главным был национальный вопрос, обе они выступали за преобразование империи на основах федерализма, за Объединенную Словению. Различия были в тактике, в методах ведения политической борьбы, в широте взглядов и концепций национально-политического и культурного развития словенцев. Младословенцы были бескомпромисснее, энергичнее, прогрессивнее, их не удовлетворяла соглашательская, осторожная политика старословенцев. Вместе с тем старословенцы в Крайне никогда не были клерикальной партией. Хотя позиции «Новиц» того времени отчасти сближались с тем, что публиковалось в клерикальных газетах, во многом взгляды Блейвейса и клерикалов не совпадали. Некоторое время существовала коалиция между Блейвейсом, клерикалами и умеренными либералами. Раскол наносил серьезный ущерб национальному движению в целом, и к 1876 г. страсти утихли.

Распри между старословенцами и младословенцами не остались незамеченными и россиянами. Так, бывший русский консул в Риеке Л. В. Березин в статье «Словенцы и избирательная реформа» (1874) отмечал, что раскол в национальном движении является помехой в борьбе словенцев за их национальные права. Он одобрительно отзывался о проведении таборов и о выдвижении на них требования Объединенной Словении. При этом Березин отмечал, что программу объединения словенских земель выдвигают младословенцы, а консерваторы во главе с Блейвейсом и Х. Э. Костой поддерживают требование автономии австрийских областей. Березин с осуждением писал о том, что, хотя младословенцы и выражали готовность к компромиссу во время предвыборной кампании 1874 г., старословенцы не пошли им навстречу, их фанатизм «не знал границ». По его мнению, в том, что результаты выборов оказались неблагоприятными для словенцев, виноваты старословенцы¹⁹.

В 1872 г. ученик Срезневского В. В. Макушев, приехав в Любляну, прежде всего встретился с Блейвейсом, к которому относился с почтением еще со студенческих лет. В том же году знаменитого словенца посетил и выдающийся лингвист Иван Александрович Бодуэн де Куртене²⁰.

Когда в Петербурге в 1866 г. был организован Учительский институт, чтобы подготовить из молодых славянских филологов учителей древних языков для российских гимназий, Раевский обратился к Блейвейсу с просьбой рекомендовать ему достойных кандидатов. В 1870 г. Блейвейс порекомендовал Раевскому молодого учителя древних языков Мартина Боле, желающего найти работу в России. Боле действительно уехал в

Россию, и с 1871 г. учительствовал в Туле, затем во Владимире и, наконец, с 1876 г., в Калуге. Покинув родину, он продолжал поддерживать связи с Блейвейсом. Из их переписки яствует, что в начале 1879 г. Блейвейс все-таки тайно посетил Петербург²¹.

В середине 1870-х гг. наступило время относительного политического согласия. Блейвейс стал отходить от политической деятельности. В 1878 г. он отказался от должности члена провинциального комитета Краинского собрания, которую занимал в течение 17 лет. В том же году было проведено торжественное всенародное празднование 70-летия Блейвейса, в котором младословенцы не только приняли активное участие, но «были даже главными организаторами»²². Отказавшись от активной политической роли, Блейвейс стал символом, его чествовали и прославляли либералы и консерваторы. В 1881 г., незадолго до смерти, он получил дворянство²³. Блейвейс умер 29 ноября 1881 г., и в час его погребения по всей Словении звонили в колокола²⁴.

Блейвейс отдал много сил национальному и культурному развитию словенцев, но прежде всего хотел улучшить их материальное положение. Политика не стояла в центре интересов Блейвейса, в целом его деятельность имела просветительскую направленность. Блейвейс не выдвигал новых глобальных идей, он никогда не был идейным вождем. Он был человеком практическим, осторожным и умеренным политиком, прежде всего стремившимся к достижению оптимальных условий развития словенского народа в рамках Австрийской империи. Выступал он и за расширение культурных связей с другими славянскими народами. Русофилом Блейвейс не был, но к России относился с симпатией, связи с русскими учеными поддерживал охотно и как руководитель Словенской Матицы был заинтересован в развитии обмена книгами по различным областям науки и культуры.

Примечания

¹ Tominšek J. Dr. Janez Bleiweis vitež Tersteniški // Zbornik Matice Slovenske. Zv. XI. Bleiweisov zbornik. Ljubljana, 1909. S. XXXIV–XLIII.

² Lončar D. Dr. Janez Bleiweis in njegova doba. Ljubljana, 1923. S. 4.

³ См. статью П. Борисова в кн.: Zbornik za zgodovino naravoslovja in tehnike. Zv. 7. Bleiweisov zbornik. Ljubljana, 1983. S. 163. — Далее — BZ.

⁴ См.: Автобиография Я. Блейвейса. — АВПРИ. Личный архив «Раевского». Оп. 904. Д. 175.

⁵ Grafenauer B. Uvodna beseda // BZ. S. 10.

⁶ Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki od konca 18. stoletja do leta 1914. Ljubljana, 1995. S. 53.

⁷ Там же. С. 60, 63–64.

⁸ Подробнее о политических взглядах Блейвайса и др. см.: *Кирилина Л. А. Словенцы и революция 1848–1849 гг.* М., 2000.

⁹ *Vošnjak J. Spomini. Ljubljana*, 1982. S. 82–83.

¹⁰ *Melik V. Bleiweisova vloga v slovenski politiki // BZ*. S. 18.

¹¹ *Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki...* S. 80–81.

¹² Там же. С. 82.

¹³ Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 159–160.

¹⁴ АВПРИ. Личный архив «Раевского». Оп. 904. Д. 175.

¹⁵ *Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki...* S. 84–85.

¹⁶ Это письмо и далее (12 писем) см: АВПРИ. Личный архив «Раевского». Оп. 904. Д. 175; — см. также: Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 44–46.

¹⁷ *Tominšek J. Dr. Janez Bleiweis...* S. XX–XI.

¹⁸ *Vošnjak J. Spomini*. S. 378.

¹⁹ *Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki...* S. 90.

²⁰ Там же. С. 94, 100.

²¹ Там же. С. 186.

²² Цит. по кн.: *Prijatelj I. Janko Kersnik. Njega delo in doba*. S. 135.

²³ *Tominšek J. Dr. Janez Bleiweis...* S. XXII.

²⁴ См. статью М. Орожен в: *BZ*. S. 214.

M. M. Керимова

Словенские сюжеты в научном наследии Харузиных

Настоящая статья — продолжение изучения жизни и деятельности талантливых российских ученых, начатое нами в 90-е гг. прошлого века. Оно увенчалось рядом статей, в которых нашла отражение и славянская проблематика, в том числе словенские историко-этнографические сюжеты, занимавшие немалое место в научном творчестве Алексея Николаевича Харузина (1864–1932) и его сестры Веры Николаевны Харузиной (1866–1931)¹.

Во время недавней поездки в Республику Словению мной были обнаружены интересные публикации в центральных словенских общественно-литературных журналах начала XX в., а также ценные документы

архива Национальной университетской библиотеки (Любляна). Дополненные примечательными личными записями Харузиных, которые находятся в одном из главных хранилищ России — Отделе письменных источников Государственного исторического музея Москвы (ОПИ ГИМ), — все эти новые сведения позволили нам посмотреть на этнографические разыскания Харузиных не только с точки зрения их значимости для современных научных исследований в области культуры и науки, достигнутых словенскими и российскими учеными, но и с позиций освещения дальнейшего процесса укрепления русско-словенских связей в конце XIX в. — начале XX столетия.

Эти новые для словенских и российских читателей материалы, безусловно, послужат еще одним ценным свидетельством прочных взаимоотношений между словенским и русским народами в прошлом и настоящем.

* * *

Семья Харузиных — феноменальное явление в том смысле, что трое сыновей Николая Ивановича Харузина, московского купца I гильдии: Михаил (1860–1888), Николай (1865–1900), Алексей (1864–1932) — и его дочь Вера (1866–1931), не пошли по стопам своего отца, а избрали нелегкую стезю науки, став известными учеными.

Исключительно дружные и в жизни и в занятиях наукой братья и сестра помогали друг другу советами, делились планами, замыслами. Их исследовательские интересы часто соприкасались: они увлекались близкими темами, изучали одни и те же регионы России и зарубежья. Яркий и тернистый жизненный путь каждого из них был недолгим у одних из-за ранней смерти, беспокойным и напряженным у других из-за арестов, длительных невзгод и болезней.

Михаилу Харузину, скончавшемуся в 28 лет, было отпущено всего семь лет для научной деятельности. Благодаря огромному упорству, трудолюбию, целеустремленности он на юридическом факультете Московского университета с увлечением занимается изучением обычного права народов России, положением крестьянства и проблемами религии. Будучи студентом второго курса, в 1886 г. отправляется на русский Север, чтобы лучше понять и узнать быт и нравы аборигенов — вотяков (удмуртов) — и русского населения. После завершения факультета, серьезно интересуется историей казачества, политикой и этноконфессиональной ситуацией Прибалтийских провинций, где некоторое время работает в канцелярии Эстляндского губернатора. Успешный ученик известного ученого, профессора М. М. Ковалевского, Михаил,

еще будучи студентом, занимает почетную должность секретаря Императорского Общества естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском университете. Его фундаментальный труд «Сведения о казацких общинах на Дону» (М., 1885. 388 с.), содержащий впечатительный свод историко-правовых данных о прошлом и настоящем Войска Донского, о малоизученной специфике административного и судебного устройства военных поселений и казацких хуторов, о семейном и общественном быте не утратил своей ценности и в наше время. За год до смерти, по поручению ИОЛЕАЭ, он составил подробную «Программу для сабирания сведений об юридических обычаях» (М., 1887), одна из глав в которой — «Артель» — принадлежала перу брата Николая. Влияние Михаила, светлой личности и серьезного исследователя — этнографа и юриста, сполна испытали на себе его братья и сестра Вера.

Николай Харузин, не доживший до 35 лет, был человеком недюжинного исследовательского дарования, невероятной работоспособности, удивительной смелости в решении сложных научных задач и огромной увлеченности наукой. Он рано проявил себя не только в этнографии, но и в археологии, истории, архивном и музейном деле. Николай прожил чрезвычайно насыщенную трудами и событиями жизнь, посвященную любимой науке и «занял почетное место в истории русской этнографии»².

Многие его работы посвящены изучению быта и нравов горцев Кавказа: «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей», «По горам Северного Кавказа»³. В свете современных сложных этнических процессов, происходящих в кавказском регионе, эти работы остаются весьма актуальными, став классикой этнографической литературы.

В 1887 г., Николай, студент второго курса, по заданию ИОЛЕАЭ совершил экспедицию на русский Север. Результатом стала обстоятельная монография «Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта» (М., 1890), за которую он получил золотую медаль этого научного общества и удостоился высокого отзыва о новаторском вкладе в создание «систематического исследования, которого еще не было в новейшее время»⁴. Вместе с В. Ф. Миллером Николай Харузин стоял у истоков создания журнала «Этнографическое обозрение», до самой кончины безотказно выполняя работу редактора, руководителя отдела критики и библиографии и автора многочисленных статей, обзоров и рецензий.

Будучи страстным и убежденным борцом за основание кафедр этнографии в вузах России и одним из инициаторов введения специальных курсов по этому, на его взгляд, важнейшему предмету, Николай наконец получает возможность с 1896 г. читать лекции по этнографии сначала

в Московском университете, а затем и в Лазаревском институте восточных языков. Читает с увлечением и полной отдачей, вызывая одобрение студентов. К сожалению, Харузин при жизни успел издать лишь малую часть своих лекций («Очерки первобытного права. Семья и род». М., 1898. Т. I). В 1900 г. А. Н. и В. Н. Харузыны начинают готовить к публикации посмертное издание лекций брата. Благодаря их огромным стараниям увидела свет четырехтомная «Этнография» (СПб., 1901–1905. Вып. I–IV)⁵. По сути дела, это был блестящий итог всей исследовательской и преподавательской деятельности талантливого ученого, свидетельствующий о колоссальной эрудиции автора. Этот завершающий труд Н. Н. Харузина в его трагически оборвавшейся от болезни жизни, мог служить и служит до сих пор ценным пособием начинающим специалистам. В свое время он вызвал огромный интерес среди российских и иностранных ученых, информаторов с мест и просто любителей этнографии. Все просили Веру прислать лекции ее брата, что она и делала безвозмездно и с удовольствием.

После смерти Михаила и Николая опорой Веры оставался Алексей Николаевич Харузин, человек яркой и в то же время трагической судьбы, хотя поначалу казалось, что именно он очень твердо стоит на ногах, — слишком стремительным было его восхождение по служебной лестнице, да и научные его достижения были успешными и разносторонними.

После окончания физико-математического факультета Московского университета в 1889 г. и получения степени магистра зоологии Дерптского университета (1892) А. Н. Харузин был определен на службу чиновником особых поручений при Эстляндском губернаторе. В Санкт-Петербургском Российском государственном историческом архиве (РГИА) хранится оригинал послужного списка А. Н. Харузина, который дал нам возможность уточнить даты разных лет его службы в той или иной должности. Его карьера блистательна: с 1893 по 1913 гг. он сменяет одно звание на другое — от титулярного советника, коллежского асессора, доходит до надворного советника и гофмейстера двора его императорского величества; возглавляет секретариат Эстляндского губернского статкомитета. В 1902 г. он становится чиновником Государственной канцелярии, помощником начальника переселенческого управления Министерства внутренних дел, где знакомится с В. К. Плеве; в 1904 г. — камергером Николая II, а с 1906 по 1908 гг. А. Н. Харузин — губернатор Бессарабии, затем директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, пишет по заказу П. А. Столыпина записку о положении разных конфессий в Российской империи; в 1909 г., в ранге действительного статского советника, он был назначен (1911)

товарищем министра внутренних дел А. А. Макарова, в 1913 г. произведен в тайные советники с правом присутствия в Правительствующем Сенате⁶.

Человек умный и весьма наблюдательный, Алексей Николаевич уже в 1902 г. подметил неладное в управлении огромной государственной машины Российской империи. Он разделял взгляды В. К. Плеве и П. Д. Святополка-Мирского (после убийства В. К. Плеве, ставшего министром внутренних дел). А. Н. Харузин был сторонником программы П. Д. Святополка-Мирского о необходимости введения института земских представителей для контроля над сельскими и волостными органами самоуправления, руководства полицией и надзором за волостными судами. Его не устраивала также политика жесточайших репрессий, проводимая министром А. А. Макаровым,мещенным в 1913 г. и замененным Н. А. Маклаковым. Харузин понимал, что радикальные убеждения делают его неугодным правительству как сторонника либеральной оппозиции.

По свидетельству родственницы Харузиных И. Е. Огневой⁷, за несколько лет до революции 1917 г. Алексей Николаевич подал в отставку из-за «несогласия с царской политикой того времени и, в частности, с политикой министра внутренних дел А. А. Макарова». Так закончилась стремительная карьера высшего государственного чиновника. «Спасло» А. Н. Харузина от вынужденного бездействия начало Первой мировой войны. В сентябре 1914 г. он был назначен уполномоченным Красного Креста на австрийскую границу. Позднее к отцу присоединился сын Мстислав. После окончания войны Харузин работал в Тульской губернии на Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции. Из-за болезни жены, баронессы Н. В. фон дер Ховен (дочери адмирала В. Ховена), в 1924 г. он возвратился в Москву, работал консультантом в Сельхозгизе, опубликовал около 20 работ по садоводству и огородничеству.

Жизнь А. Н. Харузина закончилась трагически. В 1927 г. ГПУ арестовало его в числе так называемых «бывших» людей, в прошлом связанных с царской администрацией. Через некоторое время его отпустили, так и не предъявив обвинения. Вторично А. Н. Харузина арестовали 21 февраля 1932 г. вместе с сыном Всеволодом по обвинению в антисоветской агитации. В документах Центрального архива Федеральной службы контрразведки Российской Федерации (ЦАФСК) имеются сведения о том, что 3 апреля 1932 г. постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ он был осужден по статье 58-10 УК к высылке на три года, а 8 мая этого же года умер от сердечной недостаточности в больнице при Бутырской тюрьме. Реабилитирован в 1989 г.

Еще будучи студентом первого курса университета А. Н. Харузин, как и его братья и сестра, участвовал в разных научных экспедициях. В 1886 г. зоологическим отделением ИОЛЕАЭ он был командирован в Крым, на Босфор и Эгейское море. В следующем году и вторично в 1888 г. это же общество направило Харузина в киргизскую Букеевскую степь с целью изучения этнографии и антропологии населяющих ее казахов⁸. В результате двух поездок молодой ученый опубликовал семь статей и монографию «Киргизы Букеевской орды» (в 2-х тт. М., 1889, 1891), которая была удостоена золотой медали Императорского Русского географического общества (ИРГО). Вторую золотую медаль он получил от ИОЛЕАЭ в 1890 г. за активную деятельность в качестве секретаря антропологического отдела Общества и редактирования его «Дневника». Начало научной деятельности А. Н. Харузина в качестве этнографа и антрополога было положительно встречено российской общественностью, ведущие общественно-культурные журналы отмечали редкую эрудицию автора и новизну его исследований. Но и начало своей государственной службы в Ревеле (Таллинн) А. Н. Харузин умело использовал для занятий наукой. В 1894 г. он, например, опубликовал большие статьи о доисторической археологии Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний и «К антропологии населения Эстляндской губернии» в редактируемом им «Временнике», а в 1895 г. выпустил в свет 500-страничный двухтомный труд «Крестьянское землевладение в Эстляндской губернии» (Ревель, 1895), построенный на большом историко-статистическом материале. За последний труд он получил золотую медаль от Российской Академии наук в Санкт-Петербурге.

В середине 90-х гг. XIX в. завершается значительный этап в научной деятельности Харузина, ознаменованный серьезным сравнительным анализом истории, быта, культуры, а также антропологии нерусских народностей Российской империи. В его творчество входит славянская проблематика.

В 1899 г. он отправился в научную командировку от ИРГО в Боснию и Герцеговину, а в 1901 г. вместе с сестрой Верой Николаевной Харузиной совершил поездку в словенские земли Австро-Венгрии.

«Университетом» для Веры были ее братья (она не имела высшего образования). В ней рано пробудился дух «естественника», а посещение тринадцатилетней Верой в 1879 г. вместе с Михаилом Антропологической выставки в Москве, по ее же более позднему признанию, «дало толчок умственным интересам». Объезжая с братьями Подмосковье, Вера — гимназистка сделала свои первые записи свадебных народных обрядов.

Несмотря на множество болезней и утрат близких, благодаря необыкновенной силе духа и ума, огромному мужеству и любви к науке Вера Николаевна стала первой русской женщиной, получившей звание профессора этнографии.

Спектр ее этнографических интересов чрезвычайно велик. Это историческое развитие этнографии как науки в России и на Западе, материальная и духовная культура народов мира, обряды и верования русских и инородцев. Вдохновленная примером своих братьев Михаила и Николая, она составила две этнографические программы: «К вопросу о почитании огня» и «Программу для сабирания сведений о родильных и крестильных обрядах у русских крестьян и инородцев». Последняя, опубликованная в 1905 г. отдельным изданием, пользовалась в свое время большой популярностью и до сих пор остается на вооружении у современных этнологов. Вместе с братом Николаем Вера в конце 80-х гг. посетила Русский Север. Много времени отдавая изучению быта и нравов малых народностей Севера и Сибири, она в разные годы публикует яркие живописные очерки: «Лопари», «Вотяки», «Тунгусы», «Юкагиры».

Веру Николаевну привлекали также «примитивные формы драматического искусства», народная словесность, игры и игрушки, постановка музеиного дела и преподавание этнографии в средней школе. Фольклор и мифология занимали немалое место в ее творческой биографии. Она составила и издала «Сказки русских инородцев», «Африканские сказки», в рукописи остались ее «Мифы Южной Америки», «Предания разных народов о вхождении смерти в мир» и др.

Не будет преувеличением назвать Харузину даровитым прозаиком: она — автор рассказов и сказочных повестей: «Царевна — каменное сердечко», «Оцзи и Олесь. Рассказ из жизни лопарей», «Тунгусенок Михаило», «Картинки из жизни словенских детей» и др.

Девизом всего ее научного творчества стали следующие слова, запечатленные в рукописи ее «Дневника»: «Служение России, народу, изучение России — вот наш символ, за который мы будем биться»⁹.

С 1907 г. В. Н. Харузина начала читать лекции по этнографии на Высших женских курсах и в Московском археологическом институте, а в советское время (до 1925 г.) — в Московском университете. Ее лекции составили книги «Этнография» (Вып. I-II, М., 1909–1914) и «Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара» (издано посмертно с постраннычными комментариями А. М. Золотарева. М., 1941). Их отличительной особенностью является соединение теоретического и практического начал в занятиях этнографией. Студенты получали не только глубокий сравнительный анализ первобытного обще-

ства на всех континентах, но и увлекательный рассказ о необходимости развивать память, научиться делать записи полевых наблюдений, готовить рисунки и фотографии виденного и изучаемого, учитьывать разницу религий, нравов, местных преданий и наречий, т. е. предварять практику экспедиций серьезной научной подготовкой.

До конца жизни у Харузиной, человека блестящего ума и талантливого стилиста, не угасал живой интерес к любимой науке: она продолжала следить за развитием этнографических исследований, общалась и переписывалась с ведущими российскими и зарубежными этнологами — П. Ф. Преображенским, А. Н. Максимовым, Е. Н. Елеонской, В. Г. Богоразом, Л. Я. Штернбергом, Л. Нидерле, Б. Пильсудским. Изредка она выбиралась на публичные лекции, сетовала на то, что уделяла мало времени психологии и словесности, несмотря на прогрессирующую болезнь, занималась со студентами на дому. До 1929 г. выходили ее статьи. Мемуары В. Н. Харузиной «Прошлое», опубликованные только в конце 90-х гг. XX в., и оставшийся в рукописи «Дневник»¹⁰ прекрасно запечатлели «историческую эпоху» перелома веков, взгляды самой Веры, ее родных и друзей, ее собственные печали и тревоги за судьбу России.

* * *

Невиданный взлет внимания и сочувствия в широких кругах русского общества к освободительному движению славянских народов, вызванный его новым подъемом в последней трети XIX в. и особенно русско-турецкой войной 1877–1878 гг., не мог не вызвать большого интереса и в семье Харузиных. В их гостеприимном доме часто бывали болгарские студенты Боян Бонче-Боев и Христо Бончев, в дальнейшем ставшие видными общественными деятелями и учеными в своей стране, захаживал и Радович, главный редактор «Сербского вестника». Дорогим гостем стала также супруга и соратница известного деятеля словенского возрождения Людевита Енко, организатора изучения русского языка в словенских землях — Терезина Михайловна Енко¹¹.

В научных трудах и воспоминаниях Харузиных мы находим подтверждение искренних симпатий к успехам освободительных устремлений славянских народов, к их страстному желанию независимости от попрания их прав ненавистными многовековыми угнетателями — Османской и Австро-Венгерской империями.

Известно, что Михаил поддерживал славянофильские идеи И. С. Аксакова и А. А. Фета, с которыми был близко знаком. Особенно его привлекала поддержка и помощь московских славянофилов 30–50-х гг. XIX в. славянским борцам за свободу и самобытную культуру. Аксаков

называл Михаила Харузина «последним из славянофилов». Но нельзя не обратить внимание на то, что восторженно приветствуя победы в русско-турецкой войне, положившей начало окончательному утверждению независимости сербов, черногорцев и болгар от векового рабства, Михаил был против притязаний России на гегемонию в вопросе внутреннего и внешнего обустройства этих народов. В. Н. Харузина, трезво смотревшая на сущность славянофильства и называя его «идеалистическим» направлением мысли, отживающим свой век», отрицала крайний панславизм: во время волнений в Польше 1905 г. писала в своем «Дневнике», что, по ее мнению, нужно дать «полякам жить, как они хотят»¹².

А. Н. Харузин, не принимавший тезиса о протекторате любого государства над притесняемыми славянами зарубежья, в 1899 г. обратился в ИРГО с просьбой оказать ему материальную помощь на поездку в славянские провинции Австро-Венгрии, а также Черногорию и Далмацию, мотивируя свое желание тем, что «интерес России к славянам — естественен и необходим»¹³. Результатом состоявшейся в том же году командировки стала монография «Босния—Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии» (СПб., 1901. 305 с., с картой)¹⁴. Большой статистический материал, впервые приведенный А. Н. Харузиным, наглядно иллюстрирует сложную историческую этноконфессиональную ситуацию в этих землях с X вплоть до конца XIX в. А. Н. Пыпин считал, что монография Харузина «принадлежит к лучшему, что было написано у нас о современной жизни славянства»¹⁵.

В 1901 г. Алексей и Вера совершили поездку в Крайну к словенцам (вторично Алексей один посетил словенские земли в 1902 г.). Они прошли там с 7 августа по 1 сентября 1901 г.¹⁶

В результате своих поездок А. Н. Харузин в 1902 г. публикует следующие статьи: «Австрийская Крайна» в журнале «Родник», «Национальная эволюция словенцев» и «Крайнский кряж и его чудесные явления» в журнале «Русский вестник»¹⁷ и статьи «Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки», «Жилище словенца Верхней Крайны» в журнале «Живая старина».

Свою обзорную статью «Австрийская Крайна» А. Н. Харузин сопровождает 39 фотографиями видового и этнографического характера, что не только украшает ее, но и делает более наглядной общую картину страны. Отдельными штрихами он рисует историческое прошлое самой большой и значительной словенской земли, все еще стонущей под гнетом немецких властителей, особенности ее географических условий, религиозную обстановку. Процесс культурного возрождения словенцев он ведет с XVIII в., называя его «народным возрождением» и «крутым

поворотом от старого к новому»¹⁸. Появление первых печатных изданий на словенском языке и первой типографии в Любляне, создание Словенской Матицы и ее журнала «Летопис Матице Словенске», наконец творчество таких словенских писателей, как В. Водник, Ф. Прешерн, А. Ашкерц, И. Цанкар и других, как приметы восхождения литературы на большие высоты — все это, справедливо отмечает А. Н. Харузин, было в основном сосредоточено в столице Крайны — Любляне.

Считая, что отношение словенцев Крайны к русским интересно его народу, он пишет: «относятся они (словенцы. — M. K.) к русским как единоплеменному и единокровному народу, всегда стараются всеми средствами выразить русским братьям свои искренние симпатии и свою привязанность»¹⁹.

Мы обнаружили два отклика на эту статью. Анонимный автор в словенской газете «Соча», выходившей в Горице, пишет, что статья Харузина — доказательство того, что ее автор предоставил возможность русской молодежи лучше узнать Крайну и ее народ, а это знание приведет к искренней любви. Харузин описывает город Крань, горы Караванки, Мангарт, Камнишки Альпы, Белопечское и Бохиньское озера, долину р. Савиць, Бледскую крепость и остров на озере Блед, водопад и р. Радовна, текущую под землей, Постойнскую пещеру, появляющееся и исчезающее Цркницкое озеро, горное село в Горенском, Люблянскую крепость и т. п. Его очерк свидетельствует о том, как «великий русский народ интересуется нами, маленьким славянским народом. Пусть за ним последуют другие труды о нас словенцах, пусть могучая Россия хорошо их узнает!»²⁰

Ф. Лампе (1874–1918) — литератор, политик, редактор католического журнала «Дом ин свет» («Дом и мир») — в целом положительно отзывается о содержании статьи Харузина. Он, в частности, пишет, что эта статья, опубликованная в молодежном журнале «Родник» и предназначенная для широкого круга читателей содержит исторический и этнографический очерк Крайны, сопровождаемый его фотографиями²¹.

К статье «Австрийская Крайна» примыкает статья Харузина «Национальная эволюция словенцев». Она знаменательна тем, что, дополняя первую статью, дает развернутую характеристику современного исторического, экономического и этнокультурного положения Крайны — этого «центра словенской народности», в котором «креп национальный дух словенца и зрели элементы для политической борьбы, увенчавшейся в настоящее время значительным успехом»²².

Касаясь немецкой колонизации словенских земель, А. Н. Харузин пишет, что начиная с VI в. она приводила не только к уменьшению их тер-

ритории, но и к уменьшению общей численности словенцев. Народные бунты и восстания XVI–XVIII вв. закаляли волю к свободе, но разъединение Каринтии, Крайны и Приморья, относившееся к 1849 г., повлекло за собой значительное ухудшение положения простого народа. Харузин приводит подробности борьбы краинских крестьян с суровой природой, показывает их предприимчивость, исключительное трудолюбие и упорство в добывании даров суровой природы с очень малых наделов земли.

По мнению ученого, Крайна начала XX в. переживала тяжелый экономический кризис. Конкуренция немецких промышленников и торговцев, уменьшение числа рабочих, падение кустарной промышленности — таковы основные «приметы времени». Крестьяне были вынуждены продавать свои и без того небольшие наделы земли, уходить в наемные рабочие или эмигрировать. Процесс онемечивания части словенской интеллигенции, ремесленников и крестьян, по его мнению, пагубно сказывается на складывающейся нации и народном сознании, но он убежден, что австрийским властям «не удается даже задержать национальное саморазвитие славянских народностей», подвластных империи Габсбургов; словенцы создают сельскохозяйственные, торговые и промышленные товарищества, прогресс намечается и в горно-рудном деле, транзитной торговле, развитии ремесел.

Харузин твердо уверен, что «ни изгнание словенского языка из деревопроизводства правительственные учреждений и школы, ни давление на народную литературу не приостановили самобытного развития» народа. Однако нередко ему хочется выдать желаемое за действительное. Он пишет, что в конце XIX — начале XX вв. немецкий язык, якобы, был вытеснен из народных школ, а их в Крайне в то время было уже около трехсот, и указывает, что словенский язык становится основным языком в гимназиях, суде и других административных органах. Преувеличением звучит и мысль Харузина о том, что «в Крайне, строго говоря, уже нет словенско-немецкой борьбы», хотя она еще существует в Каринтии и Штирии.

В Приморье, и особенно в Триесте, по его мнению, «словенский элемент» имеет тенденцию к укреплению, хотя итальянцы, как господствующая нация Итальянского королевства, владеют наибольшей частью торговли и управления²³.

Чувствуется, что русский ученый не смог достаточно глубоко проникнуть в сложности политической борьбы партий, социальной и культурной обстановки в разных частях словенских земель и многочисленных программных положений словенского общества и культурных деятелей.

Весьма серьезную подробную рецензию на вторую статью Харузина опубликовал выдающийся поэт и общественный деятель Антон Ашкерц (1856–1912). Положительную особенность всех выводов русского ученого Ашкерц видел в том, что он столь важную тему анализировал как «доброжердечный друг», и, несмотря на отдельные недочеты, «выполнил благородную культурную миссию в деле упрочения славянской взаимности»²⁴.

В то же время, понимая возможность получения Харузиным неверной информации о тяжелом положении словенцев, он не мог не упрекнуть его в том, что он слишком оптимистично писал «о сплошном распространении нашего языка в Крайне и его употреблении в официальных органах», тем самым создавая идеализированную картину культурного развития Крайны, преувеличивая присутствие словенского языка в старших классах средних школ и даже Люблянской учительской школе, где на самом деле господствовал немецкий язык²⁵. В письме к Д. Н. Вергуну в 1903 г. Ашкерц с горечью писал о том, что Харузину, видимо, показали какие-то «потемкинские деревни», заверив его в том, что в Крайне словенский язык уже употребляется повсюду; оттого и его похвалы в адрес общества св. Мохора и мечты об открытии Словенского университета прежде всего в Триесте, в то время как его нет в Любляне²⁶. Но Ашкерц добавляет: статьи Харузина в целом означали начало нового поворота в ознакомлении русских со словенцами.

Здесь уместно отметить, что с Ашкерцем Харузин не был лично знаком, о чем свидетельствует его письмо от 15 октября 1902 г., обнаруженное мною в архиве Люблянского университета²⁷. В нем Харузин сожалеет о том, что так и не смог встретиться с Ашкерцем ни в первый, ни во второй свой приезд в Словению: «В прошлом году в бытность мою в Крайне Вы были в отсутствии, а в этом году мой приезд имел характер исключительного отдохновения. Мой отпуск был так краток, что я имел возможность получить необходимое отдохновение в Бледе. При всем моем желании мне было невозможно выбрать свободное время, чтобы съездить в Любляну, где бы я мог лично побеседовать с Вами, поэтому я чувствую себя очень виноватым перед многими лицами, которых я искренне уважаю и к которым глубоко расположен. Я утешаюсь тем, что мне еще будет суждено приехать в дорогую моему сердцу Крайну. Тогда я сделаю все зависящее от меня, чтобы одухотворить наше с Вами знакомство путем личного свидания. Крепко жму Вашу руку и искренне желаю Вам полного успеха в Вашем национальном деле, в Ваших народных трудах, которые имеют одинаково важные значения, как и для всего славянства. Прошу Вас верить в мое глубокое к Вам уважение и искреннюю преданность»²⁸.

Помимо рецензии Ашкерца в словенской прессе появились и другие отклики на работу «Национальная эволюция словенцев». Так, писатель и драматург, заместитель главного редактора газеты «Слован» («Славянин») Ф. Говекар (1871–1949) писал, что в этой статье Харузин «охарактеризовал деятельность нашей прессы, наших обществ, отразил отношение клерикальной и либеральной партий к русофильству»²⁹.

Этнограф и литературный критик И. Мерхар (1874–1915) отмечал, что трактовка Харузиным эволюции словенцев весьма важна, поскольку является началом интересных исследований. Объективно характеризует Харузин борьбу словенцев за свою самобытность и культурный прогресс: «Как сын великого народа он не мог не заметить, что эта борьба, которая в меньшей или большей степени возникает в Крайне, является выражением словенского протesta и сепаратизма». При этом Мерхар считает нужным напомнить, что краинские словенцы не ставили перед собой общеславянские задачи, пренебрегая своими согражданами вне Крайны и предоставляя им право самим вершить свою судьбу. Видимо поэтому он не видел большой ошибки в пожелании Харузина открыть Словенский университет в Триесте — большом портовом городе, поскольку он мог бы стать центром, объединяющим всех югославян. Мерхар пишет, что Харузин, критикуя действия австрийских властей по отношению к южным славянам в Приморье, считал, что Триест — опора Австрии на Адриатике, однако итальянцы здесь не поддерживают австрийское господство. Харузин говорит о развитии духовной культуры во всех слоях словенского народа и, сетуя на постоянную его зависимость от иностранцев, отмечает успешные попытки словенцев приобрести финансовую независимость, критикует часть клерикалов за их пренебрежение народным доверием. Его волнует и то, что интеллигенция либерального толка еще не стала большим другом народа, а политика обеих партий мешает эволюции словенцев. Картина жизни, нарисованная Харузиным, выглядит мрачно, добавляет Мерхар, «однако он сумел донести до русского читателя горести маленького славянского народа, что очень ценно для русских»³⁰.

Негативный оттенок имели отклики Ф. Лампе в журнале «Дом и свет». В заметке о статье Харузина «Национальная эволюция словенцев» автор упрекает Харузина в плохой осведомленности о состоянии католической церкви в Крайне и за ошибочное утверждение о том, что «униатское движение южных славян — движение от Рима к восточной церкви, и оно имеет в общеславянском деле важнейшее значение»³¹. В другой своей рецензии на статью «Краинский кряж и его чудесные явления», в которой Харузин описывает геологические условия и рельеф

краинского кряжа (нагорья известкового отложения), придающие ему особенное значение, долины, холмы, реки, появляющиеся и исчезающие озера (Цркницкое оз.), пещеры, полезные ископаемые и растения, Лампе не находит ничего более язвительного, чем укорить Харузина в плохой осведомленности, поскольку русский ученый ошибочно писал о недостаточной изученности останков ископаемых животных, найденных в Постоинской пещере³².

Показательно, что кроме рецензий на первые две общие статьи А. Н. Харузина в словенском журнале «Слован», в газетах «Соча» и «Единост» («Единство») за 1902 и 1904 гг. появляются три очень доброжелательные статьи о личности А. Н. Харузина и его научных заслугах. Так, в «Соче» и «Славянине» писатель и драматург, заместитель главного редактора газеты «Словенски народ» («Словенский народ») Ф. Говекар опубликовал две статьи под названием «Алексей Николаевич Харузин». В них автор знакомит словенских читателей с биографией Харузина, публикует его портрет, характеризует основные вехи его научной деятельности. Он пишет:

«Харузин опубликовал прекрасные статьи о нас, словенцах, отличающиеся педантической точностью и предельной объективностью <...> Представляю Вам краткий очерк деятельности русского высокого чиновника, который так интересуется нами словенцами, как никто из славянских братьев. Не достигший сорока лет русский государственный деятель, чья политическая карьера еще далека до завершения, и чья образованность и железная воля, энергия и ум дали ему возможность занимать самые высокие должности в русском правительстве, этот человек наш друг, хорошо знающий нашу родину, провозвестник ее красоты и достоинств! Мало у нас словенцев на высоких должностях, которые бы столько сделали для нашего народа и нашей родины, чтобы нас так любили! В Кишиневе живет губернатор Харузин, который нас изучил исчерпывающе, который нас уважает и искренно любит. Низкий ему поклон!»³³.

Пространную статью под таким же названием опубликовала Т. М. Енко. Кратко коснувшись биографии Харузина и его основных трудов, Т. М. Енко отмечала: «Мой краткий очерк посвящен плодотворной деятельности человека, который немало занимался нами словенцами, и наш народ пристально изучал; он интересуется всеми устремлениями словенцев так, как не интересовался еще ни один русский. Удивляемся его познаниям и преклоняемся перед его неисчерпаемым трудолюбием и энергией... Благодаря его трудам словенцы познакомились с человеком от-

крытого сердца и уважаемым другом словенского народа, который любит наш народ искренне... Мы благодарим его за то, что он второй раз посетил нас. Мы не можем ему дать взамен ничего, кроме нашего благодарного сердца и отдаём ему наше признание с радостью и открытой душой»³⁴.

В журнале «Живая старина»³⁵ за 1902 г. А. Н. Харузин публикует статьи «Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки» (с планами и рисунками) и «Материалы по истории славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны». Они различаются по целям, числу иллюстративных материалов, характеру. Первая — обзорная, задачей которой было выяснение положения крестьян Крайны и особенностей жилых и хозяйственных строений в разных ее областях. Вторая, очень пространная (более сотни страниц), имеет целью исследование — в сравнительном плане — истории славянских жилищ на материале словенских построек в одной только Верхней Крайне.

Краинский крестьянин, справедливо считает А. Н. Харузин, дал своему народу торговое сословие, представителей духовенства и светской интеллигенции. В отличие от крестьян других европейских стран словенский крестьянин — не арендатор, а полноправный собственник земли (ему принадлежало 80 % всей территории Крайны). Богатством страны являются громадные лесные массивы, три четверти которых находится либо в собственности крестьянских общин, либо в руках отдельных крестьянских хозяйств³⁶. Однако, несмотря на богатства краинской земли, ее крестьяне разоряются, уходят в города или уезжают в далекие земли на заработки (в постграничных сносках ученый дает расчеты доходов и расходов крестьянинов в разных типах хозяйств, очевидно, сделанные им самим).

Харузин подробно описывает крестьянские постройки, в которых на его взгляд, выражается «творческое начало всякого народа»³⁷. Словенские однокамерные бревенчатые жилые дома — *кайжи* (*kaža*) — напоминают, по мнению Харузина, русские избы и представляют собой сруб, покрытый двухскатной соломенной крышей. Вход в кайжу был сбоку, с фасада — два маленьких квадратных окна с одностворчатыми ставнями. От русской избы словенская кайжа отличалась числом окон, навесом, отсутствием крыльца и конструкцией чердака. В дальнейшем к кайже пристраивалась дополнительная каменная пристройка и — *скедень* (*skedenj*) — сарай.

Уже в этой первой статье, посвященной словенскому жилищу, А. Н. Харузин изучал и весьма распространенные в Верхней Крайне многокамерные постройки, состоящие из 5–6 помещений (приводил план такого дома со словенскими названиями его частей), учитывая при этом сословный признак. Статья была снабжена 19 рисунками и планами.

Каменные дома были характерны для менее богатых лесом южных частей Крайны. В карстовых районах Верхней Крайны преобладал другой тип домов, который Харузин условно называл приадриатическим или итальянско-дalmатинским³⁸.

В Южной Крайне, Приморье и Истрии дома были каменные с каменными или черепичными полуплоскими двухскатными крышами. Двери низкие и узкие, окна маленькие. Такие строения спасали от северного ветра и от палящего солнца. Под домом часто строился подвал (*kopoba* или *podrum*).

В Нижней и Внутренней Крайне хозяйствственные постройки (*скедень* — *skedenj*, *пантер* — *panter*, *коzолец* — *kozolec*, *свинъяк* — *svinjak*) обычно были отделены от жилых домов. В Верхней Крайне они, напротив, примыкали к дому и образовывали с ним одно целое. Харузин описывал дом в горном селении Бохиньска Бела (Bohinjska Bela). Одной стеной он прислонен к откосу, в правой его части — жилые помещения, в левой — скедень на каменной кладке. Под ним хранились повозки с сельскохозяйственными орудиями. Галерея с одной стороны была закрыта и имела окно (*lina*, *linca*), другая ее часть была открытой и служила для сушки белья.

С введением камня как строительного материала дома стали двухэтажными с галереей. Второй этаж соединялся с нижним внутренней или наружной лестницей.

Своеобразные по архитектуре эти краинские дома были лишены каких-либо украшений в отличие от русских изб, отделанных резьбой. Каменные постройки, особенно состоятельных крестьян, обычно декорировались зеленью — виноградной лозой, висячей гвоздикой, розмарином, реже — росписью религиозного содержания. Дома в Каринтии и Штирии испытали немецкое влияние. В Крайне же лишь галерея (от нем. — *gang*), как указывал Харузин, возможно несет элементы немецкого влияния, хотя учений ее видел и в Боснии, Черногории, даже в Сибири и на Дону³⁹.

Вторая статья «Материал по истории развития славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны»⁴⁰ основана на личных наблюдениях в 34 селениях и mestechkax Верхней Крайны. Она снабжена 57 фотографиями жилых и хозяйственных построек в разных местах этого региона. Автор подробно рассматривает разные типы построек от простейших (кочне, байта, тан, тамор) до сложных двухкамерных (вежа, хиша и камра), разного типа трехкамерных, четырехкамерных, двухэтажных домов.

Здесь Харузина интересуют материалы и архитектурные формы, он стремится внести новый акцент, сосредотачивая внимание на интерьере

построек и считая необходимым показать связь интерьера с благосостоянием семьи. Он изучает двухкамерные дома в селах Зазеро (Zazero), Млино (Mlino), Ратечи (Rateče), Бела Печ (Bela Peč); трехкамерные — в селах Блед (Bled), Верхнее Горье (Zgornje Gorje), Нижнее Горье (Spodnje Gorje), Речица (Rečica) и других. Его внимание привлекают дома, построенные в 1748, 1766, 1783 гг. и позднее, что очень важно, по его мнению, для понимания развития архитектуры и интерьера жилища.

При рассмотрении словенского жилища Харузин учитывает природные условия региона, влияние хозяйственного уклада жизни, имущественного расслоения в семьях, эволюцию жилища и хозяйственных построек в связи с разделом большой семьи — задруги (выделение женатых сыновей и т. д.). Эволюция жилища, считает ученый, не происходила синхронно у разных народов. У словенцев этот процесс шел медленно, в силу обстоятельств политического и экономического характера.

Завершает автор статью сравнительным материалом по постройкам в Австрии, Боснии, Моравии, Галиции, Литве, где он тоже побывал во время своего путешествия в 1901–1902 гг. Он не оставляет без внимания и немецкое влияние на словенское жилище (особенно на краинский трехкамерный дом), но главным для него остаются славянские генетически общие черты жилых и хозяйственных построек, и национально-особенные именно словенских построек⁴¹.

Больше всего откликов в словенской прессе получили работы Харузина о словенском жилище⁴². При этом знаменательно, что на них реагировали не только в жанре рецензий, но даже — статьями. Автором двух статей был известный словенский этнограф И. Мерхар.

В первой статье Мерхар считает нужным дополнить исследование русского коллеги предысторией изучения словенского жилища, привлекая внимание к трудам Я. Вальвазора (1641–1693), Б. Эке (1739–1815), барона Цойса (1747–1819), затем В. Водника (1758–1819) и А. Линхарта (1756–1795) — ученых широкого профиля, сделавших очень много для описания быта и других этнокультурных условий жизни словенских крестьян, в том числе и их жилища.

Мерхар касается и неточностей, допущенных Харузиным в написании некоторых элементов жилища, личных имен, упрекает его в недостаточности внимания к особенностям орнаментики и цветового декорирования. Однако он хвалит Харузина за приведение планов, размеров, конструкции домов. Автор не может не признать также, что Харузин, обстоятельно и правдиво описал краинское крестьянское жилище и даже рекомендует перевести этот труд на словенский язык, поскольку работ, посвященных этому предмету, чрезвычайно мало⁴³.

В следующем году И. Мерхар публикует и другую статью «Два новых труда А. Н. Харузина о словенцах» в той же газете⁴⁴. Он считает, что в конце XIX — начале XX вв. настораживающие панславистские тенденции в общественно-политических концепциях некоторых русских деятелей замедляли изучение словенцев в России, хотя в последнее время наметились изменения в лучшую сторону. Поэтому Мерхар приветствует публикации Харузина, в которых он «пишет о своих малых славянских братьях и знакомит с ними нас и русских». Труд Харузина «Жилище словенца Верхней Крайны» написан ясно и вдумчиво; автор пытается раскрыть иноземные влияния, акцентируя внимание на своеобразии домов в Гореньской (Верхняя Крайна), близких к первобытному славянскому жилищу, даже более, чем иные славянские дома. Он осуждает Харузина за следование недостаточно объективным взглядам Мерингера о Верхнештирийском и Боснийском жилище, а также упрекает его за некоторое занижение роли иллирийского культурного наследия. «Я бы несколько по-другому судил об очевидных заимствованных названиях отдельных частей Верхнекраинских построек, чем господин Харузин, и акцентировал бы большее внимание на внешних влияниях». Несмотря на критические замечания, Мерхар признает, что такого рода труды являются новаторскими для словенской этнографии и извиняется перед Харузиным за то, что не смог перевести на словенский язык его статью «Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки».

В следующем, 1904 г., появляется положительный отзыв на труд Харузина «Материалы по истории развития славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны» словенского журналиста и писателя Ф. Илешича (1871–1942). «Харузин подметил и подробно описал то, чему сами словенцы не уделяют должного внимания, — точно описал словенское крестьянское жилище. Словенцы должны быть благодарны Харузину не только за описание нашего дома, но и за показ его в рисунках всему миру», — подчеркивал он⁴⁵. Автор другой пространной рецензии на этот же труд священник, писатель, историк литературы, переводчик — славист Й. Дебевец (1867–1938) особо отмечал, что в нем Харузин продемонстрировал чудесные красоты Верхней Крайны с ее селениями из белых домиков с черепичными крышами, что скрываются в зелени деревьев, узких долин с обязательной церквушкой в центре или на краю села. Рецензент обращает внимание и на то, что Харузин, сравнивая русскую и словенскую деревню, выражает восторженное отношение к Словении, отмечает обязательное наличие в Крайне, даже в маленьком селе, церкви, постоянного двора и т. д. Харузин прослеживает немецкие, русские, моравские и другие взаимовлияния, также как

и в первой статье приводит много подробностей обо всем, что может говорить о своеобразии крестьянских построек в этом регионе. «Харузин, — заключает рецензент, — весьма точно описал для русских наш крестьянский дом <...>, в самых незначительных деталях нашел он то необычное и интересное, что мы “хозяева” не смогли оценить. Чувство благодарности возникает при прочтении его труда — благодарности за то, что он, занимаясь народным просвещением, рассказывает о нас нашим братьям на Неве и Волге». В конце рецензии Дебевец приводит свои рассуждения об этимологии слова «изба» и бытовании его вариаций у разных славянских народов⁴⁶.

Большая рецензия написана театроведом, редактором журнала «Слован» А. Трстеняком (1853–1917). Он убежден, что Харузин «прославил нашу родину и открыл нам новое поле для развития современной науки..., поднимался на высоту 1600 метров, ходил от дома к дому», чтобы написать свой труд. По мнению рецензента «жилище является частью культурной истории. В поэзии, в жилище и обычаях выражается ум народа, являющийся мерилом его культуры. Харузин первый указал на этнографические исследования с анализом весьма важного материала». В связи с сочинением Харузина Трстеняк рассуждает о жилище в Боснии и Герцеговине в древности, сравнивает словенский дом с североамериканским и норвежским. Трстеняк хвалит автора за то, что «он подробно описал отдельные части словенского жилища, в сущности, сохранив для нас облик сегодняшнего словенского дома, расширив и дополнив знания о нем, показав аналогии словенского жилища с русским, а также с жилищем других славянских народов». Верхняя Крайна (*Gorenjsko*), замечает автор рецензии, «вообще очень плохо изучена, и тем более труд Харузина будет весьма интересен для каждого словенца. Он подарил нам 57 прекрасных фотографий. Теперь каждый, кто занимается жилищем, отчетливо может представить себе его устройство и внутреннее убранство. Как знаток анатомии Харузин описывает материал, из которого строят дома, архитектуру, хозяйствственные постройки, рассматривает жилище в развитии от вежи к хише, от двухкамерных построек к трехкамерным и четырехкамерным, сравнивая их с чешским жилищем Верхней Моравии и Галиции. Труд Харузина настолько основателен, что мы надеемся, — он вновь приедет к нам, с тем, чтобы изучать и другие области этнографии, и мы ему искренне этого желаем»⁴⁷.

Словенский материал вошел и в более поздний фундаментальный труд Харузина «Славянское жилище в Северо-Западном kraе. Из материалов по истории развития славянских жилищ» (Вильно, 1907). Он, по словам самого ученого, основан на шестилетних «личных наблюдениях

над жилищами белорусов, великороссов, малороссов и поляков в губерниях: Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Могилевской и Минской, а равно в разных великороссийских и малороссийских губерниях, затем в Привисленском крае, в Галиции, Силезии, Штирии, Каринтии, Крайне, Истрии, Австрийском и Венгерском Приморье, Хорватии, Боснии, Герцеговине, Далмации и Черногории»⁴⁸. Использовал ученый и коллекции моделей славянских построек Дашковского этнографического музея Москвы, этнографического музея Варшавы, национальных музеев Любляны, Загреба, Сараева, а также литературные и полевые материалы российских ученых и любителей этнографии.

* * *

Как мы уже писали выше, Вера Николаевна Харузина вместе с братом в 1901 г. посетила словенские земли и опубликовала яркий очерк «Крайна» в журнале «Естествознание и география» (М., 1902. № 3–6, 8). В поездке ей и брату помогали супруги Енко. Вера очень тепло отзывалась о них, сохранилась ее запись в «Дневнике» от 13 августа 1901 г. «Нам здесь хорошо, просто и уютно. Епко такие милые»⁴⁹. Благоговение вызывает у нее подвижническая деятельность Людовита Енко (1841–1912), 30 лет посвятившего пропаганде русского языка и литературы и сближению словенцев с русскими⁵⁰. Заняв место врача в практически онемеченной Идрии, он 4 года трудился над поднятием народного самосознания словенцев, а с 1890-х гг., несмотря на огромные препятствия со стороны правительства, стал одним из главных учредителей русских кружков в Любляне, Целье, Мариборе, Горице, Идрии и других городах словенских земель, безвозмездно преподавая в них русский язык. Овладев им в совершенстве, он перевел на словенский язык повести Пушкина, адаптировал учебник «Русское правописание для учащихся», изданный в 1892 г. в Триесте.

Новые, до сих пор не известные сведения о супругах Енко Вера приводит в своем «Дневнике»: «Он работает без устали <...>, — замечает о Л. Енко Харузина. — Его жена ему помощница вот уже 20 с лишком лет. Перед Т. М. (Терезиной Михайловной. — М. К.) я невольно преклоняюсь»⁵¹. После смерти мужа Т. Енко, убежденная русофилка и сторонница славянской взаимности, самоотверженно продолжает его дело. Свободное владение русским языком помогло Терезине Михайловне тесно общаться с русскими, которые, попав в Словению, непременно посещали дом Енко в Любляне и на Бледе. Свою старшую дочь Т. М. Енко определила в русско-сербскую гимназию в Цетинье, а после ее окончания (женщинам в Австрии запрещалось учиться в университе-

так) — на медицинский факультет Петербургского университета. Элеонора Енко стала первой словенкой, получившей звание врача.

Терезина Михайловна вела бурную общественную деятельность — была председателем Музыкального общества, поддерживала деятельность русских кружков, действовавших вплоть до первой мировой войны, стала в 20-е гг. председателем русского Общества Красного Креста в Любляне и всячески помогала русским эмигрантам. Умерла она в 1938 г.⁵² Восторженно отзыается Вера о членах Русского кружка, называя их «крепкими будущими борцами» и говорит, что «приятно глядеть в их чистые хорошие глаза»⁵³. Рассказывая об одном вечере, проведенном вместе с новыми словенскими друзьями, она записывает: «Пили словенское вино — у меня задрожало в груди. Я пила от души особенно за эту сильную, мужественную женщину (речь, очевидно, о Т. Енко. — М. К.) <...> за эту славную молодежь...»⁵⁴

В очерке Харузиной «Крайна» проявился ее дар аналитика и художника. Он написан с душой, поэтично, живописно и весьма обстоятельно. Возникает вопрос, почему она, зная статью брата об этом центре словенских земель, все же решилась написать свой, дорогой для нее текст. Очевидно, потому, что писала она для журнала с географическим и естественным направлением. Вера Николаевна в свой очерк ввела новые материалы о брачно-семейных отношениях, одежде, поверьях словенцев. Кроме того, в комментарии на первой странице, она отмечает, что очерк возник на основе личных впечатлений и на основе трудов Я. В. Вальвазора, С. Шумана, Л. Нидерле, а также на коллекции этнографических материалов Дашковского этнографического музея Москвы.

Все материалы расширяли представления русской общественности о замечательной словенской стране.

Вера очарована природой Крайны и много о ней пишет: «Многострадальная страна <...>, но какая прекрасная. Природа величественная и в то же время мягкая и ласкающая»⁵⁵. Остановившись довольно подробно на истории края, она переходит к характеристике географического положения разных ее частей: Верхней (Gorenjsko), Нижней (Dolenjsko) и Внутренней (Notranjsko), выделяя своеобразие природы каждой. Она не жалеет красок, чтобы запечатлеть величие суворых Юлийских Альп и их вершин — «великанов»: Мангарт, Ялуц, Разор, Велика Тичерца и Богатин, и выше всех — «прославленный народными преданиями Триглав», неописуемо величественный и красивый⁵⁶. Поразительны по разнообразию и семь Триглавских озер. Верхнее Белапечское, например, «служит как бы драгоценным зеркалом великану Мангарту, который с любовью глядится в его светлую гладь»⁵⁷.

Не менее живописны вершины Караванок, которые разделяют Каринтию и Крайну. На юго-востоке к ним примыкают Камницкие Альпы. С их вершинами Гринтоуц, где сходятся Штирия, Каринтия и Крайна, открывается вид на три речные долины — Бистрицы, Белы и Савы. Западная часть Нижней Крайны резко меняет свой характер — выступает меловая формация — чувствуется переход к карсту⁵⁸. Во Внутренней Крайне В. Н. Харузину впечатляет «террасовидное нагорье карста, протянувшееся почти вплоть до Адриатического моря», самым замечательным явлением которого является огромная и крайне живописная пещера Постойна.

Из российских ученых, пожалуй, только В. Н. Харузина сумела столь поэтично обрисовать природу Крайны и главное ее богатство — леса, буковые, дубовые, еловые, являющиеся предметом экспорта, стройматериалом и основой ремесел. Подробно останавливается она на флоре и фауне краинских лесов, рассказывает о разнообразных отраслях хозяйства словенцев, подробно пишет об исконном занятии словенцев Крайны — земледелии.

В отличие от брата Вера Николаевна подробно касается и характера пищи словенцев, красочно характеризуя «гicet» — кашу из ячменя с бобами, фасолью, обрезками ветчины, кусками колбасы и свиного сала и т. п.

Очень древним направлением хозяйственной деятельности словенского крестьянина является виноделие. Развиты также охота на сурка, рыболовство и скотоводство, народные ремесла и горное дело — все это свидетельствует о том, что «промышленный дух сильно развит в энергичном и деятельном народе»⁵⁹.

В. Н. Харузина уделяет большое внимание описанию замка на озере Блед, а также замков: Вэрдль, Ауэрсперг, Фрейтурн, Вейсенберг, Айнет, Люблянский замок, истории их возникновения и связанных с ними поверьях и легендах, которые весьма интересны и неповторимы. Во всех зарисовках автора проявляется ее художественное дарование. Находясь на оз. Бохинь, она пишет: «...Деревня Загорица (нем. Аурих) беленькая, веселая, со своими мельницами, поставленными близ вечно шумящей речки. Здесь — зеленая Страже, Осойница с видом на озеро и великолепный Триглав»⁶⁰.

Останавливается она и на печальной истории Крайны. Археологические раскопки на месте Люблянского торфяника, считает автор, дают представление о «характере доисторического быта населения этих мест». Касается она и «галштадского периода» в истории Крайны, и более позднего «латинского», который привел к столкновениям с Римом, с остготами, лангобардами, баварцами, франками и аварами. В VIII в. древнее государственное объединение словенцев Карантания (в которую входила Каринтия и часть территории Крайны) была включена в

состав обширной франкской монархии. Ее императоры раздаривали и отдавали в ленное владение земли в Крайне церковным владыкам и представителям германской знати. «Так воцаряется, — с горечью отмечала она, — власть жестоких чужеземцев».

Жители Верхней Крайны, считает Харузина, «энергичны, деятельны, любознательны». Ласковая природа Нижней Крайны наложила «печать мягкости и некоторой беспечности на ее сынов»⁶¹. Борьба же с суровой природой во Внутренней Крайне породила замкнутость, решимость — «несокрушимой силой веет от закаленных фигур». Кроме зависимости от климата всем словенцам присущи общие черты: необщительность, хотя «о богатстве его (словенца. — М. К.) внутренней жизни говорит его полное выражения лицо»; осторожность, выработанная притеснениями со стороны пришельцев-немцев; предприимчивость и стремление расширить свой кругозор; гостеприимство в сочетании с бережливостью; отсутствие «беззаботной доверчивости с чужими» — с правдивостью в речах и склонностью «к размышлению и вдумчивому отношению к жизни»⁶². «Взглянуть стоит на эти высокие и гибкие фигуры, мужественно сильные и не лишенные изящества, на эти лица с печатью сознательной мысли <...>, — с любовью пишет В. Н. Харузина, — и поймешь, что этот народ крепкий, жизнеспособный, и что ему предстоит будущность, которую он сумеет себе завоевать»⁶³.

Перебирая в памяти высказывания о словенцах российских предшественников Харузиной, видишь, что, пожалуй, она впервые в русской этнографии обстоятельно (насколько ей позволили знания и наблюдательность) обрисовала некоторые главные черты национального характера словенцев, связав их с исторической судьбой народа и с особенностями хозяйственного уклада жизни. Эти интересные выводы ученого могут с пользой послужить современным этнологам, изучающим этническую историю народов мира.

В очерке Харузиной приводятся наблюдения над жилищем краинцев. Поэтично она описывает прелест селений словенцев, полускрытых гущей плодовых деревьев, с высокой башней церковной колокольни. В отличие от брата, Вера Николаевна больше обращает внимание на внешнее оформление каменных домов, белые стены которых выгодно контрастируют с серо-коричневыми деревянными частями пристроек и сараев, с серыми же крышами и с ярко-зелеными пятнами золотящегося на солнце моха. Из окон «весело выглядывают розовые и красные цветы герани, бледная зелень розмарина, а в длинное и широкое окно балкона или перил деревянного перехода низко спускаются <...> гибкие ветки гвоздики с яркими цветами»⁶⁴. Очень распространена стенопись (изо-

бражение святого, год постройки или инициалы владельца, окруженные венком из листьев или цветов). Фаянсовый сосуд со святой водой и другие детали внутреннего интерьера дополняют неповторимый дух словенского жилища.

Мы не будем касаться того, что во многом сходится с описаниями домов и хозяйственных построек Крайны у А. Н. Харузина (иногда и более подробно), а только остановимся на тех замечаниях Веры Николаевны, которые либо отсутствуют у ее брата, либо сделаны мимоходом. Так, она обращает внимание «на боеспособность словенского жилища», на углубления в стенах, на маленькие окна в оправе крепкой железной решетки и железные ставни. В бытность посещения русскими учеными Крайны такие «укрепления» встречались уже крайне редко.

Коротко останавливается В. Н. Харузина (этот материал отсутствует у А. Н. Харузина) на целебных растениях Верхней Крайны. Ссылаясь на Я. В. Вальвазора, она рассказывает о приворотной силе корня девясила, который помогал девушке покорить любимого, об особой мази, приготовленной из разных трав и имеющей волшебное и таинственное свойство. Во всяком случае, каждая словенка верила в целебное свойство многих трав и умела их собирать.

Касаясь семейных отношений у словенских крестьян, В. Н. Харузина, указывает: главой семьи в доме является хозяин (господар). Жена его (господинья) пользуется большим почетом. Здесь автор приводит словенскую пословицу: «Мужем держится один угол в доме, жену же — три». Кроме членов семьи в богатом доме иногда живут наемные слуги и служанки, их обычно нанимают сроком на год, дают им обувь и одежду, на праздник дарят подарки. Есть и временные работники — это косцы, молотильщики, дровосеки, жнецы и т. д. Они нанимаются на один день и живут в каком-то другом доме. Чтобы русскому читателю были яснее взаимоотношения в семье словенского крестьянина, В. Н. Харузина приводит описание четырех крестьянских семейств: богатого крестьянского дома в деревне Блед, где главой семьи является мать; семьи из деревни Загорица, состоящей из хозяйки, хозяина, их детей и внуков, дома, который после смерти родителей достался девушке-сироте и дома, который унаследовал старший сын.

Как мы видим, ее очерк «Крайна», хотя и был опубликован одновременно со статьями А. Н. Харузина, отличался от них некоторыми новыми для Российской общественности материалами и очень образным, ясным языком.

Интересно отметить, что в своем учебнике «Этнография» (Вып. II. Приемы изучения явлений материальной культуры. Жилище. Одежда.

Украшения. Пища. М., 1914) В. Н. Харузина использует наработанный словенский материал⁶⁵, расширяя свои наблюдения, сделанные в Крайне.

На очерк «Крайна» в словенской периодике 1902–1903 гг. были опубликованы похвальные отзывы. Анонимный рецензент «Люблянского звона» пишет, что «писательница, занимаясь жизнью и хозяйством нашего крестьянинна, описала красоты Крайны, одежду, обычай, коснулась современной истории и заглянула в древность. Очерк написан с теплым чувством и неподдельным восхищением»⁶⁶. Ф. Лампе, говоря о том, что В. Н. Харузина охватывает все сферы крестьянской жизни, описывает географическое положение, полезные ископаемые, обычай и т. д., не может удержаться, чтобы не привести красочную цитату из ее очерка: «Прелестная страна — Крайна — страна высоких гор и цветущих долин, густых лесов, где водятся дикие козы, медведи и волки, страна изумрудно-зеленых альпийских пастбищ, где бурные реки мчатся как безумные по широким долинам, где леса полны журчания светлых потоков и подземных ключей. Страна чудес природы, исчезающих периодически озер, под землю текущих рек, пещер, поражающих мрачным величием своих зал, скрывающих в себе пропасти с подземными ходами <...>, бурными водопадами, пробивающими себе ход между стенами суровых утесов...»⁶⁷

Этнограф и литературный критик И. Мерхар в том же году отмечал, что очерк Харузиной рассчитан на широкого читателя, автор просто и живо рассказывает о том, что видит, продолжая работы А. Н. Харузина⁶⁸.

Анонимный рецензент газеты «Соча» пишет, что на 49 страницах В. Н. Харузина помещает прекрасные фотографии словенских хозяйственных построек (стог, скедень), своеобразных женских головных уборов. «Несмотря на то, что мы маленький народ, — пишет рецензент, — мы все-таки нуждаемся, чтобы нас изучали насколько это возможно. Такого рода труды пробуждают в России внимание к нам, словенцам — к западной границе славянского мира, где бьется много искренних сердец»⁶⁹.

Мы хотим завершить нашу статью упоминанием о рассказе этнографического содержания В. Н. Харузиной «Друзья. Картины из жизни словинских детей»⁷⁰. С большой симпатией автор описывает героиню по имени Франца и ее друзей, обитающих в горной деревушке Купленик, где довелось побывать Харузиной. Как этнограф она живописует ярмарку, сельские праздники, воскресную обедню в церкви, дом состоятельного хозяина с хозяйственными пристройками, костюм словенских крестьянок. Сентиментально пишет она о сельских детях: они — патриоты, стремятся быть образованными, чтобы дать отпор своим угнетателям. Несколько пафосно автор рассуждает о близости русских и словенцев, о сходстве русского и словенского языков и т. д.

Итак, можно утверждать, что работы А. Н. Харузина и В. Н. Харузиной о словенцах значимы не только как свидетельство растущих русско-словенских связей, но и как огромный вклад в развитие русской и словенской этнографии.

Примечания

¹ Kerimova M. Slovenija in Slovenci v delih Alekseja N. Haruzina in Vere N. Haruzin. Kronika. Ljubljana. 1998. № 46. S. 66–82; Керимова М. М. Словения и словенцы в трудах А. Н. Харузина и В. Н. Харузиной // Живая страна. 1998. № 2. С. 44–47; Керимова М. М., Наумова О. Б. Алексей Николаевич Харузин — этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы. М., 1999. С. 164–199 (2-ое изд.: М., 2000); Kerimova M., Naumova O. Aleksei N. Kharuzin // Anthropology and Archeology of Eurasia. NY. 2003. Vol. 42. Repressed Ethnographers. Part 1; Харузина В. Н. Пропало. Воспоминания детских и отроческих лет. М., 1999. С. 5–557. (Вступительная статья, комментарий, указатель Керимовой М. М. и Наумовой О. Б.); Керимова М. М. Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. Харузины: три брата Михаил, Николай, Алексей и две сестры Вера и Елена (по мужу Арапидаренко). Была еще сестра Ольга, умершая в 4 года.

² Миллер В. Ф. Николай Николаевич Харузин. Некролог // Этнографическое обозрение. 1900. № 2. С. 1.

³ См.: Сборник материалов по этнографии, издаваемых Дацковским этнографическим музеем. Вып. III. 1886; Вестник Европы. 1888. Кн. X–XI.

⁴ Этнографическое обозрение. 1891. № 4. С. 209.

⁵ Алексей и Вера Харузины написали «Предисловие» к первому выпуску учебника «Этнография». Оно содержало весьма справедливую оценку издания Н. Н. Харузина. На долю В. Н. Харузиной выпало не только редактирование всех 4-х выпусков лекций брата (а это более 1500 с.), но и составление списков источников и алфавитных указателей в конце каждого выпуска. В конце IV вып. она поместила свои уникальные «Материалы для библиографии этнографической литературы» (295 с.).

⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Л. 1–15.

⁷ Ирина Евграфовна Огнева (в первом браке Харузина) — жена Олега Харузина, сына А. Н. Харузина. Е. П. Крюкова — племянница И. Е. Огневой любезно предоставила мне материалы (записи и фотографии) из семейного архива Харузиных, за что я выражаю ей огромную благодарность.

⁸ В последней четверти XIX — начале XX в. казахи назывались киргизами.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 66. Л. 13. Запись от 6. июля 1897 г.

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 55–76. 22 тетради дневников В. Н. Харузиной за 1886–1917 гг.

¹¹ В «Дневнике» Веры Харузиной сохранилась запись от 22 апреля 1907 г. о приезде в Москву в гости к Харузиным Т. М. Енко, см.: ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 68. Л. 11 об.–12; Там же. Д. 67. Л. 113 об., 114. — О Енко Т. и Енко Л. см. также: Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 348, 349. — Подробнее о супругах Енко см. ниже. Т. Енко познакомила Харузиных в Любляне и с И. Я. Лавренчичем (1857–1930) — священником, писателем и общественным деятелем, который их пригласил на свои именины. — ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 67. Л. 113.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 61. Д. 70. Л. 13 об. Дневник от 13 сентября 1905 г.

¹³ Харузин А. Н. В Совет Императорского РГО. Заявление д. ч. А. Н. Харузина... // Известия ИРГО. СПб., 1899. Т. 35. С. 760.

¹⁴ Отдельно изданный текст «Религия, церкви и школы в Боснии и Герцеговине» (б. г., б. м.) предназначался для канцелярии Николая II.

¹⁵ Вестник Европы. СПб., 1901. Т. II. Год. 36. № 3. С. 402.

¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 67. Л. 113 (Дневник В. Н. Харузиной); О словенских сюжетах в творчестве Харузиных см.: Kerimova M. Slovenija in Slovenci... S. 66–82; Керимова М. М. Словения и словенцы... С. 44–47.

¹⁷ Рец. на нее см.: Dom in svet. 1902. Št. 8. S. 503.

¹⁸ Харузин А. Н. Австрийская Крайна. СПб., 1902. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 22.

²⁰ Soča. 1902. Št. 126.

²¹ Dom in svet. 1903. Št. XVI. S. 56.

²² Харузин А. Н. Национальная эволюция словинцев // Русский вестник. СПб., 1902. № 7. С. 76.

²³ Там же. С. 90–95.

²⁴ Ljubljanski zvon. 1902 Št. 9. S. 645–646. — См. также: Рыжкова М. И. Письма Антона Ашкерца А. С. Суворину, Ф. Е. Коршу, А. Л. Волынскому, Д. Н. Вергуну // Литература славянских народов. М., 1960. Вып. 5. С. 212. — На отзывы А. Ашкерца в журнале «Люблянский звон» (1902, № 9 и 1903, № 12) ссылается также И. В. Чуркина в книге «Русские и словенцы» (М., 1986. С. 126).

²⁵ Рыжкова М. И. Письма Антона Ашкерца... С. 212.

²⁶ Aškerc A. Dva izleta na Rusko // Ljubljanski zvon. 1903. Št. 12. S. 729–730.

²⁷ Arhiv NUK MS 972 / 1 dopis.

²⁸ Там же. Л. 1–2.

²⁹ Slovan. 1904–1905. Št. 3. S. 211.

³⁰ Edinost. 1903. Št. 148–149.

³¹ Dom in svet. 1903. Št. 7. S. 438–441. — Отметим, что позиция, ко-

торой придерживался А. Н. Харузин в статье «Национальная эволюция словинцев» (Русский вестник. СПб., 1902. № 8. С. 553) о том, что греко-католическая (униатская) церковь была не только мостом между православием и католицизмом, но и мостом между восточной и западной культурами, была широко распространена в XIX в.

³² Харузин А. Н. Краинский кряж и его чудесные явления // Русский вестник. СПб., 1902. № 3–4. С. 306–314. — См. рец. на эту статью: Dom in svet. 1902. Št. 8. S. 503; Slovenski narod. 1903. Št. 66–68.

³³ Slovan. 1904–1905. Št.3. S. 211. — Эта же статья с небольшими изменениями опубликована в газете «Соча»: Soča. 1902. Št. 70.

³⁴ Edinost. 1902. 3. junija.

³⁵ Журнал являлся периодическим изданием Отделения этнографии ИРГО и выходил под редакцией проф. В. И. Ламанского.

³⁶ Харузин А. Н. Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки // Живая старина. СПб., 1902. Вып. 1. С. 6. — А. Н. Харузин, много времени посвятивший изучению жилища у разных народов России, Европы и Азии, считал своим долгом создать и общую программу по одной из главных, на его взгляд, проблем, а именно: «Руководство для собирания сведений о крестьянских постройках». Оно было издано Отделением Этнографии ИРГО в Санкт-Петербурге в 1902 г.

³⁷ Там же. С. 11.

³⁸ Там же. С. 17.

³⁹ Там же. С. 21.

⁴⁰ См.: Харузин А. Н. Материалы по истории развития славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны // Живая старина. СПб., 1902. Отд. I. Вып. 3–4. С. 259–357. — В журнале «Этнографическое обозрение» за 1903 г. (№ 3. С. 213) помещена анонимная аннотация этой статьи. См. также аннотацию этой работы: Московские ведомости. 1906. № 115. С. 3, — в которой указано, что эта «книга заключает в себе много любопытного для лиц, интересующихся этой славянской народностью».

⁴¹ Харузин А. Н. Материалы по истории развития славянских жилищ... С. 259–357.

⁴² Российская пресса также откликнулась на выход в свет трудов Харузина по словенскому жилищу. Так, например, известный этнограф А. Н. Максимов в газете «Русские ведомости» (1903, № 234) поместил небольшую рецензию на труд «Жилище словинца Верхней Крайны. Материалы по истории развития славянских жилищ», в которой он отмечал, что «эволюция жилища у словенцев представлена <...> солидно обоснованной, так что настоящую книгу (статья вышла отдельной брошюрой. — M. K.) необходимо причислить к числу более удачных сочинений по истории жилищ.

К книге приложены многочисленные чертежи и рисунки, значительно способствующие уяснению текста».

⁴³ Edinost. 1902. Št. 107, 108.

⁴⁴ Edinost. 1903. Št. 148, 149.

⁴⁵ Ljubljanski zvon. 1904. Št. 11. S. 640.

⁴⁶ Dom in svet. 1903. Št. 7. S. 438–441.

⁴⁷ Slovenski narod. 1903. Št. 166–168.

⁴⁸ Харузин А. Н. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Из материалов по истории развития славянских жилищ. Вильна, 1907. С. 163.

⁴⁹ ОПИ ГИМ Ф. 81. (Дневник В. Н. Харузиной.) Д. 67. Л. 113.

⁵⁰ Подробнее о Л. Енко и Т. Енко см.: Харузин А. Н. Национальная эволюция словинцев // Русский вестник. СПб., 1902. № 8. С. 545; Славянский век. Вена, 1903. № 66; Ljubljanski zvon. 1912. Št. XXXII. S. 167; Dom in svet. 1903. Št. XXV. S. 117; Ljubljanski zvon. 1903, Št. XXIII. S. 189.

⁵¹ В. Н. Харузина в своем Дневнике писала о Т. М. Енко: «В этой женщины много сердца... В Триесте образован русский кружок, где учат русскому языку». — ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 68. Л. 16; Д. 67. Л. 114.

⁵² Slovenski narod. 1938. 25. januarja.

⁵³ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 67. Л. 113 об, 114 (22 апреля 1902 г.).

⁵⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 68. Л. 11 об., 12.

⁵⁵ Харузина В. Н. Крайна (очерк) // Естествознание и география. М., 1902. № 3. С. 38.

⁵⁶ Там же. № 4. С. 2.

⁵⁷ Там же. С. 4.

⁵⁸ Там же. С. 3

⁵⁹ Там же. С. 12.

⁶⁰ Там же. № 5. С. 52.

⁶¹ Там же. № 8. С. 1.

⁶² Там же. С. 2.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 7.

⁶⁵ См.: Харузина В. Н. Этнография. М., 1914. Вып. II. С. 57, 83–85, 123, 124, 139, 142, 143, 165–167, 181, 189, 195, 196–197, 309, 311, 317, 419.

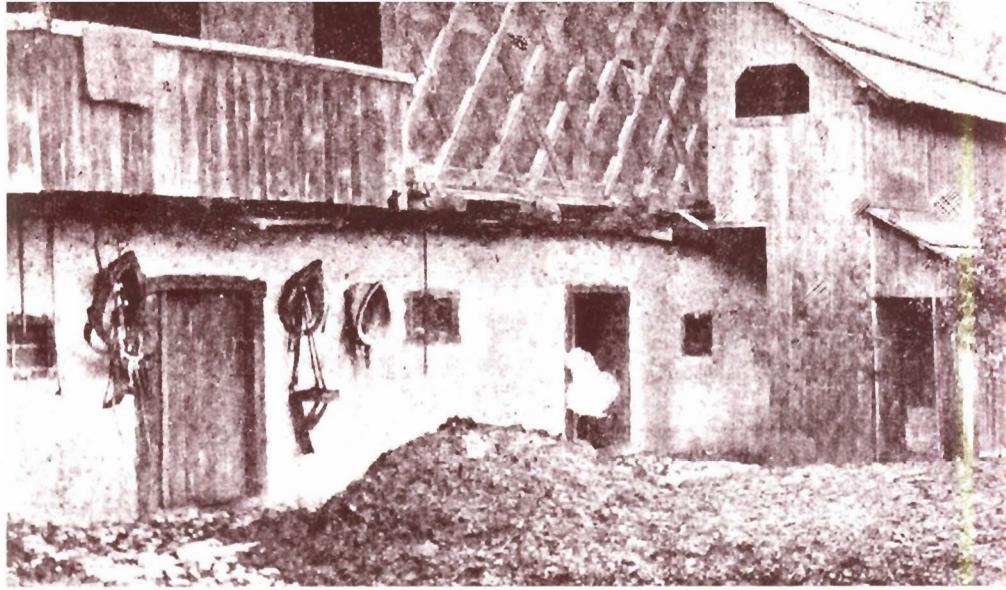
⁶⁶ Ljubljanski zvon. 1903. Št. 2. S. 122.

⁶⁷ Dom in svet. 1903. Št. 1. S. 55–56.

⁶⁸ Edinost. 1903. Št. 148–149.

⁶⁹ Soča. 1902. S. 118. — В своем Дневнике Харузина пишет, что от Л. М. Енко получает следующее сообщение: «В словенской газете вышла «ласковая» рецензия на очерк «Крайна». — ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 68. Л. 63.

⁷⁰ Детское чтение. М., 1909.

Дом в Верхнем Горье. Фото А. Н. Харузина. 1901 г.

Дом в Верхнем Горье. Фото М. М. Керимовой. 2007 г.

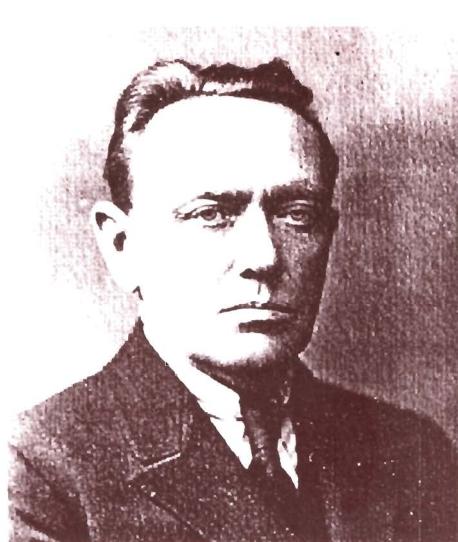
А.И. Харузин (1864-1932)

Павел Голлив (1887-1959)

Юлия Балтрушайтие (1873-1943)

В.Н. Харузина (1866-1931)

Т. И. Чепелевская

Павел Голиа в России (1914–1918 гг.)

Время великих потрясений начала XX в. по-разному отразилось на судьбах многих словенцев. Одни испытывали тяготы военного лихолетья дома, другие волею судьбы оказались оторванными от родных мест и буквально заброшенными за тысячи километров от родной Словении, чтобы, пройдя фронт, военный плен (вынужденный или выбранный сознательно), вернуться на родину с новыми впечатлениями, опытом и стремлением использовать его на благо своего народа. Среди известных словенцев этой эпохи можно назвать критика и переводчика Йосипа Видмара, писателя Франце Бевка, поэта, драматурга и переводчика Павла Голиа, журналиста Йоже Зупанчича. Сюда же можно отнести и Янко Лаврина, который учился в России, а в период Первой мировой войны работал корреспондентом на Балканах и в 1916 г. выпустил книгу очерков «В стране вечной войны»¹. У каждого из этих деятелей культуры была своя судьба, своя история пребывания в России и свой нелегкий путь возвращения на родину.

Павел Голиа (1887–1959) — словенский поэт, драматург, переводчик. В течение длительного периода (1919–1943) он занимал пост директора Люблянской Драмы (Государственного драматического театра Словении), который поднял на европейский уровень и в отношении актерского мастерства, и в отношении репертуара. В 1953 г. Голиа был избран действительным членом Словенской академии наук и искусств. Он был не только признанным поэтом, автором нескольких поэтических сборников, отмеченных влиянием словенской модерны, но и неоспоримым отцом словенской детской драматургии: его пьесы — «Сказка Триглава» («Triglavská bajka»), «Принцесса и пастушок» («Princeska in pastirček»), «Снегурочка» («Sneguljčica») и др. — многие годы с успехом шли на сценах словенских театров.

Павел Голиа родился в городе Требне провинции Нижняя Крайна. После окончания школы и последующей учебы в гимназии он выбрал для себя военную стезю, поступив в кадетскую школу в Карловце. В 1907 г. Голиа поступил на военную службу, оказавшись сначала в Триесте, а позже, в 1913 г., в Любляне в 17-ом пехотном полку, откуда в 1914 г. был послан на русский фронт в Галицию. Здесь, осенью того же года, он впервые попытался перейти на сторону русских, но безуспешно.

Через год, в 1915 г., капитан австрийской армии П. Голиа вместе с ротой, которой он командовал, добровольно сдается в плен и до конца 1915 г. ока-

зываются в лагеря для военнопленных. В 1916 г. он поступает в штаб Первой сербской добровольческой дивизии и активно занимается агитацией среди пленных словенцев, хорватов и сербов за вступление в ряды русской армии. В 1917 г. Голиа участвует в боях, получает ранение в Добрудже, а после выздоровления в апреле того же года в числе двадцати офицеров, среди которых были словенцы и хорваты, недовольные духом, царившим в дивизии, покидает ее и вступает в ряды 6-го полка русских стрелков.

Известие о победе Октябрьской революции застает молодого офицера в Киеве, городе, ставшем центром Югославянского революционного союза, который насчитывал тогда около двадцати тысяч членов. Голиа, как и многие его земляки, попавшие в Россию в результате войны, с воодушевлением встретил это событие. Свидетельством тому стала его речь, произнесенная (на русском языке) на митинге представителей народов Австро-Венгрии, который проходил 12 декабря 1917 г. в помещении киевского цирка. Митинг собрал около пяти тысяч человек разных национальностей: чехов, словаков, хорватов, словенцев, сербов, поляков, украинцев и румын. Здесь же присутствовали посланники и военные атташе многих стран, аккредитованные в России.

Выдвинутый своими боевыми товарищами как высокопрофессиональный военный и авторитетный командир, Голиа произнес речь от имени всех югославянских народов, главной идеей которой стало провозглашение права любого народа на свободу и самоопределение. В своем выступлении он также озвучил чаяния словенцев по поводу будущих мирных переговоров, призванных, наряду с другими вопросами, определить судьбы Триеста, Горица, Риеки и Истрии, чем вызвал не только бурные аплодисменты своих соратников, но и открытое недовольство присутствовавших на митинге королевского посланника и военного атташе Сербии, демонстративно покинувших зал. Заключительным аккордом пламенной речи Голиа стала поддержка благородных принципов русской революции.

После пребывания в Киеве и непродолжительной остановки в Одессе Голиа в начале 1918 г. оказывается в Москве, где он пробыл до конца года, а в начале 1919 г. вернулся домой. В Москве он сближается с представителями революционно настроенной югославской интеллигенции и становится членом югославянской группы РКП(б) и переводчиком при Народном Комиссариате по делам национальностей.

Одним из направлений деятельности вышеназванной группы было издание переводов книг и брошюр (главным образом, революционного содержания) на языки народов Югославии. Кроме того, Голиа принимал самое активное участие в издании печатного органа группы — газеты «Всемирная революция». В 34-ом номере газеты за 1918 г. было впервые

опубликовано его известное стихотворение «Песнь полей», заканчивавшееся символическим приветствием в адрес русской революции, давшей импульс к преобразованиям другим народам («Восток подал сигнал»).

Эта сторона деятельности П. Голиа достаточно хорошо известна; в частности, об этом писал известный словенский литературовед Ф. Задравец в книге «Октябрьская революция и словенская литература»². Упоминания о П. Голиа есть и в воспоминаниях Ц. Цирмана в книге «Югославяне в Октябре»³ и других работах словенских и российских исследователей, в частности, М. Л. Бершадской⁴. В них также выделена другая сторона деятельности словенского поэта в этот период — его работа в качестве журналиста и исследователя театра.

Так, по свидетельству друга Павла Голиа, Цирила Цирмана, с которым они были неразлучны во время их пребывания в Москве, словенский поэт пересмотрел «буквально все спектакли московских театров, славившихся своим художественным мастерством и прогрессивной идеиной направленностью». По свидетельству Ф. Задравца: «...в Москве Голиа занимался журналистикой и — с особым интересом — театром»⁵, «...во МХТ его ввел литовско-русский поэт Юргис Балтрушайтис. Здесь он постоянно присутствовал на всех спектаклях и репетициях»⁶.

Об этой стороне, несомненно, творческих интересов и связей Голиа известно гораздо меньше. И здесь на помощь могут прийти самые разные источники: материалы прессы, документы из его личного архива в рукописном отделе Национальной университетской библиотеки в Любляне (NUK), а также документы, касающиеся Ю. Балтрушайтиса в Центральном архиве литературы и искусства и в Архиве МХАТ в Москве. Все они были обнаружены нами в результате кропотливых поисков в России и Словении.

О своих отношениях с Ю. Балтрушайтисом (1873–1943), поэтом, представителем раннего символизма, П. Голиа признавался в интервью для газеты «Люблянский дневник» (*Ljubljanski dnevnik*) в 1951 г., отвечая на вопросы журналиста Божидара Борко о влиянии на него русской литературы:

В 1915 г. военный вихрь забросил меня в Россию и здесь я остался вплоть до конца 1918 г. <...> Когда война занесла меня в Россию, я оказался в мире, который уже хорошо знал из книг. Я был вынужден учить язык, и это шло у меня легко, а ударение я, например, отрабатывал, читая вслух стихи Пушкина или Лермонтова. В 1918 г. в Москве мы собирались у поэта, родом из Литвы, Юрия Балтрушайтиса. Туда приходили Бальмонт, Андрей Белый и др. Я посетил многочисленные литературные вечера, слушал Маяковского, декламировавшего свои напористые стихи⁷.

В этом интервью П. Голиа не касается истории своего знакомства с литовским поэтом, хотя их дружба не прекратилась с отъездом словенского деятеля домой. Об этом свидетельствует сохранившееся письмо Юргиса Балтрушайтиса к Павлу Голиа от 18 декабря 1923 г. К тому времени прошло уже более года, как Балтрушайтис стал чрезвычайным послом и полномочным министром Литвы в Советской России. В своем послании Балтрушайтис, обращаясь к другу «Дорогой Павел», просит принять и помочь писателю из России г-ну Елпатьевскому⁸. С присущей ему доброжелательностью Балтрушайтис характеризует его: «Сверстник Чехова и других великих, а главное, чудесный человек и душа, давно и глубоко мною уважаемая и чтимая. Прими его, как принял бы меня самого. Познакомь его со всеми, кто мог бы интересовать его...». И добавляет:

«О себе напишу как-нибудь на досуге. О тебе слышал только от артистов Художественного театра.

Надеюсь, ты много написал за минувшие годы и твоя песня крепко знакома всей Югославии.

С братским приветом твой Ю. Балтрушайтис»⁹.

К сожалению, пока не удалось выявить документального подтверждения тому, как, где и благодаря кому познакомились эти два выдающихся человека, два поэта. Произошло ли это уже в Москве в 1918 г. или ранее, в период, когда П. Голиа переезжал из Киева в Одессу, а затем в Москву. Большая часть личного архива Ю. Балтрушайтиса находится в Париже и пока практически недоступна для исследователей. Однако можно сделать некоторые предположения.

С одной стороны, связующим звеном мог оказаться Янко Лаврин, словенец, долгое время живший и работавший в России в качестве корреспондента российских газет и лично знакомый с известным литовским поэтом¹⁰.

Знакомство П. Голиа и Ю. Балтрушайтиса могло состояться также благодаря хорватскому писателю и драматургу Йосипу Косору (1879–1961), который также в 1916–1917 гг. в течение девяти месяцев, вплоть до своего возвращения в Югославию, жил в России. В этот период Й. Косор побывал в Одессе и Киеве, в Петрограде встречался с М. Горьким, в Москве — с К. С. Станиславским. Встреча со Станиславским и предшествующие ей события достаточно хорошо отражены документально и свидетельствуют о тесном знакомстве Й. Косора с Ю. Балтрушайтисом. Возможно, их первое знакомство произошло еще в Одессе в 1915 г.

Военное лихолетье затронуло многие уголки света. Волна военных беженцев принесла в Россию немало литовцев, потерявших кровь, детей,

разделенных с семьями. В Москве был организован Комитет литовских переселенцев, в котором работал и Ю. Балтрушайтис. Он участвовал в благотворительных вечерах, собирая средства для помощи землякам¹¹, по делам беженцев часто выезжал в другие города. Так, в августе 1915 г. он побывал в Одессе, где газета «Одесский листок» опубликовала в этот период одно из его стихотворений. Кроме того, по свидетельству исследователя его творчества В. Даутите поэт обещал написать статью о малоизвестном хорватском драматурге Йосипе Косоре и даже перевел его драму «Пожар» (в оригинале — «Пожар страсти»)¹². А спустя девять месяцев, в письме из Одессы от 29 мая 1916 г., адресованном К. С. Станиславскому в Москву, Балтрушайтис представляет Й. Косора как своего хорошего знакомого и многообещающего молодого автора:

«Дача Брусиловского. Андровский Лиман.

Одесса — 29.05.1916 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Константин Сергеевич.

Мой друг, югославский драматург Иосип Косар¹³ послал недавно в Художественный театр свою драму «Непобедимый корабль». Он не уверен, что Вы получили её и просит меня спрятаться об участии произведения и, если возможно, о Ваших личных взглядах на неё. Он просит еще предупредить Вас, что перевод пьесы сделан не <...> первом и многие погрешности его будут легко устранены. Зная Ваше исключительное чутьё в вопросах драматического творчества и Ваше горячее ожидание, что осуждение творческого духа во всём современном театре, как в России, так и всюду, должно скоро уступить место новым словам и, в особенности, новому внутреннему напряжению и действию, я позволяю себе особенно рекомендовать Вам Косара, как поэта исключительной славянской силы, по красоте и глубине своих драматических образов упраздняющей все, что в этой области считалось до сих пор большим, возвышенным, очевидным. Мастерлинк, Ибсен, Гамсун, Уальд и т. д., всё это — ещё литература, изумительная, прекрасная, но литература. Иосип Косар — это уже подлинное творчество, и [только] творчество, как свобода и чудо искусства. И какое счастье, что такие произведения пишутся на сербском, славянском языке.

Мы с Косаром очень просили [бы] Вас сообщить Ваш ответ по возможности скорее, потому что автора «Непобедимого корабля» [просили] передать рукопись в распоряжение Кружка русских писателей, [обещавших] сделать всё, чтобы вещи Косара стали достоянием русского театра.

Прошу передать мой почтительный привет Марии Петровне.

А Вам низко кланяюсь.

Сердечно преданный Ю. Балтрушайтис»¹⁴.

Это письмо Ю. Балтрушайтис посыпает буквально вслед посланию самого автора пьесы от 24 мая 1916 г., которое было обращено к Константину Сергеевичу и, помимо текста пьесы, содержало просьбу о рассмотрении возможности ее постановки. В Летописи жизни и творчества К. С. Станиславского, составленной И. Виноградской, отражены и факт получения самого письма Й. Косора¹⁵, и то, что в августе того же 1916 г. К. С. Станиславский предлагал «подумать для студии о пьесе Йосипа Косара “Непобедимый корабль”, которую он, несмотря на ее оперность и мелодраматизм, предпочитает пьесам Мережковского и Андреева». Более того, запись от 19–22 сентября 1916 г. свидетельствует о том, что Константин Сергеевич встречался с приехавшим в Москву молодым драматургом, который также был приглашен посмотреть спектакли в Художественном театре и в студии¹⁶.

Что касается П. Голиа, то он, как мы уже отмечали, в сентябре 1915 г. вместе со своей ротой добровольно сдался в плен и вплоть до конца 1915 г. находился в лагере для военнопленных. Здесь он принял решение о вступлении в Первую сербскую добровольческую дивизию в Одессе, в рядах которой оставался до апреля 1917 г.¹⁷

Таким образом, в конце 1915 — начале 1916 гг. П. Голиа также оказывается в Одессе, где вполне вероятно мог встретиться с Й. Косором и познакомиться с Ю. Балтрушайтисом.

Косвенным свидетельством тому, что П. Голиа и Й. Косор были знакомы, вполне может служить и тот факт, что оба они сотрудничали в издании «Славянский юг» (*«Slavenski jug»*), которое выходило в Одессе в этот период¹⁸.

Знакомство П. Голиа и Ю. Балтрушайтиса могло произойти и в Москве в результате деловых контактов. Голиа как член югославянской группы и переводчик при Народном комиссариате по делам национальностей, вполне вероятно, мог познакомиться с Ю. Балтрушайтисом как руководителем Репертуарной секции Театрального отдела (ТЕО) при Народном комиссариате просвещения (образованного весной 1918 г. после переезда советского правительства в Москву). Во всяком случае, упоминания словенских ученых об огромном интересе П. Голиа к московским театрам и их репертуару опосредованно, но подтверждают это.

Знакомство с Ю. Балтрушайтисом, несомненно, помогало молодому словенцу не только ощутить атмосферу литературной Москвы (литературных вечеров, встреч, дискуссий о новых направлениях и тенденциях в литературе и искусстве), но и узнать многое о развитии самого театрального дела. А беседы с Ю. Балтрушайтисом, посвященные созданию нового репертуара нового театра новой России не могли не давать пищу для размышлений о будущей работе у себя на родине.

В начале 1919 г. П. Голиа, наконец, получает долгожданное разрешение и возвращается в Любляну через Киев, Одессу, Стамбул и Дубровник.

О стремлении молодого человека вернуться на родину свидетельствует одно из писем (от 7 октября 1918 г.), сохранившихся в личном архиве П. Голиа. Оно написано по-немецки и адресовано матери и сестрам. Из этого послания можно узнать многое: и пункты его передвижения по России, и то, что он, любящий сын и брат, старался не описывать картины тяжелого послереволюционного времени, а все внимание близких людей сосредоточил на мысли о своем скором возвращении на родину.

Моя милая, милая мама и дорогие сестры, я жив и здоров и надеюсь, что и с вами все в порядке. Одно лишь доставляет мне боль... — это страстное желание видеть вас и получить хоть какую-то весточку от вас, что вы живы-здоровы. Я полагаю, что великое испытание подошло к концу и близок час, который принесет мир народам, тебе же, дорогая мама, вернет потерянного сына. Как бы я хотел оказаться подле вас, но вы вряд ли можете себе представить, с какими трудностями это со-пряжено. И все-таки я твердо верю, что если не твои именины..., то Рождество мы уже будем праздновать вместе.

Я прилагаю к письму фотографию, и хочу вскоре прислать еще и лучшего качества...¹⁹

В заключительных словах письма особенно остро звучит ностальгия по родине, в них, как в капле воды отражены, пожалуй, главные черты словенского национального характера: «...Наше групповое фото я храню вместе со снимками, на которых мама и Адольф, Густав, а также Кирила. Они — вместе с шерстяной фуфайкой и лицом мадонны — подарком Кирилы, — все, что осталось у меня дорогого в память о вас и о родине и что я постоянно ношу с собой. Все другое пропало...»²⁰

Вернувшись в Любляну, П. Голиа начинает работать (сначала как руководитель литературной частью Словенского национального театра), пишет стихи, пьесы для детей, переводит пьесы (в том числе, русских писателей: Л. Н. Толстого «Живой труп», М. Горького «На дне» и др.) для постановки на сцене, а затем становится директором этого театра вплоть до вынужденного (под давлением оккупационных властей) выхода на пенсию в 1943 г.²¹ После окончания войны, в 1945–1946 гг., он вновь становится директором Люблянской Драмы. Как уже отмечалось, его заслуги перед национальной литературой и культурой были высоко оценены.

Пребывание П. Голиа в России (1914–1918), на первый взгляд, представляет собой лишь факт биографии, небольшой отрезок жизни сло-

венского писателя. Однако, на наш взгляд, он явился весьма значительным событием, определившим во многом его последующую творческую жизнь. Нельзя не согласиться с М. Л. Бершадской, что «...пребывание в Москве определило не только идейную ориентацию Голиа, но и его подлинное призвание; именно в Москве Голиа страстно полюбил театр, с которым впоследствии оказалась связанной вся его жизнь»²².

* * *

В нашем распоряжении находится удивительный документ, датированный ноябрем 1943 г. — письмо Й. Видмару²³. Это не просто послание другу, а поэтическое прощание с актерами театра и в то же время письмо-предчувствие. В нем — и горечь расставания с друзьями и коллегами, и, несмотря на тяжелое для словенцев время, уверенность патриота и творца в том, что дело его жизни обязательно будет продолжено в будущем.

Письмо отставного директора Драмы актерам и актрисам

...Nočoj sem taval kakor kralj ubcžni,
po zatomnjenih ulicah krog Drame,
ki dihala četrt stoljetja vame
je svoj spoj demonični in nečni.
Na nebu se je kot na sivji stepi
vzhod odražal njen profil nelepi.
V tesnobi tej jesenskega večera
privid sem mi prikaže lep in jasen.
Prijazna roka vrata mi otpira
V hram čisto nov, ponosen in prakrasen.
In bratje, veste, spet sem bil med vami
Direktor Drame v naši novi Drami.

...Сегодня ночью, как король в изгнанье, бродил я
по затмненным улицам вокруг Драмы,
Что четверть века в меня вливала
Смесь нежности и демонизма.
В небе, словно в серой степи,
Восход отражал нелепый профиль зданья.
В тоске этого осеннего вечера
Вдруг ясно я увидел чудную картину:
Нежная рука открыла мне врата
В храм совершенно новый, гордый и прекрасный.
И братья, знайте, вновь я был меж вами —
Директор Драмы в нашей новой Драме.

Примечания

¹ В 1916 г. Я. Лаврин покидает Россию, отправляется на Сербский фронт, а затем пересаживает в Великобританию. См.: *Мудрова О. В. Журнал «Славянский мир» (1908–1911) и вопросы культуры югославян // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1981. № 1. С. 34–43; Чуркина И. В. Янко Лаврин в России // На рубеже веков (Проблемы развития славянских и балканских литератур конца XIX — начала XX в.) М., 1989. С. 87–96; Чепелевская Т. И. Опыт национальной и личностной идентификации: на материале книги Я. Лаврина «В стране вечной войны (албанские эскизы)» (Петроград, 1916 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность — новые факторы консолидации. М., 2008. С. 245–255 и др.*

² *Oktobarska revolucija in slovenska literatura.* Murska Sobota, 1968.

³ *Jugoslovani v Oktobru. Zbornik spominov udelcžencev Oktobarske revolucije in Državljanske vojne v Rusiji (1917–1920).* Ljubljana, 1969. S. 602–606.

⁴ *Бершадская М. Л. Словенский театр 1918–1941 гг. и русская литература // Русская литература и зарубежное искусство. Сборник исследований и материалов.* Ленинград, 1986. С. 198–215.

⁵ *Slovenski biografski leksikon.* Zv. 2. Ljubljana, 1926. S. 228.

⁶ Там же.

⁷ *Narodna in universitetna knjižnica (NUK).* Ljubljana. Rokopisni oddelek. Fond P. Golia. Intervjuji. Ms 79. S. 3.

⁸ Речь идет о Сергее Яковлевиче Елпатьевском (1854–1933), русском писателе, публицисте, авторе книг очерков и воспоминаний о крупнейших русских писателях XIX — начала XX вв.: Горьком, Чехове, Л. Толстом и др.

⁹ NUK. Ljubljana. Rokopisni oddelek. Fond P. Golia. Korespondenca. Br. 13/73.

¹⁰ О знакомстве Я. Лаврина с П. Голиа есть немало свидетельств. Так, в частности, в письме Я. Лаврина Осипу Шесту (из Ноттингема от 22 января 1937 г.), посвященном вопросу оплаты его статьи о югославском театре, есть выразительная приписка в конце: «Прошу передать привет П. Голиа». См.: *Lavrin J. Pisma v domovino / Ur. D. Moravec.* Ljubljana, 2004. S. 74. — Однако в конце 1916 г. Я. Лаврин уезжал на фронт на Балканы, и данное предположение требует дополнительного исследования.

¹¹ *Даётите В.* Юргис Балтрушайтис. Вильнюс, 1983. С. 53.

¹² Там же.

¹³ В этом и последующих письмах фамилия Й. Косора ошибочно пишется как «Косар».

¹⁴ Архив МХАТ. Москва. Фонд Константина Сергеевича Станиславского. Переписка. № 7162.

¹⁵ Это письмо также хранится в Архиве МХАТ, фонде К. С. Станиславского под № 3248. (здесь также его фамилия ошибочно пишется как «Косар», и, кроме того, он называется «сербским поэтом»).

¹⁶ Виноградская И. Н. Жизнь и творчество К. С. Станиславского. М., 1971. Т. 2. С. 515, 519, 522.

¹⁷ См. Бершадская М. Л. Словенский театр 1918–1941 гг. и русская культура... С. 191.

¹⁸ См. об этом: Leksikon pisaca Jugoslavije. Novi Sad, 1987. Т. 3. С. 277–279.

¹⁹ NUK. Ljubljana. Rokopisni oddelek. Fond P. Golia. Korespondenca. Br. 8/88.

²⁰ Там же.

²¹ Одновременно, в 1923–1925 гг., П. Голиа работает также в драматическом театре в Осиеке и в Национальном театре в Белграде. В начале 1920-х гг. были и другие «встречи» П. Голиа с Россией, что связано и с гастролями в Любляне Качаловской группы артистов Московского художественного театра и с весьма плодотворной деятельностью на сцене Люблянской Драмы актера и режиссера Бориса Николаевича Путяты (1871–1925) и актрисы Марии Николаевны Наблоцкой (1892–1969). — См.: Ваганова Н. М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. Очерки. СПб., 2007. С. 70–89.

²² Бершадская М. Л. Словенский театр 1918–1941 гг. и русская литература... С. 192.

²³ Видмар, Йосип (1895–1992) — выдающийся словенский критик, эссеист, переводчик; в предвоенные годы редактор ряда словенских периодических изданий, с 1934 г. до начала Второй мировой войны работал в Люблянской Драме. В период Второй мировой войны был одним из создателей Освободительного фронта (ОФ) словенского народа. С 1949 г. академик Словенской академии наук и искусств, в 1952–1976 гг. — президент САНИ. Подробнее см.: NUK. Ljubljana. Fond J. Vidmarja. Korespondenca. Br. MS 1413/IV.

М. Л. Бершадская

Братко Крефт и русская культура

Братко Крефт (1905–1996) являлся «одной из самых динамичных и ярких личностей словенской культурной жизни»¹ на протяжении шести десятилетий. Им были созданы выдающиеся исторические драмы и комедии, прочно вошедшие в репертуар словенского и зарубежных театров, роман, повести и рассказы, интереснейшие научные исследования, многие из которых посвящены русской литературе и театру, и необычайно яркие критические и публицистические статьи; он был организатором «Пролетарской сцены» и выдающимся режиссером Люблянской драмы. Действительный член Словенской академии наук и искусств, он в течение шестнадцати лет (1976–1992) был ее вице-президентом, двадцать лет (1962–1982) руководил Институтом словенского языка; его по праву считают «одним из главных учредителей литературоведческой русистики в Словении»²; во многом его стараниями в Люблянском университете в 1962 г. была создана кафедра русского языка и литературы.

Крефт относится к числу писателей, начавших свою творческую деятельность на страницах журнала «Младина» (1924–1929), основателем которой был выдающийся словенский поэт С. Косовел. В их творчестве нашли отражение наиболее жгучие проблемы современности, в их произведениях звучал протест против социального гнета, вера в пролетарскую революцию. Крефт, ставший редактором «Младины» после смерти Косовела, так писал об источнике революционных настроений этой группировки:

...таковы были наши с трудом завоеванные уроки первой мировой войны, таков был в нас отклик Октябрьской революции, о которой, правда, мы не могли в полный голос ни говорить, ни писать и которая вопреки всему страстью жила в нас... Такова была наша литературная, наша политическая направленность...³

Эта «литературная и политическая направленность» совпадала с убеждениями и устремлениями многих представителей левой художественной интеллигенции, попавших под влияние социалистической идеологии. Первая мировая война и послевоенная действительность разрушили их веру в исторический прогресс и способствовали формированию тотального неприятия буржуазного общества. В первые послереволюционные годы они видели единственно возможный выход из кризиса в социалистических идеях, горячо приветствовали Октябрьскую революцию и ленинизм. Для многих из них интерес к русской революции сочетался с интересом к русской литературе и культуре. Именно так произошло и с Крефтом.

Увлечение Крефта русской литературой, революционными событиями в России сказалось в его первой драме «Соня», повествующей о революции 1905 года. В finale драмы, в сцене суда над революционерами появлялся защитник, оправдывающий их и предсказывающий грядущую победу революции. Этот защитник, по замыслу автора, должен был быть загrimирован под В. И. Ленина.

Литературным образцом для Крефта и его единомышленников стала советская литература. «Мы учились писать у советских писателей — Шолохова, Бабеля, Эренбурга, Всеволода Иванова и других. Обожали Максима Горького», — скажет позднее Крефт⁴.

После ранних драм он пишет в основном повести и рассказы. Молодость писателя, период его исканий и творческого созревания нашли отражение в романе «Непохороненные мертвцы», вышедшем в январе 1930 г. (обозначен 1929 г.) и запрещенном почти сразу после выхода⁵. Эпиграф к своему первому роману Крефт взял из «Подростка» Достоевского, но в отличие от героя Достоевского, видящего выход в страдательной христианской любви, крефтовский Леон Вук считал своим идеалом революционную Россию.

«Мы, молодежь, пришли протестовать против этой жизни, — говорит Вук. — Мы идем вперед и приветствуем вас кличем ныне свободных русских бурлаков: Эй, ухнем! Пойдем вперед!»⁶.

Тридцатые годы были наиболее плодотворным периодом в творчестве Крефта. Он по-прежнему много внимания уделяет прозе, пишет литературно-критические статьи, с 1932 по 1935 г., вплоть до запрещения редактирует журнал «Книжевность». Однако все более сильным увлечением Крефта становится театр.

В 1926—1928 гг. на страницах «Младины» была опубликована первая статья Крефта, посвященная русскому театру XIX в.⁷ По цензурным соображениям автор должен был изменить первоначальное название публикации «Русский театр в революции» на нейтральное «Русский театр», однако суть статьи — огромное уважение Крефта к русскому и советскому театральному искусству — цензуре затронуть не удалось.

Минуло немногим более двадцати лет с тех пор, как русский театр могучей поступью вышел на арену мировой художественной жизни. Он не только продемонстрировал силу своего самобытного искусства, но и принес свежесть и жизнь в Западную Европу, театр которой начал клониться к упадку; по отношению к Московскому Художественному Театру западноевропейский театр, особенно немецкий, должен испытывать большое чувство благодарности, потому что он принес ему новую жизнь, омолодил его. Ныне русский театр продолжает свое шествие, на-

чатое МХТ-ом, продолжает его, будучи обновленным той социальной революцией, которая была для всего русского искусства, в том числе и для театра, духовной революцией. Перед искусством открылись новые пути, новая жизнь, многое, что прежде томилось в оковах, вырвалось на свободу, и русский театр продолжает свое революционное шествие⁸,

— этими словами начинал свою статью молодой студент-славист Венского университета, впервые познакомившийся со спектаклями русского театра во время гастролей Камерного театра А. Таирова в Вене в сезоне 1924 / 25 г.

Подробно описывая реформаторскую деятельность крупнейших деятелей русского театра XX в.: Станиславского, Вахтангова, Таирова и Мейерхольда, опираясь на их творческие достижения, прежде всего на систему Мейерхольда, Крефт создает свою концепцию революционного театра, который, по его мнению, должен быть театром революционных масс, «массовым театром», активно включающим зрителей в художественный процесс театра.

Однако интерес Крефта к театру носил не только теоретический характер. Еще будучи гимназистом в Мариборе, он посещал Драматическую школу, которой руководил видный актер и режиссер Милан Скрбиншек, а начиная с 1921 г. неоднократно выступал в спектаклях и концертах, подготовленных силами участников этой студии.

Поздней осенью 1922 г. несколько бывших воспитанников Драматической школы совместно с группой актеров-любителей основали «Народную сцену», которая должна была стать любительской авангардной труппой... Мы хотели быть прогрессивной Народной сценой, самостоятельным и независимым театром для народа, прежде всего — для мариборских рабочих⁹.

На «Народной сцене» Крефтом был поставлено четыре спектакля, в том числе и инсценировка знаменитой новеллы «Батрак Ерней и его право» классика словенской литературы Ивана Цанкара (1876–1918).

«Батрак Ерней и его право» был последним спектаклем, подготовленным Крефтом для «Народной сцены», поскольку в руководстве труппой все большее и большее влияние приобретали представители клерикальной партии.

Год спустя, приехав на каникулы из Вены, Крефт подготовил с группой актеров-любителей драму Л. Толстого «Власть тьмы», в которой сам блестяще сыграл роль Никиты. Постановка «Власти тьмы» завершила первый этап деятельности Крефта по созданию прогрессивных любительских театральных коллективов. За ним последовал второй этап, связанный с организацией «Пролетарской сцены», открывшейся осенью

1927 г. Художественным руководителем труппы был Крефт, режиссером и организатором студии при театре — Ц. Дебевец. Позже немалый вклад в развитие этой труппы внесли режиссер Ф. Делак, ученик Э. Пискатора, и художник Л. Равников.

В условиях цензуры руководству театра оставалось прибегнуть к более гибкой репертуарной политике. Пролетарской немецкой драматургии доступ на сцену был закрыт. О постановке пьес советских авторов думать не приходилось. И рабочий театр начинает серьезно работать над русской классической драматургией. В 1929–1931 гг. на его сцене ставятся «Воскресение» Л. Толстого в режиссуре Б. Крефта, «Женитьба» Гоголя и «На дне» Горького, поставленные Ф. Петре. В ту пору обращение к русской литературе само по себе было вызовом официальной политике правительства, не говоря уже о социальном звучании таких произведений, как «Воскресение» или «На дне».

В «Воскресении» Крефт стремился сочетать глубокое психологическое раскрытие образов с элементами массового агитационного спектакля. Бытовые реалистические детали оформления, точно выдержаные в духе времени костюмы дополнялись транспарантами, символическими заставками. Спектакль имел огромный успех. Особенно много писали о Савве Севериновой, необычайно одаренной исполнительнице роли Катюши Масловой, вскоре ставшей профессиональной актрисой¹⁰.

В 1930 г. Крефт перешел в словенский Национальный театр, поставив ряд спектаклей вначале в Опере, а затем и в Драме. Опираясь на опыт советской режиссерской школы тех лет, он стремился «осовременить» старинный классический репертуар, сочетая политическую актуальность с приемами обостренной стилизации.

Первой русской пьесой, поставленной Крефтом на сцене люблянского Национального театра, стало «Преступление и наказание» Достоевского (1932). За год до этого Крефт в своей статье о великом русском писателе так определил свое отношение к его творчеству:

Хотя мы не можем согласиться с мировоззрением Достоевского, мы все же уважаем и ценим его великие произведения... Достоевский правильно предчувствовал будущее России и ее борьбу с царизмом, но сам, вероятно, не хотел в этом признаться и скорее всего умер в глубокой раздвоенности¹¹.

А в другой статье, опубликованной в театральной программе, которая была посвящена спектаклю «Преступление и наказание», Крефт выражает эту мысль еще более определенно:

Достоевский, которого официально считали консервативным автором, все-таки никогда в жизни не мог спокойно относиться к той борьбе, которую вели как против царизма, так и против буржуазного общества в целом. Прежний бунтовщик времен его студенческой молодости продолжал жить в нем, хотя и не мог полностью проявить себя¹².

С этих позиций оценивал Крефт и образ Раскольникова:

...Раскольников убивает старуху-процентщицу, ибо хочет с помощью ее денег посвятить себя борьбе за нового человека, за новую жизнь. Этот индивидуалистический поступок получает трагическое завершение и неминуемо должен был завершиться трагически, так же как завершилось все тогдашнее анархо-индивидуалистическое движение. В образе Раскольникова показана трагедия молодого интеллигента, который считает, что человеческий ум, человеческая мысль являются единственными движущими силами общества. Кроме того, роман направлен против той интелигенции, которая стремится к чему-то, не имея при этом ни реальной цели, ни ясного представления о мире¹³.

Раскольников в режиссерской трактовке Крефта и исполнении Эмиля Краля (1895–1945) искал спасения (и обретал его) не на почве добровольного религиозного смирения, а в возвращении утраченного на время мира чувств, ощущения живой связи с другими людьми.

Последовательно защищая позиции прогрессивного реалистического искусства, Крефт ставит «Лес» Островского (1936) и гоголевского «Ревизора» (1940). При этом он обнаруживает не только прекрасное знакомство с трактовкой этих пьес на русской сцене, но и стремление создать спектакли, близкие и понятные словенскому зрителю.

Стиль режиссуры исходит из стиля, в котором написана пьеса. Гоголевский «Ревизор» в основном является реалистической комедией и хотя иногда приближается к грани гротеска, однако никогда не переходит в карикатуру... «Художественники» (а до них и Малый театр) ставили «Ревизора», используя необычайно остро очерченные характеристики отдельных героев, заостряя контраст между ними до такой степени, что, по нашим словенским понятиям, это не только переходит границы комедии, превращаясь в гротеск, но и границы гротеска — превращаясь в карикатуру.

Я ни в коей степени не собираюсь принципиально возражать против этой манеры и этого стиля, поскольку русские делают это мастерски, логично и последовательно, но я придерживаюсь мнения, что та-

кой стиль невозможно перенести в словенское театральное искусство (по крайней мере, сейчас),

— писал Крефт в «Режиссерских заметках» по поводу гоголевского «Ревизора»¹⁴. Столь же самостоятельно и последовательно реалистически поставил он булгаковского «Мольера» (1935) с И. Леваром в главной роли.

Важным событием в театральной жизни стала и постановка «Миллиона терзаний» Катаева, отмеченная печатью эксперимента (1933). Эксперимент этот (разумеется, не по художественным, а по идейным соображениям) закончился арестом режиссера, но Крефт и в дальнейшем сохраняет верность своим принципам и своей любви к русской литературе.

Сколько требовалось остроумия, терпения, изобретательности, чтобы выразить хотя бы часть того, что хотелось, ибо за нами будильно следили со всех сторон, — вспоминал он впоследствии, — но остановить начавшийся процесс было невозможно¹⁵.

В своей творческой деятельности Крефт в 30-е гг. не ограничивается только режиссерской деятельностью. В этот период им созданы лучшие прозаические и драматургические произведения, тогда же он пишет свои первые статьи о русской литературе: о Пушкине, Блоке, Маяковском, но особенно много внимания он уделяет этим проблемам в послевоенные годы.

В 1952 г. выходит книга Крефта «Пушкин и Шекспир»¹⁶, так же как и его докторская диссертация, посвященная выяснению «влияния Шекспира на пушкинскую драматургию и в особенности на “Бориса Годунова”». Пушкинская драматургия привлекала внимание Крефта еще в предвоенные годы. В 1937 г., в статье к столетию со дня смерти Пушкина, он писал:

За лирикой Пушкина после его смерти признали все достоинства, за прозой — несколько меньшие, наименее справедливы были по отношению к Пушкину-драматургу. Еще до сих пор Пушкин-драматург недостаточно известен за пределами России, так что каждый при упоминании о Пушкине думает только о его лирике¹⁷.

Поэтому большая часть статьи Крефта посвящена пушкинской драматургии и особенно «Борису Годунову», которого Крефт называет «пограничным столбом русской драматургии». Несмотря на то, что окончательный вывод Крефта («Влияние Шекспира на Пушкина оказывается поверхностным в силу глубокого различия их художественного склада») вступает в противоречие с его же собственными рассуждениями о той роли, которую сыграл Шекспир в отказе Пушкина от классицистических требований единства времени и места действия, в обращении Пушкина к реалистическому изображению характеров, несмотря на то, что

формулировка «Стиль барокко романтического шекспировского театра» может вызвать возражения, работы Крефта о пушкинской драматургии, богатые верными и оригинальными мыслями и наблюдениями, представляют значительное явление в зарубежной литературе о Пушкине.

За «Пушкиным и Шекспиром» последовала книга «Портреты» (1956), явившаяся в какой-то мере итогом сделанного Крефтом к этому времени в литературоведении. В эту книгу входят двенадцать статей, посвященных творчеству писателей разных национальностей, разных времен, разных направлений, но в основном она построена на материале русской литературы, ибо из двенадцати статей восемь посвящены творчеству русских и советских писателей: кроме А. С. Пушкина и М. А. Шолохова, в ней говорится о И. А. Гончарове, И. С. Тургеневе, А. Н. Островском, А. П. Чехове, М. Горьком и Л. Н. Толстом.

«Портреты» — итог глубоких раздумий автора над проблемами соотношения жизни и искусства, формы (о которой Крефт говорит, что «она в равной мере есть тайна и жизни и искусства») и содержания.

Крефт стремится разрешить вопросы, имеющие большое теоретическое значение: о законах драматургии, о месте в истории литературы различных литературных стилей (романтизма, реализма, патурализма). Для выяснения этих вопросов Крефт нередко пользуется сопоставлением художников разных национальностей и разных эпох: Шекспира и Пушкина, Шекспира и Чехова и т. п.

Вместе с тем надо отметить, что стремление к разрешению подобных важных теоретических проблем никогда не заслоняет у Крефта внимания к фактам. Отличное знание материала позволяет ему написать точные портреты замечательных мастеров русской литературы. Создаваемые Крефтом они глубоко индивидуализированы. В этом отношении очень характерны его размышления об отличии Пушкина от Лермонтова: «Может быть, Лермонтов более тонкий лирик, нежели Пушкин, об этом еще стоит подумать и поговорить; но именно поэтому мир Лермонтова уже; Пушкин — это великан, который несет на своих плечах огромный мир, еще более вырастая в последующих поколениях»¹⁸. Трудно сказать, чей портрет более точен и выразителен: Пушкина ли, «этого дворянина и стихотворца, вопреки своей каждодневной жизни доказавшего своими произведениями, что он мужественно вступил в ряды русского народа, ибо хотел быть человеком и поэтом»¹⁹, Гончарова, чье творчество — «спокойно горящий огонь, который постоянно светит во тьме, сейчас ничуть не менее ярко, чем прежде»²⁰, — или Тургенева, который «был западником, но русским не переставал быть никогда. Русским в том передовом, национальном и мировом понимании, какими были Петр Великий, Пушкин»²¹.

Однако значение статей Крефта не исчерпывается созданием этих портретов. Статьи о русской литературе охватывают гораздо больший круг явлений, чем это можно предположить, исходя из их названий. Крефт никогда не отрывает творчество писателя от эпохи, от творчества его предшественников и современников. Поэтому в его статьях появляются портреты писателей, имен которых мы не встретим в оглавлении. Так, нет отдельной статьи, посвященной творчеству Достоевского, однако к восьми портретам, созданным Крефтом, мы смело можем присоединить и этот. Достоевский вообще пользовался особой любовью Крефта, его творчеству он посвятил четыре отдельных статьи. Он же был инициатором публикации «Избранных произведений Ф. М. Достоевского» в 11 томах, опубликованных в 1957–1972 гг. и был редактором этого издания. Особый интерес представляет вступительная статья к роману «Бесы». Написанная в 1960 г., она содержит такое толкование этого произведения, к которому мы подошли только сейчас.

Крефт внес свой вклад и в изучение словенско-русских связей. Здесь прежде всего следует упомянуть его доклад на IV Международном съезде славистов в Москве (1958) «Фрагменты из истории словенско-русских связей» и очень интересную статью «Иван Цанкар и русская литература», опубликованную в сборнике «Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX — начало XX века» (М., 1975).

Еще одной очень важной страницей творческой биографии Крефта является создание драмы «Баллада о поручике и Марютке» (1958) по мотивам рассказа Б. Лавренева «Сорок первый». Интересна сама история написания «Баллады». Крефт пишет:

Я не помню, каким образом попала ко мне в руки 25 лет назад книга: B. Lavrenjev. Der Einundvierzigste. изданная берлинским Verlag der Internationale в 1928 году. Советская русская литература в основном попадала к нам нелегальным путем, так как особым указом в старой Югославии были запрещены все книги, напечатанные на территории Советского Союза. Как и все такие книги, я прочел ее одним духом и отнес к писателю Ивану Вуку. Вук был ярым переводчиком новейшей русской литературы, распространявшим ее как только можно. Вспоминаю, что, уже начав перевод, он получил подлинник на русском языке... Еще во время того, как Вук был занят переводом, мне пришла в голову мысль драматизировать повесть, поразившую меня как напряженностью действия, так и гуманизмом, заключенным в ней. Из-за острых столкновений с цензурой я отказался от драматизации, ибо нигде не смог бы поставить пьесу²².

Прошло более двадцати лет. В 1956 г. Югославию посетила делегация советских писателей, в состав которой входил Лавренев. Тогда-то и произошло знакомство Крефта с Лавреневым и разговор, в котором Крефт упомянул о своем давнем замысле. «Выполните его сейчас, когда прежних преград уже нет, — посоветовал Лавренев. — Как раз сейчас у нас делают звуковой фильм. А задолго перед войной был сделан немой, которого вы, вероятно, не видели»²³.

Этот разговор не давал Крефту покоя. Наконец, в мае 1958 г. драма была кончена, но он никому не показывал ее, желая прежде узнать мнение Лавренева. В августе–сентябре Крефт участвовал в IV Международном съезде славистов в Москве, но Лавренев был тяжело болен, и встреча не состоялась. В скором времени он умер. Свою «Балладу о поручике и Марютке» и постановку ее на сцене Крефт посвятил памяти Лавренева.

«Баллада» свидетельствовала о том трудном периоде духовной жизни Крефта, когда он — как и многие другие левые интеллигенты, приветствовавшие революцию, осознал ее трагизм, увидел ее новое, тоталитарное обличье. Он не смог написать об этом открыто и воспользовался рассказом Лавренева. «“Балладу” включили в репертуар семь наших театров, — писал Крефт автору настоящей публикации. — Разумеется, ее не примут догматики, она адресована людям, имеющим сердце и пытающимся понимать окружающих, даже если они думают иначе»²⁴.

Быть инакомыслящим, думать независимо от того, что предписано свыше, было духовным императивом Крефта. В 20-е гг. он защищал принцип революционного долга литературы, а в 30-е, когда многие югославские литераторы-коммунисты вслед за советскими рапповцами требовали беспрекословного подчинения искусства идеологии, вместе с виднейшим хорватским писателем М. Крлежей боролся за сохранение автономии искусства внутри революционного движения. В титовской Югославии он — при всем внешнем благополучии — был слишком большим русофилом. В 1958 г. в Москве югославские участники съезда славистов шутили: «За Братка нема повратка» («Братко домой не вернуться») — и трудно было понять, чего в этой шутке больше: констатации крефтовской любви к России или опасения за участь коллеги.

Однако при всей своей любви к Советскому Союзу в 1968 г. он выступил с протестом против введения советских войск в Чехословакию...

В 2005 г. Словения отметила 100-летие со дня рождения Братко Крефта. В Любляне прошел симпозиум, посвященный его творческой деятельности. Он показал, как много сделал Крефт для словенской культуры, какой большой вклад внес он в изучение русской литературы и культуры, с которой была связана его долгая и необычайно плодотворная жизнь.

Примечания

¹ *Gantar K.* Bratko Kreft // Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razpavec. Dissertationes. XVIII. Ljubljana, 2005. S. 75.

² *Skaza A.* Prispevki Bratka Krefta k popularizaciji in nedogramatičnemu razumevanju F. M. Dostoevskega // Ibid. S. 100.

³ *Kreft B.* Povesti iz nekdanjih dni. Ljubljana, 1950. S. 7.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Название романа переводится и как «Человек среди черепов», напр.: *Созина Ю. А.* Словенский писатель и ученый Братко Крефт и его Россия // Россия в глазах славянского мира. М., 2007. С. 252–263. — Прим. ред.

⁶ *Kreft B.* Človek mrtvaških lobanj. Ljubljana, 1929. S. 286.

⁷ Позже, в 1938 г., Крефт опубликовал в журнале «Люблянски звон» очерк «Всеволод Мейерхольд». В 1963 г. статьи «Русский театр в революции», «Всеволод Мейерхольд» и «Театр и французская революция» были объединены в книгу «Театр и революция».

⁸ *Kreft B.* Rusko gledališče v revoluciji // *Kreft B.* Gledališče in revolucija. Ljubljana, 1963. S. 58–59.

⁹ Prvi gledališki koraki dr. Bratka Krefta // Dokumenti Slovenskega Gledališkega Muzeja. 20. Ljubljana, 1972. S. 146.

¹⁰ *Ваганова Н. М.* Словенский пролетарский театр (1920–1935) // Искусство, революций призвание: Октябрь и развитие искусства в странах Восточной Европы 1920–1930-х гг. М., 1972. С. 170–171.

¹¹ *Kreft B.* Proti vetru — za vihar. Maribor, 1965. S. 60, 62.

¹² *Kreft B.* Dramaturški fragmenti. Ljubljana, 1965. S. 59.

¹³ Там же. С. 58.

¹⁴ *Kreft B.* Dramaturški fragmenti. S. 173.

¹⁵ *Kreft B.* Proti vetru — za vihar. S. 10.

¹⁶ *Kreft B.* Puškin in Shakespeare. Ljubljana, 1952.

¹⁷ *Kreft B.* Portreti. Ljubljana, 1956. S. 121.

¹⁸ Там же. С. 151.

¹⁹ Там же. С. 152.

²⁰ Там же. С. 178.

²¹ Там же. С. 227.

²² *Kreft B.* Balada o poročniku in Marjutki. Maribor, 1960. S. 96–97.

²³ Там же. С. 97.

²⁴ Из письма Б. Крефта от 27 декабря 1960 г.

Скульптура дракона в Любляне, на мосту
перед рыночной площадью

Ф. Прешерн и муз.

Монумент в Любляне

inслав

III. ФИЛОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

E. E. Левкиевская

Словенская мифология на пограничье традиций

Любой исследователь словенской традиции в своих попытках составить ее типологическое описание сталкивается с одной весьма сложной проблемой. Дело в том, что словенская народная культура решительно не желает вписываться в те рамки южнославянской традиции, к которой она принадлежит согласно научной классификации. Впрочем, в рамки западнославянской традиции, с которой словенская культура непосредственно соседствует и влияние которой она всегда на себе ощущала, она также не вписывается. Феномен словенской традиции определяется ее многовековым существованием на перекрестке культур. Генетически принадлежа по языку и происхождению к южному славянству, словенский народ формировал свою культуру под воздействием многих разнородных влияний — балканских, европейских, западнославянских, карпатских, — которые наславаясь на общеславянскую основу и отчасти сохраняя южнославянскую специфику, образовали тот «портрет» словенской народной традиции, который, если вспомнить слова Е. А. Боратынского, отличается «лица не общим выражением». Это касается всех слоев словенской традиции — круга календарных обрядов и верований, корпуса текстов народной магии, системы мифологических персонажей.

Это «не общее выражение лица» словенской мифологии, которое отмечается всеми исследователями, определяется тем, что, с одной стороны, она содержит практически весь корпус архаических общеславянских сюжетов и верований о вампире, волколаке, ходячем покойнике, являющемся к своей невесте (сюжет «Леноры» Г. Бюргера), море, душающей по ночам спящих людей, демонах, происходящих из некрещеных детей, подменышах, которых оставляет матери демоническое существо, забирая себе ее ребенка. Но с другой стороны, эта традиция представляет со-

бой синтез южнославянских диалектных особенностей и специфических черт, характерных для западнославянской мифологической системы. В самом деле, в словенских мифологических представлениях типичные южнославянские женские демоны *вилы*, демоны судьбы *судженицы*, опекающая дом *домашняя змея* легко соседствуют с характерными для западнославянской традиции *блуждающими огоньками*, *диким охотником*, духом-обогатителем *господарчиком*, водяным демоном, утаскивающим людей в воду. Таким образом, словенская мифологическая система в генетическом плане представляет собой синтез архаического круга верований с позднейшими инновациями и заимствованиями, а в типологическом плане — «сочетание не сочетаемого» — южнославянских и западнославянских родовых черт.

Первое крупное и классифицированное собрание словенской мифологии появилось достаточно поздно — в 1930 г. Это ставшая классической работой Яакова Келемини «Сказки и предания словенского народа с мифологическим уклоном», которая для истории словенской фольклорной и этнографической мысли является тем, чем для русской науки был труд А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». В этой книге наряду со сказками и этиологическими легендами содержался большой корпус демонологических представлений, почерпнутых Келеминой из этнографических и фольклорных журналов второй половины XIX — начала XX вв. Ценнейшим источником народных верований являются издания экспедиционных фольклорных материалов из разных областей Словении, которые регулярно выходят со второй половины XX в. в серии «Крестьянский голос» (*Kmecki glas*) — к настоящему времени выпущено более 27 книг, позволяющих судить о состоянии современной словенской традиции и эволюции, произошедшей с начала XX в.¹

На фоне других славянских традиций словенская мифология кажется стороннему наблюдателю не совсем типичной и даже несколько экзотичной. На первый взгляд представляется, что она находится немного в тени своих более сильных и развитых «родственников» по южнославянскому семейству — болгарской и сербской мифологических систем. Но при более близком знакомстве со структурой словенских мифологических верований обнаруживается, что это мнение ошибочно — словенская мифология обладает всеми чертами самостоятельной и хорошо сформированной системы. Она содержит три основных составляющие, характерные для любой славянской мифологии — во-первых, круг самых древних мифологических представлений, имеющих общеславянскую основу и восходящих к периоду праславянского единства, во-вторых,

более поздние по своему происхождению «родовые» черты принадлежности национальной традиции к одной из трех основных ветвей славянства — восточной, западной или южной — и наконец, в-третьих, круг заимствований, сформировавшихся под влиянием соседних неславянских традиций в разные периоды развития культуры и в соединении с первыми двумя элементами определяющий индивидуальное лицо национальной традиции. Естественно, в одной статье невозможно одинаково подробно рассмотреть сложный и пестрый узор, который образует ткань словенской народной культуры и который своими многочисленными нитями связан с сопредельными традициями — славянскими и западноевропейскими. Поэтому в рамках данной статьи мы сосредоточимся на некоторых, наиболее характерных мифологических мотивах и сюжетах, которые являются теми «нитями», что связывают словенскую мифологическую систему с общеславянской.

Первый, самый древний общеславянский мифологический слой представлен в любой славянской мифологии примерно одним и тем же корпусом мифологических сюжетов и образов, прежде всего, связанных с центральным для славянских традиций представлением о делении всех умерших на «чистых» и «нечистых» покойников. К числу первых относятся люди, изжившие свой срок жизни, умерших правильной, естественной смертью и похороненных в соответствии с правилами погребального обряда. К числу вторых — люди, умершие неестественной смертью (висельники, утопленники, умершие от ран, дети, загубленные своими матерями или умершие без креста и т. д.), погибшие раньше срока, определенного им свыше (например, умершие от ран или убитые на войне) или похороненные с нарушением погребальных норм. «Чистые» покойники, принадлежащие к кругу почитаемых предков, послужили основой для домашних духов — опекунов дома и покровителей семьи (в русской традиции к этому числу принадлежит всем известный домовой, в словенской — домовая змея). «Нечистые» покойники не знают успокоения после смерти и в облике опасных демонов нападают на человека. Из их числа происходят вампиры, ходячие покойники, демоны, происходящие из душ некрещеных детей, и другие вредоносные существа. Все эти весьма древние образы, восходящие к праславянской эпохе, присутствуют в словенской традиции. Прежде всего это касается поверий о домашних персонажах, происходящих из душ предков. В Словении, как и в других славянских традициях известны чрезвычайно архаичные представления о домовой змее — охранительнице и покровительнице дома, происходящей из души предка данного рода. Часто ее называют домашним ужом. Такая змея, не видимая в обычное время, живет под порогом дома или

под печью — в пограничных пространствах, соединяющих мир живых с миром мертвых. Если убить такую змею, умрет хозяин дома или кто-то из домочадцев. Верили, что присутствие в хозяйстве домашней змеи обеспечивает хороший вод и молочность домашнего скота. Змея обычно выбирает себе любимую корову, у которой сосет молоко, обвившись вокруг ее задней ноги. Убийство змеи приводит к смерти этой коровы (а нередко — и всего скота). В современных словенских верованиях также сохраняется древний сюжет о том, как змея сосет корову². Одной из постоянных характеристик домашней змеи является ее пристрастие к молоку и связь с маленькими детьми — когда мать наливает детям молока или дает им молочную кашу, домашняя змея, дождавшись, когда уйдут взрослые, вылезает из своего укрытия и пьет с детьми молоко из одной чашки или ест вместе с ними молочную кашу³. Этот мотив связывает словенскую традицию не только с западнославянской, для которой также характерны подобные представления, но и с восточнославянскими традициями — белорусской, украинской и южнорусской, где известны подобные представления о домашнем уже вместе с детьми пьющем молоко.

Что касается демонов, происходящих из «нечистых» покойников, то в словенской традиции они представлены в первую очередь вампирами, представления о которых носят общеславянский характер. Вампир после смерти встает по ночам из гроба и приходит к своей жене, с которой может вступать в супружеские отношения. Во многих быличках рассказывается о детях, рожденных от связи с вампирами. Однако, сохранив общие типологические черты в представлениях о таких существах, словенская традиция обнаруживает свои диалектные особенности. У всех славян люди, рожденные «в рубашке», т. е. в околоплодном пузыре, наделяются сверхъестественными чертами. У восточных славян, например, таким людям приписываются особая удачливость и счастье в жизни (ср. известное выражение: «В рубашке родился»); у западных и южных славян, напротив, таким людям присваивают демонические черты, в частности, у чехов и сербов считалось, что девочка, рожденная «в сорочке» становится *морой* — демоническим существом, которое в виде ночного кошмара душит по ночам людей. Словенцы таким людям приписывали способность после смерти превращаться в вампиров — черта, не встречающаяся в других традициях. Чтобы рожденный «в рубашке» после смерти не вставал из гроба и не вредил людям, перед погребением следовало зашить ему высушенную «рубашку» под мышкой, а в рот вставить шип боярышника.

Среди других представлений о «ходячем» покойнике в словенской

традиции зафиксирован общеславянский сюжет о мертвом женихе⁴, который, впрочем, выходит за границы славянского ареала и известен во многих западноевропейских традициях, в частности, в немецкой, откуда, как можно предположить, он и был заимствован в словенскую культуру⁵. Этот сюжет получил широкое распространение в художественной литературе благодаря литературной обработке немецкого романика Г. Бюргера в его знаменитом стихотворении «Ленора» (на русский язык этот текст перевел В. А. Жуковский, сделав его известным фактом русской поэзии). В сюжетах такого рода возлюбленный надолго покидает девушку, отправляясь на войну или по делам на чужую сторону, где и погибает. Девушка, не веря в смерть жениха или ничего не зная о ней, продолжает его ждать. В одну из лунных ночей она видит своего жениха, подъехавшего на коне к ее крыльцу. Жених предлагает девушке уехать с ним в его новый дом, где, как он обещает, они больше никогда не расстанутся. Обрадованная девушка сначала не видит в этом ничего подозрительного и охотно соглашается уехать с возлюбленным. Но когда он привозит ее на кладбище, подводит ее к открытой могиле и приказывает ей спуститься туда, она наконец понимает, что имеет дело с мертвцом. Чтобы дотянуть время до первых петухов, когда потусторонние силы теряют свою власть, она объясняет жениху, что ей сначала нужно спустить в могилу свое приданое, которое она захватила с собой. Она бросает в могилу по одной вещи сначала приданое, а затем собственную одежду и таким образом дожидается крика петуха, после чего жених падает в могилу мертвым. В одних вариантах девушка благополучно возвращается домой, в других она умирает от пережитых потрясений.

Словенцам также был известен другой тип неуспокоенных покойников, встречающийся у всех славян — *mauve*, или *mouje* (из праславянского **nauj* ‘мертвец’) — души некрещеных детей, которые в облике птиц носятся в воздухе и жалобно пищат, требуя, чтобы люди их окрестили. Эти существа особенно опасны для рожениц и новорожденных детей, которые, услышав их крик, могут заболеть и даже умереть.

Представления о душах «нечистых» покойников, продолжающих странствовать по земле после смерти, сохраняются в современных словенских верованиях. Эти души показываются ночью на дороге запоздалым путникам и пугают их своим видом и криками. В одном из рассказов человек, возвращавшийся ночью из соседнего села видит душу умершего, которая едет по дороге на велосипеде и везет на плечах бревно. В другой быличке душа ходячего покойника неотступно следует за человеком и просит: «Подожди меня! Подожди меня!»⁶.

Второй слой мифологических верований, характерных для словенской мифологической системы, сформировался в более позднюю эпоху развития славянства, когда оно уже успело разделиться на три основные языковые группы — восточную, западную и южную, — к последней и принадлежит словенская традиция. Именно принадлежность к одной из этих трех групп сообщает национальной культуре те общие типологические черты, которые определяют «портретное» сходство культур, родственных по данной языковой группе и отличают их от более далеких «родственников», принадлежащих к другим языковым группам. Взятые вместе эти «портретные» черты (обычно их называют диалектными особенностями) составляют мифологическую систему, типологически общую для национальных традиций одной группы, позволяющую их узнавать и отличать от других традиций, не принадлежащих к данной группе. Все это можно сравнить с семейной фотографией, на которой легко выделить членов семьи, связанных кровным родством — все они, несмотря на свою индивидуальность, обладают общими для них фамильными чертами, отличающими их от других лиц, не принадлежащих к данному роду.

Несомненной фамильной чертой, подчеркивающей принадлежность словенской культуры к южнославянскому кругу, является представление о демонах судьбы — *судженницах* (по-словенски они называются *Sojenice* или *Rojenice*), которые в виде трех красивых женщин приходят ночью в дом, где только что родился ребенок, и нарекают ему судьбу. Каждая из судженниц предлагает свой вариант судьбы новорожденного, но обязательно исполняется тот, который нарекает третья из них. Избежать нареченной судьбы невозможно никакими способами. Согласно одному из наиболее распространенных сюжетов, известных как словенцам, так и всем южным славянам, судженицы предрекают, что ребенок утонет, когда ему исполнится двенадцать лет. Отцу удалось подслушать предсказание судженниц, поэтому, когда ребенку исполнилось двенадцать лет, родители тщательно следили за ним и не подпускали его к воде. Ребенок каждый день посещал церковную службу. Когда подошел момент, чтобы ему умереть, он подошел к чаще со святой водой, опустил туда голову и умер, как и предсказали судженицы⁷.

Характерной чертой словенской традиции, как и всей южнославянской мифологии, является комплекс представлений о *вилах* (в разных местах балканского ареала их еще называют *самовилами* или *самодивами*) — демонических существах, имеющих вид необыкновенно красивых молодых женщин, обитающих в горных лесах и заманивающих

к себе охотников, лесорубов и пастухов, пасущих скот на горных полянах. Эти существа обладают способностью летать, они любят музировать, петь и танцевать на склонах гор, купаться в источниках, а также обладают даром ясновиденья и мудрости. Как полагают исследователи, представления о вилах являются южнославянской переработкой греческих представлений о духах природы — нимфах. Среди многочисленных и хорошо разработанных сюжетов, связанных с вилами, существуют и такие, которые объединяют южнославянскую мифологию с верованиями карпатских украинцев, что позволяет включить словенскую традицию в единый балкано-карпатский ареал. В южнославянских поверьях часто рассказывается о том, что простой человек может вынудить вилю выйти за него замуж. Для этого он должен украсть у нее одежду, крылья, пояс или другой атрибут, в котором заключена ее волшебная сила. Обычно это происходит во время ее сна или купанья. Вила становится покорной воле этого человека и соглашается выйти за него замуж, но обычно ставит условие — если ее муж нарушит определенный запрет (например, называть ее вилой) или она сможет вернуть себе свой волшебный атрибут, она снова становится свободной и может покинуть мужа. Как правило, после короткого срока счастливого брака, в котором вила рожает своему мужу ребенка, происходит нарушение поставленного условия — или муж забывает установленный запрет, или она находит свой атрибут тщательно спрятанный мужем. После чего она навсегда уходит из семьи, на прощанье дав мужу ценные наставления, касающиеся ведения хозяйства, ухода за скотом, сроков сева, которые позволят ему существовать благополучно⁸. В словенской традиции также известен подобный сюжет: крестьянский парень видит прекрасную девушку, спящую на солнце, — это была вила. С помощью веток он создает тень, чтобы ей не напекло голову. Проснувшаяся вила соглашается выйти за него замуж, но требует, чтобы он никогда не произносил ее имени. В течение года они живут благополучно — у них рождается ребенок, а благодаря ее мудрости и провидческому дару, их хозяйство процветает. Однако муж случайно, забыв о запрете, называет ее вилой, и она навсегда исчезает, оставив ему новорожденного ребенка⁹. На украинских Карпатах аналогичный сюжет связан с похожим женским существом, который называется *дикой бабой* (а также *перелестницей*, или *литавицей*), которая обладает всеми чертами южнославянской вилы — необычной красотой, способностью летать, любовью к музыке и пению, а также даром ясновиденья. Будучи вынужденной выйти замуж за простого смертного, она рожает ему ребенка, но покидает его, как только он нарушает запрет задавать вопросы¹⁰. Таким образом, этот сюжет является одной из

нитет, связывающих словенскую традицию не только с балканским, но и карпатским ареалом.

Как уже говорилось, южнославянские черты словенской мифологии смешиваются в ней с западнославянскими мотивами. Среди корпуса характерных западнославянских рефлексов, проникших в словенскую мифологию, выделяются представления о блуждающих огоńках (*svečniki*), которые в виде светящихся искр в полночь бегают по полям. Часто их видят в период святок. Это души тех землемеров, которые при жизни неправильно устанавливали полевые межи и за это после смерти вынуждены по ночам блуждать по этим полям в виде свечек или ярких огоńков и мерить землю, которую при жизни измерили неправильно. Блуждающие огоńки, встретив человека, задают ему какой-либо вопрос, на который надо вежливо ответить, тогда не знающая успокоения грешная душа землемера будет спасена и прощена Богом¹¹.

Еще одним мифологическим сюжетом, связывающим словенскую традицию с западнославянской, является представление о диком или ночном охотнике. В западнославянских быличках, особенно у поляков и лужичан, встречается мотив «дикой» или «ночной» охоты, заимствованный из западноевропейской мифологии: мимо человека, заночевавшего в лесу, со свистом и криками проносится на конях группа охотников в богато убранных одеждах — они оказываются или чертями, или душами тех охотников, которые так любили этот промысел, что охотились по воскресеньям и поэтому после смерти вынуждены носиться по лесам, искупая свой грех. Такой персонаж обычно у поляков называется *dziki strzelec*, *nocny hajnik* или *nocny jagar* и появляется в полночь в охотничьем костюме. Подобные представления о грешном, забывшем Бога охотнике известны и словенцам, у которых он носит имя *nočni jager* или *nočni lovec*¹².

Пожалуй, самым интересным для нас является то, что в словенской мифологии обнаруживается ряд сквозных диалектных мотивов, фиксирующихся в разных частях восточнославянской территории — на Карпатах, в Полесье, на Русском Севере. Сквозные мотивы связывают такие, казалось бы, далекие друг от друга мифологические традиции, как словенская, полесская и севернорусская. Например, к их числу относится мотив, связанный с подменой детей мифологическим существом. В словенской традиции этот мотив связывается с демоном по имени Шкопняк (*Skorpjak*). Считалось, что если мать оставляет новорожденного ребенка без присмотра (например, отправляясь работать на поле, оставляет колыбель с ребенком на меже), его может забрать Шкопняк, а в колыбель подложить своего подменыша, отличающегося

непомерно большой головой. Чтобы вернуть себе ребенка, мать должна взять ореховый прут-однолеток (ветку, выросшую за один год) и что есть силы бить им подменыша, несмотря на его крики. Тогда появится демон, укравший ребенка, бросит матери ее настоящего младенца и скажет: «Я за твоим ребенком так хорошо ухаживал, а ты моего бьешь. На тебе своего»¹³. Этот же мотив у поляков связан с *богинками* (их еще называют *мамунами*, или *дивоженами*), на украинских Карпатах — с *дикой бабой*, или *поветрулей*, на Русском Севере — с *банником* или с другим демоном, обитающим в бане, — *обдериходой*. Но, несмотря на разницу персонажей, сам мотив остается неизменным в своих основных деталях: подложенного демоном подменыша нужно бить каким-либо ритуально маркированным предметом (ореховым прутом, березовыми розгами, новой метлой и т. д.). В результате демон, появляющийся на крики своего чада, возвращает матери ее ребенка со словами типа: «На тебе твое. Бей свое, не мое». Этот пример показывает, что родство мифологических систем во многих случаях обнаруживается не на уровне мифологических образов, которые зачастую являются довольно поздними образованиями, сильно отличающимися в разных традициях, а на уровне гораздо более архаичных элементов — мотивов, которые, как нити, связывают некогда единое славянское мифологическое пространство. Тогда как мифологический персонаж в этом случае представляет собой что-то типа легко сменяемого ярлыка, обозначающего мотив, который гораздо древнее своего мифологического образа.

Еще один сквозной мотив в словенских поверьях связан с Дикой девой (*Divje dekle*), которая воспринимается как разновидность вилы. Дикая дева обитает в водоемах и затачивает туда людей. Перед тем, как кому-либо предстоит утонуть в реке или озере, оттуда раздается голос: «Пора пришла, а человека нет!» Иногда прямо указывается имя того, кто должен утонуть: «Пора пришла, а Ивана нет!» Во многих случаях человек, услышавший этот голос, легкомысленно игнорирует предупреждение, лезет в воду, чтобы перейти реку вброд или искупаться и, разумеется,тонет¹⁴. Этот мотив хорошо известен в западнославянской традиции, где он связывается с образом водяного и содержит все типичные детали повествования о том, как человек, предназначенный водяным в жертву, не может избежать своей участи, как бы окружающие не пытались предохранить его от гибели. Несмотря на принятые меры, человек погибает даже от капли воды (в луже, на крышке колодца, выпив пива и под.). Этот же мотив известен на Русском Севере и в Полесье, где он также соотносится с водяным. Согласно полесским рассказам, перед тем, как утопить человека, водяной показывается по

пояс в воде и восклицает: «Пришла пора, человека нэма!» Через некоторое время к реке приходит человек, чтобы напоить коня, падает в воду и тонет¹⁵. Можно предположить, что данный мотив не является принадлежностью собственно славянской традиции, поскольку известен и в других европейских мифологиях, в частности, в финской, где дух воды кричит: «Час пробил, но человек не идет!», после чего в этом месте кто-нибудь захлебывается¹⁶.

Стоит упомянуть еще о двух сквозных мотивах, соединяющих словенскую, карпатскую и полесскую мифологические системы и касающихся поверий о змеях. Один из них связан с представлениями о существовании среди змей самой главной змеи — змеиной царицы (или царя), отличающейся от обычных змей своими большими размерами, белым цветом и золотой короной на голове, которая в разных вариантах сказаний заменяется золотыми рожками или драгоценным камнем. Тот, кто добудет этот атрибут змеиной царицы, будет всю жизнь необыкновенно счастлив и богат. Добыть его можно с помощью специальных магических приемов и то с опасностью для жизни. Один ловец змей пришел к скале, на которой обитала белая змея вместе с другими змеями, и с помощью орехового прута-однолетка начертил охранительный круг, в середине которого оказался сам. На его свист стали сползаться змеи и класть головы на границу круга. Когда приползла белая змея, она также положила голову на эту черту, но ударила ловца своим хвостом и вышибла его из круга. Если бы ему на помощь не пришел его товарищ, змеи бы убили его¹⁷. Данный сюжет хорошо известен на украинских Карпатах, где полагали, что камень, находящийся на голове у змеиного царя, змеи выдывают сами из собственной слюны. Ареал распространения поверья о змеином царе и его необыкновенной короне тянется на восток, занимая все Полесье, где считалось, что свою корону (иногда она заменяется золотыми рожками) змеиный царь сбрасывает раз в году. Если подкараулить этот момент и расстелить перед царем змей полотенце, освященное на Пасху, тот сбросит корону прямо на полотенце, и тогда ее можно забрать. Как видно из приведенных примеров, это еще один сюжет, который связывает словенскую традицию с восточнославянской.

Приведенный в настоящей статье материал, безусловно, далеко не полностью отражает всю систему словенской мифологии, но он дает представление об особенностях и сложной организации этой традиции, сохранившей и древний слой общеславянских верований и гораздо более поздние мифологические элементы, закрепившиеся в ней под влиянием соседних традиций.

Примечания

¹ Ср., в частности, одну из книг этой серии: *Duša na bicikli: folklorne pripovedi iz Brkinov, doline Reke in okolice / Zbiratelja: N. Kerševan, M. Krebelj. Ljubljana, 2003.* 310 s.

² Там же. С. 75.

³ *Kelemina J. Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitoloskim uvodom. Ljubljana, 1997.* S. 114.

⁴ Там же. С. 129–133.

⁵ Созонович И. «Ленора» Бюргера и родственные ей сюжеты в народной поэзии, европейской и русской. Варшава, 1893.

⁶ *Duša na bicikli... S. 106–107.*

⁷ *Kelemina J. Bajke in pripovedke... S. 137–138.*

⁸ Чайкановић В. Стара српска религија и митологија. Београд, 1995. С. 245.

⁹ *Kelemina J. Bajke in pripovedke... S. 159–160.*

¹⁰ Яворский Ю. А. Памятники галицко-русской народной словесности. Киев, 1915. Вып. 1. С. 257–259.

¹¹ *Kelemina J. Bajke in pripovedke... S. 123.*

¹² Там же. С. 123–124.

¹³ Там же. С. 136.

¹⁴ Там же. С. 164.

¹⁵ Левкиевская Е. Е., Усачева В. В. Полесский водяной на общеславянском фоне // Славянский и балканский фольклор. М., 1995. С. 164.

¹⁶ Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991. С. 154.

¹⁷ *Kelemina J. Bajke in pripovedke... S. 117–118.*

Л. В. Куркина

Лексическая общность словенского и восточнославянских языков на материале земледельческой лексики

С 1961 г. в Москве в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН ведется работа над «Этимологическим словарем славянских языков». Концепция словаря разработана академиком О. Н. Трубачевым. В настоящее время вышло из печати 35 выпусков (*A-orz-*). В задачи словаря входит реконструкция словарного состава исходной для всех славян языковой системы применительно к эпохе начала славянских ми-

граций V–VI вв. Вторая задача — этимологизация лексики, включенной в исходный словарный фонд. Словарь построен на использовании лексических материалов всех славянских языков, в том числе и словенского языка. Лексика словенского языка является одним из важнейших источников наших знаний о древнем словарном составе славянских языков. При работе с лексикой мы учитываем специфику каждого языка, особенности его развития, обусловленные культурно-историческими причинами. Исследуя лексику словенского языка, мы исходим из разработанной академиком Ф. Безлаем идеи об особой архаичности словенского языка, занимающего крайнюю юго-западную периферию славянского языкового пространства и сохранившего много архаичных явлений в лексике. Основным источником словенской лексики стал «Словенско-немецкий словарь» М. Плестершика и многочисленные диалектные словари. На начальном этапе в изучении словенского материала большую помощь нам оказывал академик Безлай. В Москве и в Любляне он знакомил нас со своими рукописными материалами, консультировал по интересующим вопросам. Мы постоянно чувствовали его внимание, интерес к нашей работе. В дальнейшем мы работали в постоянном контакте с Институтом словенского языка Фр. Рамовша, Люблянским университетом. Неоценимую помощь оказывает С. Торкар, снабжая нас новейшей литературой, диалектными материалами, опубликованными в недоступных для нас изданиях. И за это мы очень благодарны словенским коллегам.

В чем значение словенского языка, что дает словенская лексика для реконструкции древнего словарного состава? Как показал в своих работах академик Безлай, словенский язык сохранил древние слова и значения, утраченные другими славянскими языками. И работа над словенской лексикой подтверждает это наблюдение Безлай. В качестве примера можно привести засвидетельствованные только на словенской территории диал. *gnida* 'маленький кусочек' – норв. диал. *gnila*, дат. диал. *gnit* в том же значении, словен. *res* 'in veritate', соотносимое с цслав. *r̄hсънъ*, словен. *vek* 'сила' при общем значении 'временной отрезок'¹ и т. д.

Одно из направлений связано с выявлением особых лексических связей с балтийскими, восточнославянскими языками. Выявляемый корпус внутриславянских связей и связей с неславянскими языками дает материал, на основании которого строятся гипотезы о славянских миграциях, о формировании словенского языка. Требует проверки принадлежащее Безлаю положение о том, что словенский язык сформировался на основе смешения элементов разных языковых групп, с преобладанием восточнославянских элементов.

Этимологизация лексики, реконструируемой для исходной системы, открывает путь к восстановлению духовной и материальной культуры древних славян. Слово несет в себе историческую память народа, в слове отражаются и сохраняются представления народа о существенных, значимых явлениях культуры. Особая роль в восстановлении древней культуры принадлежит семантике. Через исследование семантики, восстановление изначального значения слова удается восстановить природно-климатические условия, в которых протекала жизнь славян, формы хозяйственной деятельности, мифологические представления древних славян и т. п. В работах Безлай и Трубачева на материале разных групп лексики показана роль лексических данных в реконструкции особенностей древней технологии разных производственных процессов (ткачества, строительства, гончарного производства и т. п.), в основе которых лежит техника плетения.

Земледелие, истоки которого восходят к эпохе неолита, знаменовало собой новую ступень в хозяйственной и общественной жизни славян, до того занимавшихся собирательством, охотой, рыболовством. Переход к земледелию приравнивается к событиям, имеющим поистине революционное значение. Земля стала объектом хозяйственной деятельности человека. Самая ранняя форма земледелия была связана с применением огня и подсеки. В условиях, когда леса покрывали большую часть планеты, человеку приходилось отвоевывать у леса землю под посев. Через эту форму земледелия прошли все народы. У славян переход к пашенному земледелию с применением плуга наметился в середине первого тысячелетия. Земледелие развивалось неравномерно, в лесных условиях архаичная форма земледелия применялась в отдельных областях вплоть до середины XX в. На славянской территории особое место занимает Север восточнославянской территории, на обширных просторах которого долго подсека и огонь служили основным средством расчистки лесных площадей под посев, и горные лесные районы Словении, Сербии, Черногории, лесистые Карпаты. Этим обстоятельством объясняется особый интерес к лексике словенского языка и лексике Русского Севера.

Наши знания об архаичной форме земледелия, практиковавшейся на славянской территории в отдельных лесных районах вплоть до середины XX в., фрагментарны. Они складываются на основании сведений, сообщаемых разными источниками. Основным источником наших знаний о подсечно-огневом земледелии остаются этнографические описания, материалы по истории земледелия, разного рода исторические, деловые документы, грамоты о землепользовании, размежевании границ и т. п. Археологические раскопки дают материал, позволяющий восстановить

древние центры земледелия, состав возделываемых культур, орудия, применяемые на раннем этапе развития земледелия. Весьма существенна роль данных языка при решении задачи реконструкции особенностей ранней формы земледелия. Язык дополняет и конкретизирует сведения, приводимые в этнографических источниках. Информация, извлекаемая из семантики народных терминов земледелия, помогает восстановить все виды агротехнической обработки земли подсечно-огневым способом, проследить, какие элементы системы жизненно и социально значимы, определить роль архаичной формы земледелия в формировании наивной картины мира. Система ценностей, сложившаяся в раннюю эпоху земледелия, лежит в основе ценностных категорий современного мира.

Безлай был одним из первых, кто обратился к изучению лексики, связанной с обозначением разных видов подготовительных работ по расчистке леса. Его статья «Кгёвине», опубликованная в середине 50-х гг. XX в., и по сей день не утратила своего значения. Анализ лексики раннего земледелия южного и восточнославянского ареалов подводит к раскрытию конкретных действий, направленных на расчистку земли. Так, первоначальное значение слов. **čьртέзь* ‘место, где подрезана, очищена кора на деревьях с тем, чтобы деревья быстрее подсохли’² раскрывается через сопоставление русск. диал. и шире вост.-слав. *чертеж* ‘участок леса, в котором у деревьев снята кора’ и отмеченного в словаре Кенды словен. диал. (Толмин) *prečrtiti, učrtiti* ‘весной, когда начинается движение соков, кора подрезалась, снималась с тем, чтобы дерево подсохло’ (Kenda). О принадлежности гл. **terbiti* к терминам ранней формы земледелия свидетельствуют русск. диал. *отеребить* ‘обрывать листья с растения, с ветки’, польск. *trzebić* ‘очищать дерево от сучьев’, а также словен. диал. *treb* ‘участок, на котором ветки подрубались и сжигались, земля перекапывалась, в результате этих действий получали поле, на котором производили посев ржи, овса, гречихи’ и т. д.

Земля как основной объект деятельности человека включалась в число фундаментальных жизненных ценностей. В социально-экологическом плане существенно противопоставление отвоеванной или отвоевываемой у природы земли тому, что находилось за пределами очерченного пространства, не освоенного человеком. Эта своеобразная *terra culta* была выделена и отграничена специальными знаками от того, что окружало человека. На раннем этапе развития земледелия складывается присваивающий тип хозяйственной деятельности, требующий проведения границы для разграничения «своего» и «чужого». Границы метились разными способами. Роль пограничного знака выполняли живые природные объекты — урочища, реки, леса, горы, овраги, болота и т. п.

Пограничным знаком служили столбы, камни и т. п. Славяне выработали свой набор знаков, воплощающих идею «свой» — «чужой»: делались затесы на коре, вырубались деревья вокруг будущей подсеки, заламывались ветки на деревьях и т. п.; сербы на пограничных камнях и скалах вырубали кресты или другие знаки, делали крестообразные надрезы на деревьях; у болгар было принято помечать границы прутьями, концы которых обматывались травой и т. д. Такие знаки означали, что выбранный лесной участок переходит в исключительное пользование земледельца. Объекты, отмеченные знаками, считались неприкосновенными. Право первого захвата не нарушалось. Земля могла перейти к другому земледельцу только после того, как первый его забросит, но не раньше³. В славянских языках находим большую группу слов со значением 'граница'. К древним обозначениям границы относится слав. **zavodъ*. В значении 'граница, предел' это слово отмечено в древнерусском и словенском языках. Ср. др.-русск. *заводъ* 'граница, предел' (Гр. 1325–1327: новг.; Гр. 1380–1417: новг.)⁴, 'определение границы', 'граница, межа'⁵, в грамоте кн. Изяслава Мстиславича 1147 г. граница земли, жертвуемой им Пантелеимонову монастырю, обозначена словом *заводъ*: а *заводъ* той земли от Юрьевской ораницы простью ввърх и с прости возле Ушковскую ораницу по върхней стороне⁶. В словенских источниках конца XVI в. при описании действий по разработке лесного участка в качестве первой операции называется ограждение выбранного лесного участка. Огороженный, обведенный границей лесной участок назывался — *zavod*⁷, ср. в старых источниках *zavod*: *hat sein behülung vnd viehwaidt absonderlich in seinem sauad oder einfang* (1630), *zavod: sauod, sauodt* 'огороженные лес и пашня'⁸. В районе Толмина *závod* служит обозначением участка земли (= поле, луг, лес): *ta kmet ima lepe zavode*⁹. Плетерник приводит *závod* в старом значении — 'молодой лес, недавно посаженный', 'огороженная часть леса', 'охраняемый лес, часть леса'¹⁰, в современном языке слово *zavod* вытеснено заимствованным из чеш. *závod* в значении 'die Anstalt'. Свой след оставила основа в топонимах: ср. *Závod*, лес, *kraj Závodna* (Naš dom XV, 1, 1923), *Závod* 1887, *Závod u Jelováča*¹¹, *Zavod*, *Zavoda*, *Zavodi*, *Zavodje*, *Zavodno*, *Zavodna*, многочисленны названия, относящиеся к невозделанной земле *Zavod*, *Zavode*, *Zavodi*, *Zavodje* и т. д. Самые старые записи слова *zavod* в значении 'граница' в документах из Далмации XII–XIII вв.¹² С этим архаичным термином земледелия Безлай связывает сербские топ. *Zavode* (pri Kosovski Mitrovici), *Zavode* (pri Gospiču), *Zavodane* (pri Bosanskem Petrovcu), а также польские топонимы — *Zawodna*, *Zawodne*, *Zawodzie*¹³.

Словенские диалекты сохраняют термины земледелия, утраченные

или слабо засвидетельствованные на остальной славянской территории. К числу таких терминов может быть отнесено отмеченное в середине XIX в. в Штирии словен. *velna* 'вырубленный подлесок, кустарник и подготовленный для сжигания', *sejati na velno* 'первый раз сеять на раскорчеванном месте'. Функция архаичного термина проясняется через балтийские соответствия:ср. лит. *velēna* 'дёрн, дернина, вырезанный кусок земли', *velēnynė* 'дернина', *velēnūoti* 'покрывать дёром', лтш. *velēna* 'дёрн', истоки которых в гнезде и.е. **uel-* 'драть; ломать; царапать; рвать', ср. лат. *vellere* 'дергать, вырывать', гот. *wilwan* 'rauben' и т. д.¹⁴

Естественно, мы кратко коснулись этой темы. На некоторых примерах мы хотели показать значение словенской лексики, обнаруживающей соответствия в севернорусских диалектах, в восстановлении жизненно важных категорий, определяющих уклад жизни, формы хозяйственной деятельности, отношение к окружающему миру и т. п.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном вопросе. Давно назрела необходимость в создании двухязычных словарей — словенско-русского и русско-словенского. Существующие словари не могут удовлетворять тех, кто работает со словенским материалом. Словенский язык — единственный славянский язык, не имеющий словарей такого типа. Необходима координация усилий словенских и российских учёных для решения этой проблемы.

Примечания

¹ Bezlaj F. Eseji o slovencnskem jeciku. Ljubljana, 1967. S. 114, 115.

² Куркина Л. В. От *terra inculta* к *terra culta* (по материалам лексики подсечно-огневого земледелия) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1997–2000. М., 2003. С. 52 и след.

³ Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев, 1968. С. 36–37.

⁴ Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–VII-. М., 1988–2004-. Т. III. С. 288.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–27 — . М., 1975–2006-. Т. 5. С. 153.

⁶ Третьяков П. Н. Сельское хозяйство и промыслы // История культуры древней Руси. Домонгольский период. I. Материальная культура / Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, М. А. Тихановой. М.–Л., 1948. С. 61.

⁷ Valenčič V. Iz zgodovine slovenskega gozdarstva. Iz preteklosti Štangarskega gozda // Gozdarski vestnik XIII. Ljubljana, 1955. С. 216.

⁸ Bezlaj F. Krčevine // Slavistična revija. VIII. Ljubljana, 1955. Št. 1–2. С. 31–32; Bezlaj F. Pozabljene beside // Slavistična revija. X. 1957. Št. 1–4.

S. 72–73; *Grafenauer B.* Urbarizacija zemljišča // Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. I. Agrarno gospodarstvo. Ljubljana, 1970. S. 220.

⁹ Slovarsko gradivo s Tolminskega / Zbral J. Kenda. Rokopis. Inštitut za slovenski jezik Fr. Ramovša. ZRC SAZU. Ljubljana. S. 182.

¹⁰ *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Zv. I-II. Ljubljana, 1894–1895. Zv. II. S. 896.

¹¹ *Merkù P.* Prispevek k mikrotoponomastike Tržaške okolice // Slavistična revija. 40. 1992. Št. 1. S. 41.

¹² *Bezlaj F.* Krčevine... S. 14.

¹³ Там же. С. 15 / 32–33.

¹⁴ Куркина Л. В. Славянские термины подсечного земледелия на индоевропейском фоне // Балто-славянские исследования 1998–1999. XIV. М., 2000. С. 17–20.

Катарина Огриңц

Тенденции формирования словенской терминологии (последняя четверть XVIII в.)

Перемены, которые были существенными для развития словенского литературного языка и словенской терминологии в XIX в., берут начало в эпохе национального Возрождения. В этот период (1768–1830) в языковом развитии произошли существенные изменения, которые обусловили выход за рамки существующих литературных жанров, а именно латинской и словенской религиозной литературы и фольклора: а) они начинают включаться в мировой литературный контекст, б) интенсивно создаются тексты в различных профессиональных областях, что стало осуществимо благодаря новым возможностям употребления словенского языка в общественно-социальной сфере, в) фольклор становится все менее актуальным и значимым, чем это было в Средние века, и потому обозначилось некоторое торможение в его развитии.

Перемены, которые влияли на расширение сферы использования словенского языка, были последствием духовного движения Просвещения, которое захватило Европу в начале XVIII в.¹ На территории Словении просвещенная философская мысль была представлена двумя духовными движениями: янсенизмом и южефинизмом.

Словенский янсенизм имел два направления: практическое (в организации словенской церкви) и культурное (в развитии словенской религиозной литературы и национальной школы). Сторонники янсенизма, в том числе и главный его представитель в Словении люблянский епископ К. Я. Герберштейн (1719–1787), были также застальниками и сторонниками юсифинистских реформ. Приказы о закрытии монастырей и общих духовных училищ, о раздроблении больших церковных приходов, об отмене братств, о янсенистской печати, о гражданской религиозной терпимости меняли организацию тогдашней словенской церкви. В стремлении развивать национальную культуру янсенисты увеличивали количество словенской литературы, поддерживая переводческую деятельность и публикации лингвистических текстов (перевод катехизиса, публикация проповедей, юсифинистского лингвистического песенника и особенно — новый перевод Библии, 1784–1802), также они прилагали усилия для проведения школьной реформы. В этом отношении интересно предложение Б. Кумердея правительству в 1772 г. об учреждении народной школы в Крайне. Судя по этому предложению Б. Кумердей понимает школу как образовательное учреждение, где преподавание должно вестись на родном языке, и обосновывает это просветительской идеей — знание народа принесет государству только пользу. Янсенисты помимо этого разрабатывали школьные пособия (букварь и хрестоматия Й. Дебевеца) и грамматики (Й. Дебевец, Ю. Яцель, М. Шрай).

Просвещенный абсолютизм, экономические и финансовые реформы привели к изменениям во внутренней политике немецкой империи, затронувшие и словенские этнические земли, бывшие составной частью Габсбургских наследственных земель. Государственное управление распространилось на все. Вместе с немецкими чиновниками набирал силу и немецкий язык (Иосиф II определил немецкий язык как официальный в государственных учреждениях и на словенских землях). Просвещенный самодержавный монарх из-за утилитарных целей (повышение хозяйственной, финансовой и военной мощи государства) провел реформы в промышленности, административном управлении и укреплял свое абсолютистское положение в многонациональном государстве путем усиленной германизации судебной системы, чиновничего аппарата и образовательной системы. Венское правительство интенсифицировало использование немецкого языка в тех областях, где и так немецкий язык уже присутствовал (школы, суд, администрация), и расширяло его употребление в сфере науки и в театрах, замещая им соответственно латынь и итальянский язык. В ответ на такое интенсивное давление венского правительства в славянских землях, в том

числе и в словенских, еще более усилились старания деятелей национальных культур².

По оценке словенского историка литературы Ф. Кидрича, период словенского просвещения — это «возрождение языко-культурной практики в словенских землях и восстановление литературного языка»³, которое базируется на философской, мировоззренческой почве Возрождения. Исследователь Я. Кос выделяет специфические особенности словенского просвещения, которые практически соответствовали уровню общественного развития словенцев и положению словенского языка⁴. В основе просвещения лежали национальный и языковой мотивы, которые очевидно объединяли представителей разных духовных направлений (католиков, янсенистов, йосифинистов, атеистов). Вместе с тем в рамках словенского просвещения произошло общественное смещение, или преобразование: европейское Просвещение было направлено на горожан (Волтер, Дидеро, Свифт...) и поэтому отображало жизнь, мысли и идеи горожан, а словенское Возрождение, в отличие от европейского, заheimением сколько-нибудь значительного городского населения действовало на крестьянском и провинциальном уровне.

В эпоху Возрождения словенское общество было феодальным, точнее находилось на стадии перехода из феодального в (ранне)капиталистическое состояние. Это было общество с небольшим количеством грамотных: в словенских землях в то время количество грамотных не превышало 3 %. Отражением феодальной общественной структуры являлась и трехступенчатая иерархия языков: латынь как язык церкви, науки и школ, немецкий язык как государственный язык и язык культурного общества, в Горице и в Триесте эту роль играл итальянский язык, а словенский являлся разговорным языком неграмотного большинства.

Деловые тексты, т. е. приказы, патенты, публичные письменные заявления и т. д., должны были быть — из-за важности их содержания — понятны словенцам, поэтому их начали переводить с государственного, немецкого, языка на общедоступный, словенский, и публиковать. Общее обязательное образование, введенное приказом о школах от 6 декабря 1774 г., вновь усилило необходимость начальной школы на родном словенском языке, которой не существовало после уничтожения протестантских школ. Задачи образования во время Возрождения были иными, чем в период Реформации. Если цели образования у протестантов носили гуманистический характер и одновременно имели литургическое назначение, то эти цели во время Возрождения были утилитарными по замыслам государства, а для словенцев они содержали в себе стремление к национальному обновлению⁶.

Австрийский просвещенный абсолютизм клеймил всестороннюю отсталость, прежде всего отражавшуюся на экономике, существовавшие науку и систему образования. Согласно иерархической лестнице духовных ценностей для государства на первом месте стояло естествознание, считавшееся основой для развития промышленности. Поэтому реформа австрийской образовательной системы в словенских землях коснулась не только введения всеобщей школьной обязанности и учреждения сети начальных школ, гимназий и училищ⁷, но и учебных планов, которые были существенно изменены. Теперь в учебные планы вводились естественные науки: в начальных школах, наряду с чтением, письмом и счетом, еще и основные понятия ведения сельского хозяйства, в гимназиях и училищах наряду с немецким языком и латынью — естествоведение, начальные понятия геометрии, строительства и техники, а также черчение. В лицеях на первом курсе ввели математику, на втором — минералогию, зоологию и ботанику. В соответствии с «духом времени» и необходимостью развития новых отраслей промышленности были установлены ремесленные школы, где можно было получить практическую профессию (специалисты горного дела и агрономы, экономисты, акушеры, учителя начальной школы). Эти учебные заведения изменили понимание того, что значит образование в обществе, и расширили круг словенских интеллектуалов.

Вместе с тем стал актуальным и вопрос сферы употребления словенского языка и развития терминологии по отдельным отраслям знаний. Среди образовательных учреждений особо важную роль играли именно школы хирургии и акушерства, учрежденные в 1774 г. в Любляне и Целовице и действовавшие вплоть до XIX в. В связи с учреждением школы акушерства А. Маковицем был сделан первый перевод терминологического текста с немецкого языка на словенский, под названием «Наставления новитухам, с немецкого на краинский язык перенесенные» («Podvodenje za babice, iz nem kiga na krajnski jezik prestavlene», Любляна, 1788).

Основатели эмпирического естествознания в словенских землях со-действовали развитию словенской терминологии. Естествоизвестник из Южного Тироля Г. Скополи (1723–1788) работал врачом в Идрии и написал на латинском языке «Floro carnioloco» (1760, 1772), первую научную работу о словенской природе, содержащую 127 словенских названий растений (некоторые из них употребляются до сих пор). Француз Б. Акэ (1739–1815), поначалу также врач в Идрии, а затем профессор анатомии в Люблянском лицее, стал автором книги по краеведению «Ogystographii carniolici» (I–IV, 1778–1789). Это первое картографическое исследование словенских гор, где все топографические названия последовательно даны по-словенски.

Наряду с иностранцами среди исследователей-естествоведов, писавших о Словении и словенцах в то время и влиявших на развитие естествознания, а косвенно и на развитие словенской терминологии, имелись также словенские ученые, например, Жига Попович (1705–1774) — ученый-энциклопедист, естествовед и лингвист, предшественник словенских просветителей М. Похлина, А. Т. Линхарта, В. Водника, Е. Копитара. В своем незаконченном словаре словенского языка (*Glosarium vindicum*) он оставил собрание словенских названий растений. Кружок естествоведов барона Жиги Цойса целенаправленно работал над собиранием терминологии. Ботаник и альпинист Карел Цойс (1756–1799), брат Жиги Цойса, после Г. Скополи стал первым собирателем, систематически занимавшимся словенскими названиями растений, и автором первого специального собрания словенских названий растений. Жига Цойс (1747–1819) в области естественных наук являлся признанным в Европе специалистом по минералогии (один из минералов получил название по его имени «циост»), химии и металлургии. Он подготовил собрание минералогических терминов, которое являлось в свое время самым «богатым и полным» собранием в Средней Европе, и кроме того написал статью «Словенский горный и металлургический язык» («*Slovenski rudni in fužinski jezik*»).

Создавались также специальные переводы и редакции терминологических текстов, по своему содержанию направленные на развитие естествознания, медицины и техники, но пока еще не «национальных наук» (например, истории). Переведенные и отредактированные тексты общеобразовательной программы⁹ охватывали такие специальности, как сельское хозяйство, животноводство, пчеловодство, садоводство, виноделие, ветеринария, медицина и кулинария, благодаря чему была собрана фундаментальная терминология по этим специальностям.

Кроме особой роли естествознания, новинкой австрийской образовательной системы явилось постепенно введение изучения этнических языков, хотя лишь на базовом уровне. Государственный утилитаризм требовал, чтобы просвещение масс проходило на родном языке. Этому противоречило стремление к единому государственному языку — немецкому, — из-за чего усилилась германизация населения в славянских землях. Словенский язык как школьный предмет изучался до 1848 г. в богословских училищах в Граце (1812), в Любляне (1817) и, неофициально, на добровольной основе в Целовце (1821–1825), а из светских образовательных учреждений только в гимназии в Мариборе (1794) тоже в добровольном порядке. Лекции на словенском языке вел А. Маковиц в акушерской школе в Любляне (1782).

Объективные обстоятельства — австрийское предписание учить в начальной школе на немецком языке и очень низкий уровень владения учителями словенским языком — минимизировали реальную возможность введения словенского языка в школьную программу. Тем более важна роль М. Похлина и других словенских просветителей. Кроме популярных общебразовательных книг, они писали, переводили и редактировали учебники для начальной школы. Для школьных уроков предлагались буквари, хрестоматии и пособия по закону божьему, например: «Букварь» М. Похлин («Abecedika», 1765, 1789), первая хрестоматия для начальной школы Б. Кумердея «Руководство для чтения» («Vodenja za brati», 1778), перевод «Катехизиса» Ю. Япеля (1779), «АБВ, или Книжица для букв» О. Гутсмана («ABC ali Bukvice teh črk», 1790, 1792).

Объем учебников и вспомогательная роль словенского языка на уроках немецкого языка в начальных школах и гимназиях соответствовали значению словенского языка, которую он приобрел после принятия «закона о народной школе» (1774). Других учебников не было, только еще М. Похлин, по своей инициативе, написал учебник по арифметике «Книжица для счета» («Bukvice za rajtengo», 1781).

Марко Похлин, первый словенский просветитель, начал свою просветительскую деятельность публикацией общебразовательных и школьных текстов («Abecedika» — «Букварь», 1765), пособий для учителей (перевод Я. Коменского «Te odprte ali odklenene duri seu Janua linguae carnolicae», рукопись, 1768), грамматики на немецком языке («Kraynska gramatika» — «Крайнская грамматика», 1768). Грамматику Похлин написал для культивации словенского языка, она предназначалась молодым интеллектуалам, которые владеют немецким языком.

«Крайнская грамматика» содержит своеобразную литературную программу, в которой Похлин представил несколько разных функциональных текстов со специально обозначенными ролями: профессиональные и лингвистические тексты систематически пополняли бы словарь словенского языка. В области лексикологии Похлин выполнил свою задачу двумя словарями: «Малый словарь трех языков» («Tu malu besedišče treh jezikov», 1781) и «Glossarium slavicum» (1792). Культивацию живого словенского языка того времени должен был показать новый перевод Библии. Тут Похлин только частично осуществил свою программу, он перевел «Пятикнижие» Моисея, оставшееся в рукописи. Позже Ю. Япелю и его помощникам удалось осуществить новый перевод Библии целиком.

В своей программе Похлин не забыл и о художественной литературе. В грамматике есть глава о «стихосложении» (*«Spevogečnost»*) и в ней приведены примеры стихов, которые написали Похлин и Феликс А. Дев (в грамматике опубликованы стихи Вергилия и Овидия в переводе Ф. А. Дева)¹⁰. Позже Дев был сотрудником и редактором стихотворного альманаха «Писанице».

Уже в первом абзаце введения к своей грамматике Похлин, опираясь на мнение А. Бохорича (древность словенского языка, его богатое историческое прошлое), утверждал важность словенского языка и отвергал предрассудки немецко-говорящих интеллектуалов по отношению к нему, считавших его роль в обществе невзрачной. Похлин хотел побудить интеллектуалов к изучению словенского языка и его распространению в публичной сфере.

В отношении Похлина к словенскому языку можно выделить следующие моменты:

а) Осознание того, что язык является одной из главных черт определенной этнической общности. Экспрессивным выражением во введении к своей грамматике: «Мы не должны стесняться своего языка!» — он особо подчеркнул эту мысль.

б) Понимание того, что словенский язык для его носителей является узнаваемым. Для него словенский язык — это язык с твердой и оригинальной структурой.

в) Похлин подчеркивает те задачи, которые соответствуют его собственным намерениям, т. е. написать новую грамматику словенского языка.

В своей грамматике Похлин описывал живой язык, естественный для люблянских (городских) интеллектуалов. Основным критерием для нормирования его как литературного была языковая правильность. Похлин считал язык организованным целым, основанном на правилах, и правила имеют преимущество перед исключениями и отдельными случаями.

Похлин как создатель словенских терминологических выражений оправдывал создание новых слов следующими причинами: а) социолингвистическими, когда потребность в новых словах или наименованиях, несущих новое значение, диктует необходимость их создания, поэтому такая возможность дана всем языкам и не является привилегией лишь классических языков; б) лингвистическими, здесь Похлин выделяет право и обязанность «компетентного» лингвиста. Процесс создания новых наименований имеет свои закономерности, исходящие из «упорядочивающего лингвистического метода» (*urejevalna*

jezikoslovna metoda) и исторического словообразования (jezikovno tvorbeno izročilo). При создании новых слов Похлин соблюдал принцип, согласно которому лингвистические выражения надо «словенизировать» без исключений. В связи с этим он создавал соответствующие «словенизированные» слова и выражения для общепринятых латинских стилистических и метрических выражений, но эти новые выражения не могли заменить уже воспринятых в языковой практике латинских выражений. Приведем примеры терминологических выражений Похлина из «Крайнской грамматики»: spevorečnost (177) — metrika; dobropisnost (151) — pravopis; leſtnorečnost (184) — idiom; protistavnost (184) — antiteta; skupjemanost (151) — sinekdoha; posmehuvačnost (184) — ironija; zvišatelnost (184) — hiperbola; zmajnšatelnost (184) — mioza; perdadejlnost (184) proteza; razdejlnost (125) — diazeza.

Также для лингвистических понятий иностранного происхождения, особенно немецкого, Похлин создал и употреблял свои «выражения», например наименование падежей: imenuva-vc, rod-nik, daja-vc, tož-nik, veka-vc, zmakn-ik, spremuv-avc, — которые являются кальками немецких словоформ Nennfall, Zeugfall, Gebefall и т. д.

В словенском языке до сих пор осталось много словоформ, созданных Похлином (črka, moški, ženski, spol, število, pika, strešica). В словенский язык Похлин ввел соответствующие названия морфных строений (izpeljava, sestava, tvorba stalnih besednih zvez), создавал терминологические выражения с помощью терминологизации общей лексики (znamenje — ločilo, kluka — naglasno znamenje, zgurpa pika — podpiče, kluke / serpi — oklepaji, skok — takt).

Таким образом, можно утверждать, что Похлин является первым создателем собственно словенской терминологии, следующим определенной системе, не смотря на то, что В. Водник в своей грамматике словенского языка (на словенском языке, 1811) при создании словенской терминологии не следовал Похлину, а выбрал иноязычные источники — грамматику Смотрицкого и грамматику Ломоносова. Это означает, что терминология Похлина не стала основанием для новых попыток морфных построений в постреформаторский период. Тем не менее Похлин является самым видным деятелем словенского просвещения, труды которого происходят прежде всего из национально-возрожденческих задач.

Лит. обработка перевода Ю. Созиной

Примечания

¹ *Koruza J.* Slovstvene študije. Ljubljana, 1991. S. 217–218.

² *Pogačnik J.* Slovensko slovstvo v obdobju razsvetljenstva. Ljubljana, 1995.

³ *Kidrič F.* Zgodovina slovenskega slovstva od začetkov do marčne revolucije. Ljubljana, 1929 (1932–1938). S. 691–692.

⁴ *Kos J.* Tipološke značilnosti slovenskega razsvetljenstva v evropskem kontekstu // Obdobja 1. Ljubljana, 1979. S. 33–34.

⁵ *Melik V.* Zgodovinske osnove začetkov slovenskega narodnega gibanja // Obdobje razsvetljenstva v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Ljubljana, 1980. S. 421–423.

⁶ *Paterni B.* Problem literarnostilne diferencijacije v slovenski književnosti Razsvetljenstva // Obdobja 1. S. 42.

⁷ Приблизительно в 1790 г. в словенских землях существовали четырьесемь училища (в Любляне, Целовце, Горице и Триесте), восемь гимназий, 141 начальная школа и несколько городских общеобразовательных школ в Истрии, итого приблизительно 160 учебных заведений.

⁸ *Bufon Z.,: Naravoslovje v slovenskem narodnem prebujanju // Zbornik za zgodovino naravoslovia in tehnike.* Vol. 1. Ljubljana, 1971. S. 39.

⁹ См. популярно-научные тексты М. Поклина «Крестьянам на потребу и в помощь» («Knjetam za potrebo inu pomoč», 1789), «Пчеловодство» («Čebelarstvo») Янши в переводе П. Главаря и Я. Голичника (1792), В. Водника «Великая Пратика» («Velika Pratika», 1795–1797) и «Новаренная книга» («Kuharske bukve», 1799).

¹⁰ *Koruza J.* Slovstvene študije... S. 257.

¹¹ В статье также использовались работы: *Honzak-Jahič J.* Marko Pohlin in Vaclav Rosa // Slavistična revija. 2002. S. 9–28; *Pogačnik J.* Pojem naroda v slovenskem razsvetljenstvu. Obdobje narodnega preporoda. Ljubljana, 1982; *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997; *Toporišič J.: Slovenski knjižni jezik 1.* Maribor, 1965; *Ego že.* Slovenski knjižni jezik 3. Maribor, 1967; *Ego že.* Slovenska slovnica. Maribor, 1991, 2001; *Ego že.* Pohlinova slovnica // Slavistična revija. 1983. S. 95–128; *Vidovič-Muha A.,* Slovensko skladenjsko besedotvorje ob primerih zloženk. Ljubljana, 1988; *Ee že.* Jezikovnosistemskie lastnosti strokovnih besednih zvez // 24. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1988. S. 83–91; и др.

Урика Перениг

Литературная жизнь в 1860-е гг. в Словении сквозь призму деятельности читален

Представленная статья базируется на новом материале. Чтобы получить представление о литературной деятельности читален в 60-е гг. XIX в., нами были рассмотрены публикации, посвященные этому вопросу, в большинстве словенских периодических изданий того времени. Поскольку в основе обществ лежали (конституционные) законы и национально-политическая программа, то литература являлась связующим звеном и воспринималась, прежде всего, в контексте национального освобождения. В отличие от существующих литературно-исторических обзоров, которые этой деятельности касаются частично, мы в первую очередь рассмотрим неканонизированную, оригинальную немецкую, славянскую и частично написанную на других языках и переведенную литературу, которая являлась частью постоянного репертуара читален. Хотя литературную жизнь прошлого невозможно реконструировать полностью, все же настоящее исследование проливает свет на нее и словенскую литературу в XIX в.

Литературная жизнь является комплексной, она состоит из множества компонентов, сочетает в себе различные процессы и стратегии, взаимопроникновение которых создает то разнообразие, которое мы прекрасно видим на литературной ниве. Литературная жизнь включает в себя различные личности, группы, инструменты взаимоотношений и средства информации, организации, всевозможные государственные и социальные учреждения. На нее влияют политики, общественники, экономисты, не остаются в стороне и технологические и культурные факторы. В отличие от традиционных в основном ориентированных на историю литературы исследований, в национально-культурном контексте 60-х гг. XIX в. невозможно проследить деятельность читательских обществ, которые, в идеологическом контексте укрепления национальности и создания идеи национального объединения и освобождения, внесли свой вклад в развитие литературной жизни, особенно ее восприятия и распространения.

После завершения абсолютизма и начала реформ, которые предусматривали конституционное устройство с обновлением государственного парламентаризма и увеличением роли земских (провинциальных) автономий, в 60-х гг. XIX в. национально-организаторскую роль взяли на себя читальни, т. е. национально-культурные учреждения, которые к

концу 70-х гг. начали переживать упадок. Хотя их основной, главной целью была защита национальных интересов, а также политическая активность, культурная жизнь не везде отсутствовала, получив выражение в единичных «литературных подвигах». С точки зрения литературной жизни читальни важны потому, что активно поддерживали связь литературы через театр с читателем. Читальни являлись литературными обществами. Устройство общественных мероприятий с образовательными культурно-литературными программами, так называемыми «беседами», в которых центральное место занимали художественные постановки, декламация и чтение литературных отрывков, а также организация представлений, привело к формированию широкого круга театральной аудитории. Эта аудитория, состоящая из множества обществ с постоянно растущим количеством членов и единомышленников, расширилась по всей этнической территории. В 1869 г. было зарегистрировано около шестидесяти читален с более чем 4 тысячами членов. Нельзя оставить без внимания и их вклад в создание так называемой «библиотечной сети». Систематическое собирание, хранение, выдача книг из фондов увеличивали циркуляцию литературы. Для оригинальных постановок подготавливали, переводили и инсценировали пьесы по славянским произведениям, на словенский переводили немецкие и французские, частично итальянские и английские сочинения.

Поскольку национально-культурные общества с начала конституционного времени до 1870-х гг. являлись сосредоточием национальной жизни, их деятельность влияла и на политику. Неизвестный корреспондент из Чрномеля в корреспонденции газете «Новице господарске, обертийске ин народске»¹ («Новости хозяйственные, ремесленные и народные») в 1861 г. назвал читальни «сердцем Родины»², «куда стекаются все, чье сердце открыто для духовного развития своего народа»³. Глава люблянской читальни Амброж образно назвал читальни «колыбелью национального развития», которые каждый должен поддерживать⁴. Как самое распространенное и сильное проявление национальной сплоченности читальни попытались объединить все слои населения: от сельчан до горожан. Мы находим их как в больших городских центрах, так и в небольших населенных пунктах (деревенские читальни). Первая читальня, образованная в Триесте, в начале своей программы заявила, что ее целью является поддержка национальности, языка и культуры народа. Это касалось и литературы⁵. Мариборское общество стремилось «вдохнуть национальный дух» посредством своей разносторонней общественной деятельности, особенно через словенскую и славянскую публицистику и книги⁶. За служение нации (в том числе и ее культурно-литературное

развитие) выступала и люблянская читальня. После своего создания она приглашала новых членов — «соотечественников» — трудиться на культурной ниве и помогать объединению народа⁷. Штефан Кочевар в своей речи по поводу образования читальни в Целье подчеркнул, что ее цель через литературу и прессу заботиться о национальном языке как основе национального развития. Осуществление этого он возлагал на деятельность читальни, указав: «мы готовы все, что имеем, положить для этого на жертвенник»⁸. «Изучим лучшие свой родной язык», из любви к родине и с целью ее защиты, — заявила читальня города Толмин. Стимул для культурно-литературного развития она усматривала в мероприятиях образовательного и общественного характера, на которых публика знакомилась бы с литературными достижениями через специфические постановки и через совместное чтение литературы⁹, проводящиеся, конечно, в целях укрепления позиций языка, формирования национальной идентичности, а также для сближения славян.

Если взглянуть более широко, то это и не удивительно: читальни создали легитимное, институционально-организационное пространство, где рассматривались национально-политическая программа Объединенной Словении и конституционные законы, которые давали легитимную основу этому объединению. Основой является закон или патент 1849 г., который определил право свободного национального объединения; императорский патент 1860 г., предполагавший введение равноправного употребления национальных языков; либеральный закон 1867 г. о праве создавать общества и проводить собрания, который подчеркивал роль провинциальных автономий и парламентов, комитеты которых с этого момента могли разрешать создание и проведение национально-политических организаций, обществ и собраний¹⁰.

В Словении существовала сеть читален. В середине 1861 г. в Триесте была образована «Славянская читальня». За ней последовало у становление читальни с таким же называнием в Мариборе, и усилиями кружка Блевейса была основана читальня в Любляне. В 1863 г. она насчитывала около четырехсот членов, а к концу века к ним присоединились еще двести человек. Благодаря деятельности в центрах провинций и больших областей, численности, влиятельности и известности руководящего состава, куда входили ведущие деятели национально-освободительного движения (Янез Блевейс, Этбин Х. Коста, Ловро Томан), читальни стали центрами словенской культуры и примером для небольших городских и деревенских читален, которые в большом количестве образовывались по их примеру от Айдовщины до Метлики. В следующем 1862 г. были образованы читальни в городах Целье, Тол-

мин, Горица и Шкофья Лока, в 1863 г. — в городах Птуй и Крань. При поддержке Андрея Эйншпиллера и Матии Маяра была создана читальня в Целовце. В 1864 г. по предложению Карла Лаврича была создана читальня в Айдовщине, а также в городах Випава, Илирская Бистрица, Планина и Метлица, Ново Место и Севница. В 1866 г. появились читальни в Шентвиде близ Любляны и в Идрии, в 1867 г. — приморские читальни в Елшаних и в Солкане.

Мы рассмотрим деятельность читален, связанную с распространением книг. В этих рамках можно также выделить драматическую-театральную, декламаторскую и библиотечную деятельность. Поскольку эти два направления, так или иначе, подразумевали проведение мероприятий, хранение и приобретение новых материалов, то должны были произойти перемены в руководящем составе обществ. Создание библиотек связано также с развитием капиталистических отношений в области книгопечатания¹¹. Чтение не было больше привилегией избранных, а стало доступным каждому. Нарастала потребность читателей в массовом информировании о событиях в обществе и политике, что привело к большому росту и распространению периодических изданий среди читателей. Систематическое собирание и распространение периодики и литературы, посредством которых читатели знакомились с выразительными возможностями языка, отражающего особенности и нужды народа и участующего в национально-политических процессах, было закреплено в первых строках уставов и создало определенную форму культурной деятельности читален. Благодаря этому была дана возможность многочисленным читателям, которые не могли купить книги из-за финансовых трудностей, получать литературу для общественных целей.

Приоритетность идеи развития сети библиотек демонстрируют тогдашние дискуссии, опубликованные в «Новицах господарских, обертийских ин народских» (далее «Новице»), «Словенском гласнике»¹² («Словенском вестнике») и «Словенце»¹³, а также сочинение Й. Г. Вердельского «Что словенцам больше всего необходимо сейчас?»¹⁴. Помимо всего прочего Вердельского занимал вопрос о том, что необходимо принять для оказания существенной помощи народу в деле дальнейшего развития литературы. По его мнению, этого можно достичь, только изучая язык, пользуясь им в школах и учреждениях, а также с помощью общественных библиотеках. Он согласился со взглядами Эйншпиллера, опубликованными в журнале «Штиммен аус Иннеростерайх» («Stimmen aus Innerosterreich» — «Голоса из Внутренней Австрии»), что главным является распространение хороших, образовательных, развлече-

кательных словенских книг, сборников богослужений и вообще книг издательства Общества св. Мохора с тем, чтобы читающая публика лучше узнала, что такое литература, изучала и расширяла знание родного языка и повысила бы уровень национального самосознания. Предложение о поддержке словенских писателей и организации распространения литературной продукции было поставлено на последнее место. С ростом периодики, с зарождением книжной торговли и развитием читательской и театральной культуры повсеместно появляются библиотеки¹⁵. 1 апреля 1868 г. Даворин Трстеньяк в газете «Словенски народ»¹⁶ («Словенский народ») дал совет, как нужно способствовать литературной деятельности словенских писателей. Он считал, что литературным центром должно стать литературное общество. Помимо своего печатного органа, или периодического альманаха, в котором бы наряду с историческими, литературно-лингвистическими, естественнонаучными сочинениями печаталась бы и беллетристика, ему бы принадлежал литературный архив и собрания. Центром он предлагал сделать Марибор, где читальня имела достаточно помещений. Осат Й. Й. в той же газете упорно отстаивал позицию, что словенские литераторы должны от�сти со своих ног политическую пыль и взращивать литературу на отечественной почве, и требовал острого, критического пересмотра литературы. Он полагал, что, прежде всего, необходимо создать фундамент, на котором можно построить лучшее будущее. Сюда он относил периодику, которая стала важным вспомогательным средством для распространения литературы и национального образования, а также общества с их инфраструктурой — от собраний до альманахов и сборников.

Публичные общественные помещения, где хранились журналы и книги, триестская читальня переместила в дом Ритера в Доганах¹⁷. Функции библиотеки и читальни были совмещены. Общественные библиотеки стали прообразом более поздних библиотек. Количество книг еще не известно, но основное место среди них занимали сочинения Водника и Прешерна. Хранились также популярные газеты различных видов: политические и литературные на словенском, славянских, итальянском, немецком и французском языках. В «Словенце» регулярно печатались объявления, в которых население призывали пользоваться библиотечными фондами, тем самым знакомиться с языком, со словенским народом и с близкими к словенцам народами. Подобным образом (через газеты) призывали осуществлять сбор средств и материалов для библиотек¹⁸. В хорошо оборудованных национальных училищах читальни были «главными помощниками в развитии литературы», поскольку они заботились о распространении «подходящих» книг среди

населения, которое таким образом получало «достаточно духовной пищи и этим естественно поддерживало словенские национальные стремления»¹⁹. Триестская читальня собиралось открыть книготорговлю, с тем, чтобы побудить членов покупать книги и журналы, правда идея не была воплощена в жизнь. Продуманное заранее предложение книг могло бы без труда предотвратить отступление от национальной идеологии.

Своя библиотека была у центральной читальни в Кране. Мариборское общество открыло библиотеку-читальню в доме Доминкуша, для которой на добровольных началах члены и сочувствующие лица, а также из членских взносов собирали и хранили журналы и книги²⁰. Жители Целье решили установить библиотеку в доме, принадлежавшем торговцу Капусу. Среди прочего там должны были храниться немецкая политическая и художественная периодика²¹. Словенские члены читален были связаны со словенской интеллигенцией в Вене, которые создали академическую читальню. Ее библиотека выдавала читателям словенские, славянские и немецкие книги и более двухсот политических, образовательных и развлекательных периодических изданий. Желание содействовать национальному движению, в определенной мере из-за многочисленности словенских и славянских студентов в столице, а также из-за улучшения ситуации в области литературы способствовало сбору книг для библиотеки, которая должна была стать национальным и художественным центром. По просьбе тогдашнего библиотекаря Богошича было принято решение, что для реализации целей общества в первую очередь должны приобретаться словенская, славянская художественная литература и исторические книги²².

Толминская читальня, например, выделила специальную комнату для журналов и книг. Необходимо было собрать как можно больше словенской и переведенной на словенский язык литературы. Как только общество в Горице получило одобрение местного собрания, оно заказало «значительное количество словенских, хорватских, сербских, чешских, итальянских, немецких журналов и книг», среди которых были представлены Прешерн и Разлаг, «Словенски гласник» Янежича и «Цветье» («Цветы»), «Новице» и «Словенец». Приобретение литературы находилось в ведении обществ из-за финансовой несостоятельности подписчиков, читателей с целью заинтересовать политикой приглашали в общественные помещения, где им предоставлялась вся печатная продукция²³.

Библиотечную сеть дополняли и остальные читальни. О существовании небольшой библиотеки при читальне в г. Иллирска Собота в се-

редине 60-х гг. в газете «Триглав»²⁴ сообщает анонимный автор²⁵. Идею о книжных собраниях поддерживали и маленькие, только созданные читальни, бравшие пример с центральных и более крупных читален. В небольшом местечке Локавец при Айдовщине были уверены, что «народ чтением литературы или прессы культивирует и качественно улучшает свой родной язык» и содействует развитию литературы, и поэтому там стали собирать художественные произведения и периодику. В городках Железна Капла и Церкница жители выражали удовлетворение предоставлением художественных, исторических, профессиональных книг и всей словенской периодики от «Новиц» до «Словенского народа», «Читалницы»²⁶ («Читальни»), «Илирского Приморья»²⁷ («Иллирского приморца»), «Словенского господара»²⁸ («Словенского хозяина»), «Словенского гласника», «Словенской Бчелы»²⁹ («Словенской пчелы») и «Згодней даницы»³⁰ («Утренняя звезда»). Помимо чтения они намеревались создать сеть словенских библиотек³¹.

Из-за исторической отдаленности и недостаточности материалов невозможно точно восстановить содержимое библиотечных фондов. Но принимая во внимание множество заметок, которые знакомят с литературными новинками и театральными репертуарами, а также из-за популярности чтения литературных текстов с целью агитации и практиковавшихся инсценировок имеющихся в распоряжении произведений, — можно в определенной степени восстановить содержимое фондов библиотек читален. Фонды общественных библиотек мы можем разделить на две крупные группы: фонд периодики и книжный фонд.

Периодика

В 1860-е гг. ключевую роль продолжали играть «Новицы». Это главным образом предназначеннное для крестьян и ремесленников печатное издание наряду со статьями, направленными на профессиональное образование крестьян и ремесленников, стало предоставлять место и литературным материалам. Поскольку редактор Блейвейс осознавал, как важно наряду с профессиональным ростом заботиться и о росте национального самосознания представителей обоих сословий и на этой основе включать их в процессы, происходившие в конституционный период³², то он решил с помощью своей газеты в целях поддержки национальной программы обеспечить распространение и чтение литературы. Это выразилось в приглашении публиковать в газете произведения с национальной тематикой и в решении принимать подобные материалы к печати. Газета предлагала развлекательные, дидактические и этногра-

фические материалы, которые помогали распространять крестьянский опыт и способствовали формированию национального самосознания. Читательскую аудиторию больше всего воодушевляли народные и написанные в народном духе стихотворения, рассказы и анекдоты Билемца, Песьяка, Окишкого, Крека, Юрчича. Пользовались успехом патриотические стихи Мирослава Вилхара, народного поэта Войтеха Курника, Ловра Томана. Выходили оригинальные и переведенные прозаические сочинения и повести. Среди важнейших поэтов газеты был Йован Весел Косески³³. Подчиненность литературе, ее распространению и восприятию прослеживается в расположении газетных рубрик. «Новице» никогда не выделяли для литературы специального раздела. Вместо этого публиковали ее в третьем разделе под названием «Национальные дела», а именно: вместе с этнографическими, историческими и др. статьями, символически представлявшими и утверждавшими народность. То, что литература являлась не самостоятельной целью, но в первую очередь средством национального воздействия, выразилось, по нашему мнению, в частности в отказе от литературной обработки или в отсутствии литературной критики в публикуемых оригинальных сочинениях. По мнению редактора, словенская литература еще не была достаточно зрелой для критики; такого рода обсуждения имели бы лишь негативные последствия, так как отвергали бы саму литературу. Поскольку же она была одним из средств национально-политической деятельности, то, следовательно, отвергалась бы и последняя.

В условиях конституционного периода и крепнувшего интереса к национальному вопросу в 1863 г. Левстиком и М. Вилхаром была учреждена политическая газета «Напрей»³⁴ («Вперед»). В первом же номере редактор провозгласил самой важной заботу о национальности. На первое место он поставил национально-политическое дело, которому будут посвящены политические статьи, к этому же присоединил и литературную деятельность как средство обучения национальному языку, видя в последнем главную черту национальности. В июльском номере он записал, что словенская литература должна быть направлена «во в内 и во вне», быть «максимально возможно народной; она должна подниматься из народа и снова устремляться в народ»³⁵. В рубрике «Художественная литература» частями публиковался «Десятый брат» Юрчича, благодаря чему актуализировалась народная традиция. Среди литературных публикаций находим фарсы Вилхара «Любляна», «Сердце и желудок» и «Фрак и Сурка», а также стихотворение «Старый и новый дух». В «Напрей» вышли новелла о Сорском поле, которая представляла интерес с точки зрения национального колорита, и переведенная на словенский

язык чешская сказка. На годовщину смерти Прешерна опубликовали стихотворение, в котором Лаврич также писал о народности.

Научно-популярная «Читалница» издателя и редактора Ивана Гершака в Градце предназначалась для ознакомления с экономическими, естественнонаучными, юридическими работами, а также для представления национальных требований, чemu также были посвящены исторические статьи и литературные публикации. Редактор частями публиковал «Краткую историю австрийскую» о Бамбергах, которые стали главою мощного государства благодаря стойкости и разумному поведению своих государей и могли служить примером для подражания выходящему на историческую арену словенству. Выходили забавные рассказы, и не случайно Франьо Жличар публиковал славянские — чешские, словацкие, сербские, словенские — народные песни. То есть существовала (романтическая) уверенность, что они являются истинным отражением естественного и неиспорченного славянского духа и особую ценностью в них представляла трактовка героической истории. Был напечатан «Лагерь Валленштейна» Шиллера в словенском переводе Цегнара (1864). «Домовина» («Родина»), газета Андрея Марушича в Горице, заявляла об австрийском патриотизме, в рамках которого публиковала политические, экономические и литературные работы любимых читателями авторов.

«Словенец» Эйншпилера, девизом которого было «Живи, живи, дух словенский, здравствуй во все времена!», в программе определил своей задачей оживлять словенский дух, опираясь на католичество³⁶. Для обучения народа он печатал отдельные литературные публикации. В рубрике «Мелочи» литературные статьи представляли и утверждали словенскую народность и языки; приложение «Беседник» («Оратор») представляло сочинения Франа Левстика, Валентина Зарника, Йосипа Вошняка.

Программе национального прогресса, направленной на достижение национального равноправия, укреплению славянских и югославянских связей на федеративной основе, отвечали литературные статьи в «Словенском народе». Юрчич в рубрике «Листок» опубликовал «Дружеское письмо», «Записки из Вены», «Главу о сердце вообще и о каринтийском сердце в частности», народный дух он постарался передать в «Павлиховой суме». В рассказе он вспоминал также Миху Кастелица. Национальному деятелю Янежичу посвящен очерк-«жизнеописание» Трстеняка. Так как любовь к близким, родному дому, словенской земле непосредственно связывалась с любовью к родине, национальные чувства старались пробудить при помощи описаний путешествий. Словенские края и события

национальной жизни в различных сообществах описывали «Записки из белой Любляны», вышло «Письмо из Халоз», с Верхней Крайной связал себя Юрий Млат, в «Письмах верхнекраинского гуляки», о словенских краях рассказывал в «Жизни на курорте» Фран Левец еще под псевдонимом Паулус, с каринтийским краем знакомило читателя «Путешествие по Юнской долине» (неизвестного автора С.). Миролюбие и единение со славянством можно было пробудить при помощи всего, что вызывало чувство гордости (об этом писал автор, скрывавшийся за инициалами К. д.), и прежде всего актуализируя исторические личности и героические моменты истории. Один за другим выходили биографические очерки, например, о вожде чешского народа К. Гавличеке Боровском, югославском академике Джуре Даничиче, о Тургеневе. С этой же целью Лавослав Горенец Подгорицан перевел произведения М. Чайковского («Отрицание» из польской истории) и Тургенева («Петушков»). В то же время частями выходил его перевод чешской историко-романтической пьесы Прокопа Чочолоушека «Последний боснийский король». В славянские земли уводили записки из Вараждина и Загреба. П. Турнер даже опубликовал записки с Рейна и Брайтона, а также «Очерки из Лондона». «Словенский народ» печатал сочинения Менцингера, среди его публикаций были стихи Прешерна («Девушкам»), Левеца, Левстика с его «Полуночными мыслями словенского первака» и Стратара с «Блудным сыном» из «Младики» и отрывком романа «Зорин». Клодич опубликовал комедию «Новый мир» в трех действиях.

Мариборский «Словенски господар» при редакторе Матии Прелоге, занимавшийся ежедневными новостями и печатавший политические статьи, отвечавший на хозяйственные вопросы и советовавший как вести крестьянские хозяйства, публиковал и способствовал распространению лишь той литературы, которая могла служить иллюстрацией к избранным сюжетам и внедрять национальную идеологию. На его последних страницах можно найти анекдоты, — напр., о барине и крестьянине, показывающие остроту ума последнего, — загадки, шутки. В нескольких номерах выходил обширный драматический текст анонимного автора «Под липой», в подзаголовке названный поучительными разговорами, за ним следовала пьеса «У жупана». Федро Кочевар пропагандировал народную поэзию и акцентировал внимание читателей на героических песнях, напр., о временах турецкого нашествия. Он призывал брать пример с сербских героических песен, которые своим боевым духом пробуждали у читателей лучшие чувства и в первую очередь гордость. Через литературу прославлялись национальные деятели (как, например, в биографическом очерке Р. «Кремпелю»).

Национальному образованию должно было содействовать художественно-историческое чтение в «Тржашком людомиле»³⁷ («Триестском людомиле») и его национально-ориентированном наследнике «Иллирском Приморьянне». Здесь вышли «Комедия на лугу у Св. Ивана под Триестом в 1866 году» (Ц.), события которой происходили в триестском краю, и драматический текст «Разговор между господином Славолюбом и крестьянином Матевжем около Триеста» (некого –П.–), состоявшийся на этнической словенско-итальянской границе, который уже через условные имена, отраженные в названии, призывал к служению народу. Свои стихотворения публиковал Иван Томшич. В журнале печатались шутки, услышанные в народе, чтобы таким образом приблизить к нему читателя. В этом контексте можно понять заботу Дробница о публикации оригинальной словенской и славянской народной или написанной по народному образцу поэзии и прозы.

Ограничение литературной деятельности актуальной политикой видно в приветственных словах Ериши. Литературу он считал репрезентацией языка и культуры нации. Его воззрения отражают две метафоры: «собирание меда чистого словенского языка» в качестве функции национального возрождения и утверждения национального самосознания и «приглашение к дарам родины»:

Кто не хотел бы в часы одиночества посмотреть на утренние горы отечественной поэзии, родной литературы, родной истории? Литературная газета — это и драгоценная симфония, которая будет звать наших милых патриотов к дарам родины. О, чтобы «Словенская пчела»³⁸ и дальше заботливо летала по словенским дубравам, чтобы и впредь мед чистого словенского языка собирала, а если его не хватит, искала его по другим славянским равнинам!³⁹

«Словенска чбела»⁴⁰ («Словенская пчела») перепечатывала публикации из «Дробтинц» («Мелочи»), «Ведежа» («Знайка»), «Новиц», публиковала народные песни — отечественные, хорватские, чешские и немецкие, — также для нее писали Шубиц, Улага, Враз, цельские учащиеся. Внутри политico-дидактичного идеиного контекста развивалась литературная деятельность в журнале «Словенская бчела» Янежича. Здесь наряду с историческими, географическими, лингвистическими, этнографическими и биографическими статьями об известных словенцах и славянах публиковались национально-охранительные и просветительские стихотворения и повести Томана, Светеца, Трдини, Енко, Левстика, Турнограйской, а также Вальявеца и Маяра, собиравших и печатавших народные песни.

Обусловленность публикаций национальной программой подтверждает обещание редактора издавать повести, созданные на основе национальной и славянской истории, и собирать фольклорный материал — от рассказов и песен до загадок и пословиц, которые он называл «ключами к храму народности». Показательны народный рассказ Трдина о событиях турецких времен «Аров и Змаи», повесть Светеца «Владимир и Косара», «Сватовой-пустынник» и «Невинность и сила» Турнограйской и т. д.⁴¹

Журнал «Словенский гласник» в своих литературных публикациях также стоял на национальных позициях и одновременно расширял прикладные знания. Наряду со статьями по языкоизнанию, искусству, этнографии, культурно-политической жизни и истории в нем выходили народные песни Валявича, Юрчича, Кочевара и др., а также оригинальная словенская поэзия и проза отдельных, проявивших себя в деятельности читален писателей — таких как Енко, Песъяк, Билц, Грегорич, Крек, Юрчич, Керспик, Лесвец, Еръявец, Целестин, Манделиц, Левстик и др. Литература была подчинена образовательным, дидактическим задачам.

Религиозно-воспитательные и национально-познавательные интересы влияли на содержание «Дробтиц», где публиковались Сломшек, Вирк, Розман и др. и где в качестве художественно-поучительного чтения предлагались религиозные и воспитательно-образовательные сочинения. Третья часть «Шолского приятеля»⁴² («Школьного друга») предназначалась для художественной литературы и литературных повестей. Этот журнал издавали Эйшишилер, Прапротник, Сомер и др. Подобное направление было характерно и для «Учительского товарища»⁴³ («Товарищ учителя»), поддерживавшегося духовенством и наряду с проповедями, христианскими поучениями публиковавшего и художественную литературу. В нем выходили в свет краткие повести, анекдоты, песни и поучительные сочинения, которые печатались в связи с каким-либо событием. Они посили религиозно-воспитательный характер, посвящались заслуженным людям или воспевали словенскую землю (например, стихотворения «К новому году», «Пасхальная», «Пасхальные яйца», «Святой вечер», а также посвященные Сломшеку, св. Кириллу и Мефодию, миссионерам, виноградной лозе и т. п.). Здесь публиковались Левичник, Балантинов, Гербиц и др. Преобладали национально- и религиозно-воспитательные стихотворения, повести и сказки. Поскольку целью газеты «Згодня даница» Ерана, органа клерикалов, было заботиться наряду с национальным и о католическом воспитании, ее содержание оставалось в рамках пробуждения национального сознания в христианском духе. Здесь среди авторов оригинальных и переведенных произведений можно видеть Йожефа Вирка, Петера Хицингера, Анто-

на Умка, Подратитовского, Закрайшека, Варла, Волчича, Калигера, Марешича, Балантинова, Бонача, Лотрича, Партела, Терногорского, Л. Долинара, Т. Зупана, Свitosлава, Марна, Левеца и Фр. Сиествестера, Ант. Намрета, Терновеца, Ерана, Клапшича и др.

Основа книжно-рукописной части библиотек

Основу книжно-рукописной части библиотек читален (и их постоянный репертуар) составляли авторы, чьи книги, рукописи и публикации приведены ниже в приложении. Соотносясь с требованиями места и времени в первую очередь читальни собирали и выдавали на руки, организовывали постановки и чтения тех произведений, которые более всего соответствовали национальной идеи, ведь только таким образом они могли быть эффективными в выполнении национальных задач. Они предпочитали оригинальные произведения — из драматических текстов отмечено 16 таких пьес; также не была обойдена вниманием и словенская религиозная и патриотическая поэзия. Любовью пользовалась народная песня. Приблизительно половину (50 %) составляют представленные публике переводы немецких авторов, что ставит под вопрос наличие конкурентности между отечественной и немецкой литературой. Возможно, такой объем немецкой литературы обуславливается слабостью оригинальных произведений, что постоянно требовало обращения к наиболее близкой и развитой литературе. Чуть меньше десятой части (8 %) составляют переводы из английской, французской, итальянской и прочих литератур. В то же время словенские произведения и переводы из славянских литератур составляют пятую часть текстов (по 21 %). Одной из причин обращения к славянским источникам могла быть — в условиях неславянского государства — также и стратегия национального выживания. Публикация произведений, созданных в подобных условиях и имевших свои корни в идейной взаимности, могла быть в то время важной для сближения словенского общества с остальным славянством, символически выражало и утверждало национальную и культурную идентичность. Этим объясняется частое обращение к — словенской и славянской — народной и литературной поэзии. Среди национального песенного фольклора важнейшую роль играли сербские, а также и чешские песни (напр., о Вышеграде, столичном городе), так как, сохранив давний характер героической песни, они гармонировали с духом времени. Они воспевали любовь к людям, к братьям, к родному дому, что было тесно связано со стремлением к благу народа и родины. Они обращались к славной истории славян: потере сербами независимости

в середине XV столетия и борьбе против турок — и этими песнями иллюстрировали потерю свободы славянами (например, героические женские песни — «Девушка Маргита», которая мужественно прощается с жизнью, так как не может вынести гибели родины). Из них черпались героические идеи.

Собирание, хранение и выдача определенных книг библиотеками соизмерялось с культурно-политической ситуацией в национальном обществе, ведь таким образом они представляли, углубляли и распространяли свои политические взгляды. Читатели и зрители становились единым по настроению сообществом. Подчиненность библиотек и их деятельности политическим требованиям времени особо выражалось там, где библиотеки выполняли не только так называемую архивную функцию, но тяготели к сбору и расширению актуальных книжных и серийных публикаций. Большинство книг относится к XIX в. Гораздо реже встречаются более ранние авторы (напр., Водник, Линхарт, Канчник). Статья, опубликованная «Словенцем», «Чего словенцам надо?» обращает внимание на значение включения всех сфер общественной жизни в процесс национальной эманципации, вместе с тем касается и роли в этом литературы и библиотек. Рассуждая о значении литературной традиции и современных литературных опытах, автор затронул и вопрос о том, какой должна быть стратегия собирания и распространения литературы. Хотя знакомство с произведениями прошлого и традициями важно, — ведь таким образом выражается уважение к славным предкам, которые боролись за права языка и равноправие культур, и одновременно утверждается историческое сознание о национальной принадлежности (здесь упоминаются Прешерн, Ярник, Водник), — автору статьи кажется, что главным должно быть распространение современного словенского патриотизма, ибо он является основным средством и целью. Благодаря этому читающая публика сможет быстрее проникаться национальными идеями, а библиотеки читален с помощью сбора материалов смогут самым плодотворным образом включиться в процесс национальной эманципации.

С точки зрения родовой принадлежности произведений (вне зависимости от того, оригинальное ли оно или переводное) явное преимущество имела драматургия. Кроме общепринятого мнения, что драматургия среди всех литературных родов обладает самым большим потенциалом в представлении и утверждении языка, а также с точки зрения национального просвещения (Кордеш), по моему мнению, ее преимущество определялось ее постановочным потенциалом, элементом физического и чувственного присутствия. Предназначенная для сценической по-

становки, драматургия, вероятно, могла лучше всего непосредственно контактировать с воспринимающей аудиторией и вживую ей пренаподносить как выразительность словенского языка, так и представляющиеся ключевыми для национального просвещения моменты. Судя по заметкам в газетах, это было в определенной мере поверхностное понимание местной специфики действия и характерных особенностей образов (самосознание, крестьянская сила, храбрость, споровка), в которых публика могла увидеть саму себя и осознать свое благородство. Что касается жанровой принадлежности, то преобладала комедия, которая могла обозначаться многими синонимичными словами — комедия, веселая пьеса, веселье, шутливая пьеса, характерное подобие и шутка, анекдотичная пьеса, пьеса (показ игры и игра). Доля комедии станет еще больше, если сюда добавить произведения без указания жанровой принадлежности, но заметки и сообщения о них в периодике говорят, что речь шла именно об этом жанре, — таким образом ее доля составляет полнопоченных 70 % из всего театрально-драматического репертуара, отраженного в публикациях. Присутствует также жанр трагедии, — так были приведены лишь три произведения классического репертуара, а именно: «Мария Стюарт», «Орлеанская дева» и «Мессинская невеста», — одна мелодрама, и только один раз появляются обозначения «народная пьеса» и «драматическое произведение».

Представляет определенный интерес собрать корпус произведений, которые лишь упоминаются в документах, в периодике. В отличие от отечественных произведений, хранящихся в библиотеках, определенную трудность представляют собой переводные тексты, которые, за исключением отдельных примеров, не доступны. Было бы интересно также посмотреть, каким образом и какое место эти произведения занимали в жизни читален, как с их помощью осуществлялась манифестация важных для самих читален и всего словенского сообщества тем. Представленную литературу, несмотря на описанные выше положение и роли, следовало бы досконально изучить в функциональном и динамическом отношении к общественно-культурному контексту 60 гг. XIX в., вместе с тем, обратить внимание на возможную структурную и выразительную специфику и образчики этой литературы. Только так мы смогли бы приблизиться к идеалу полнопоченного показа литературной жизни, в которой свои роли играют сама литература, средства ее выражения, литераторы и вся широкая область литературной деятельности.

Перевод Н. Пилько и Ю. Созиной

Ядро книжно-рукописной части библиотек

- A. — из словенской литературы;*
- B. — из славянских литератур;*
- C. — из немецкоязычной литературы;*
- D. — из других литератур.*

Янез Билц (1839–1906; публикует религиозно-патриотические и торжественные стихи)

A. Поэзия: Pervenci: poezije Janceza Bilca (1864), («Na grobu»)

Драматургия: «Vodnik, Zois in Linhart ali Slovenija oživljena »

Янез Блейвейс (1808–1881)

B. Драматургия: «Vdova in vdovec: vesela igra v enem dejanji» (1870; по Гольбейну), Županova Micka (1864–65; по Рихтеру; см. также Линхарта)

Матия Валивец (1831–1897; пишет в манере народной песниозвучию с народной идесей)

A. Поэзия: Pesmi (1855), Zora in Solnca: pripovedna pesem v treh delih (1867)

B. Драматургия: Isigenija v Tavriji (1850; по Гете), Sin divjine (по Фридриху Гальму / певец. Элигия-Франца Мюнх-Беллинггаузена)

G. Драматургия: Sofoklov Ajant (1863; Софокл)

Мирослав Вилхар (1818–1871)

A. Поэзия: Pesmi Miroslava Vilharja (1860; патриотическая поэзия), Pesmi Miroslava Vilharja III. Šestka I., II., III. (1861), Žabjanke (1865; сатирическая политическая поэзия), («Bratom», «Sercu», «Lipa», «Stari in novi duh», «Ne udajmo se», «Pesem Vodniku», «Po jezeru»)

Драматургия: Jamska Ivanka: izvirna domorodna igra s pesmami v treh dejanjih (1850), Vilharjeve igre I–IV (1865–66; «Poštena deklica: šaloigra v enem delu», «Župan: izvirna šaloigra v 2 delih», «Slep ni lep», «Detelja: izvirna šaloigra v enem djanji»)

B. Драматургия: «Striček» (по Бенедиксу), Servus Petelinček: šaloigra v enem delu, svobodno po nemškej (1865; по Флерксу, перевод, вскорятно, Вишара), To sem bil jaz!: šaloigra v enem dejanji (1868; по Гутту; см. также Томшича)

G. Драматургия: Filozof: šaloigra po angleškej (1865), Igra Pike: šaloigra v enem delu, svobodno po francozkej (1865; по Фурнье и Мейсеру)

Йозеф Вирк (1810–1880)

Валентин Водник (1758–1819)

A. Поэзия: Pesme za pokušino (1806), («Zadovoljni Kranjec», «Vršac», «Mojim rojakom», «Milica miljena», «Moj spominck», «Kdo rojen», «Ilirija oživljena»)

B. Драматургия: Tinček Petelinček (1802; по Коцебу)

Йосип Вошињак (1834–1911)

A. Поэзия: («Prisega», «Ljubici pod oknom»)

Јанез Глобочник (1824–1877)

B. Драматургия: Serežan: hrvatska opereta v enem dejanji (1869; по Кёку), Svojeglavneži: vesela igra v enem dejanji (1869)

B. Драматургия: «Pravda» (Бенедикс)

Наце Долинар

B. Драматургия: Žlahte (с немецкого)

Йосип Дробнич (1812–1861; собиратель народных песен)

B. Драматургия: «Juran in Sofija, ali Turki pri Sisku», «Štefan Šubic, ali Bela IV. na Horvaškim»

B. Драматургия: Dvoboj, Raztresenca (1850; по Коцебу), Starost slabost: vesela igra v enem dejanju (по Вейсентурн), Pravi Slovenec: veselica v enem dejanju (1859; по Вейсентурн), Drevar ali beli gaber: značajna podobšina v dveh delih (1859; по Кайзеру)

Симон Енко (1835–1869)

A. Поэзия: Pesmi (1865), («Naprej», «Domovini», «Pobratimija», «Dan slovanski», «Adrijansko morje», «Slovenska zgodovina», «Samo», «Ti ravnina»)

Себастијан (Боштьян) Женич (1829–1883; собиратель фольклора)

B. Драматургия: Čudodelni klobuk (до 1851; по Клицпери), Bob iz Kranja (1865; по Штешанеку)

B. Драматургия: Pozabljenci (по Коцебу)

Јакоб Забуковец (1827–1904)

B. Драматургия: Dobro jutro (по Клицпере; см. также Манделца, Космача)

B. Драматургия: Domači prepri: kratkočasna igra v enem aktu (1864; по Коцебу), Snubači (1863; с немецкого), Popotnik (1864; с немецкого) и оперетта Ф. Шуберта «Advokata» (1864)

G. Драматургия: V gostilnici na pošti / Na pošti (1866; Гольдони)

Иван Калан

B. Драматургия: Deborah: narodna igra v štirih dejanjih (совместно с Цегнаром, Косесским и Кончаном по Мозенталию)

Андрей Капчиник (1775–1841; народный поэт)

A. Поэзия: («Godec»)

Фран Кончан

B. Драматургия: Deborah: narodna igra v štirih dejanjih (совместно с Цегнаром, Косесским и Каланом по Мозенталию)

Йован Весел Косески (1798–1884)

A. Поэзия: Kdo je mar? Besede J. Koseskega, napev dr. Benjamin Ipavcev (1864), («Raj zgubljen», «Kdo je mar», «Legenda»)

B. Драматургия: Divica Orleanska: tragedija petih dejanj s predigro (1848), Mesinska nevesta: tragedija (1849), по Шиллеру, Deborah: narodna igra v štirih dejanjih (совместно с Цегнаром, Кончаном и Каланином по Мозенталю)

Ирий Космач (1799–1872)

B. Драматургия: Tat v mlinu ali Slovenec in Nemec, Dobro jutro (1848/1849 по Клицпере; см. также Манделца 1867), «Kovačeva Minka»

B. Драматургия: «Hvaležni sin» (по Энгельну)

Грегор Крек (1840–1905; собиратель славянского фольклора)

A. Поэзия: Poezije (1862), («Pevec», «Zvezdice»)

Войтех Куриник (1826–1886)

A. Поэзия

Карел Лаврич (1818–1876)

A. Поэзия: («Sveti Ciril in Metod»)

Фран Левстик (1831–1887)

A. Поэзия: Pesmi (1854), («Na grobu dr. Preširna», pripovedna pesem «Ubežni kralj»)

Проза: «Črtice iz življenja sv. Cirila in Metoda»

Драматургия: «Zatoženi samoglasnik», «Šaloigra v 1 djanju»

Михаэл Лендовшек / Богослав Рогачки (1844–1922)

A. Драматургия: Dramatični prvenci Bogoslava Rogačkega (1866), igra Kteri bo?: izvirna veselica v dveh činih, Mož beseda (написано в 1866, опубл. в 1876)

B. Драматургия: Tičnik: kratkočasna spevoigra v enem dejanji (1869; по Коцебу)

Антон Томаж Линхарт (1756–1795)

B. Драматургия: Županova Micka (1789; по Рихтеру; см. также Блейвейса)

G. Драматургия: «Ta veseli dan ali Matiček se ženi» (1790; Бомарше)

Франц Малавашич (1818–1863)

B. Драматургия: drama Mlinar in njegova hči: žalostna igra v petih aktih (1867; по Раупаху)

Валентин Манделц (1837–1872)

B. Драматургия: Dobro jutro: vesela igra s petjem v dveh dejanjih (1867–1868; см. Космача)

G. Драматургия: Klobuk: vesela igra v enem dejanji (1869; де Жирарден)

Йосип Маринко

Б. Драматургия: Gospod Čapek, ali: Kaj me nihče ne pozna?: veseloigra v enem dejanji (1868–69; по Фредру; см. также Старе), Oproščeni jetnik: šaloigra v enem dejanji (1868; см. также Старе)

Франьо Марп (1846–1905)

Б. Драматургия: Ultra!: veseloigra v enem djanji (1867; по Шамберку; см. также Ребеца)

Матия Мајр (1809–1892)

А. Поэзия: Pesmarica cerkvena (1846, 1852), Sveta brata Ciril i Metod slavjanska apostola (1864, 1865)

В. Драматургия: Jagodice: igra v enem djanju po Kr. Šmidu (1859; по Шмиду)

Иван Навратил (1825–1896)

В. Драматургия: Kljukec se ženi, Kljukec je od smrti vstal (1864), по Коцебу

Йосип Нојли (1841–1902)

А. Драматургия: izvirna burka «Ulajnar od koprolu»

Б. Драматургия: Graščak i oskrbnik: igrokaz v štirih dejanjih (1869; по Крашевскому)

Йосип Огринец (1844–1879):

А. Драматургия: V Ljubljano jo dajmo!: izvirna vesela igra v treh dejanjih (1869)

Литон Умек Окишки (1838–1871; поэт «на случай» и религиозного стихосложения):

А. Поэзия: Pesmi (1865), («Dvojna leta», «Pevec buditelj»)

Луиза Песњак (1828–1898)

В. Драматургия: Strep: vesela igra v enem djanji (1865), Svitoslav Zajček: vesela igra v enem dejanji (1865, с немецкого)

Йосип Покликар (1837–1891)

А. Драматургия: igra «Muha in krop»

Блаж Поточник (1799–1871; патриотически-религиозная поэзия):

А. Драматургия: igra «Prerokovanje vremena v prihodnjem letu»

Андрей Прапротник (1827–1895; религиозно-поучительная, патриотически-развлекательная поэзия)

А. Поэзия: Стихи, cerkvene in druge (1856), Sveti pesmi za šolsko mladost.

Nabral in izdal Andrej Praprtnik, učenik v Ljubljani (1864), («Domovina», «Luna»)

Матия Прелог (1813–1872)

В. Драматургия: Črni Peter: kratkočasna igra v enem djanju (1866), Zakonska sol: kratkočasna igra v enem djanju (1867, с немецкого)

Франце Прешерн (1800–1849)

А. Поэзия: Poezije (1847), («Strunam», «Slovo od mladosti», «Povodni mož», «Turjaška Rozamunda», «Soldaška», «Nezakonska mati», «Lenora»)

Драматургия: dramatizacija «Krsta pri Savici» (неизвестного автора)

Матевж Равникар Поженчан (1802–1864)

А. Поэзия: («Kralj Matjaž», «God enakopravnosti»)

Радослав Разлаг (1826–1880)

А. Поэзия: Pesmarica (1868, 1872; slovenske ljudske pesmi), («Domovina», «Sirota»)

Франце Ребец

Б. Драматургия: Ultra!: veseloigra v enem djanji (1867; по Шамберку; см. также Марина), «Na mostu: gluma v enem djanji» (1867; по Клецпере)

Андрей Смоле (1800–1840)

Г. Драматургия: Varh: komedija v dveh djanjih (1840; по Гаррику; вероятно, по немецкому изданию)

Йосип Старе (1842–1907)

Б. Драматургия: Gospod Čapek, ali: Kaj me nihče ne pozna?: veseloigra v enem dejanji (1868–69 по Фредру; см. также Маринко), Oproščeni jetnik: šaloigra v enem dejanji (1868; см. также Маринко), Ženin od gladi: vesela igra v enem dejanji (1868; по Неруде)

Ловро Томан (1827–1870)

А. Поэзия: Glasi domorodni (1849), Sloveniji slobodni njé zvesti sinovi na Dunaju (1848), («Himna na Vodnika», «Slavjanska mati», «Na razhodu», «Mar i bor», «Pod lipo», «Pri vodici», «Edinost»)

Бернард Томишич (1811–1856)

А. Драматургия: veseloigra Lahkoverni (1845)

Б. Драматургия: Boj pri Vudački (1855)

В. Драматургия: «Ravni pot najboljši pot: vesela igra v enem dejanji» (по Коцебу), To sem bil jaz!: šaloigra v enem dejanji (1868; по Иоганну Гутту; см. также Вилхара)

Франце Цегнар (1826–1892; поэт торжественного и патриотического жанра, переводчик славянской народной песни)

А. Поэзия: Pesmi (1860), («Noč», «Roža med trnjem»)

Б. Драматургия: Marija Stuart: tragedija v 5 djanjih (1861), Viljem Tell (1886), Valenštajnov ostrog (1864), Valenštajn: dramatično delo (1866), — все по Шиллеру; — Deborah: narodna igra v štirih dejanjih (совместно с Косеским, Кончаном и Калапом по Мозенталю; 1883–1884)

Фран Целестин (1843–1895)

Примечания

- ¹ Novice gospodarske, obertnijske in narodske. Ljubljana, 1856–1871. — Прежде газета выходила под другими названиями: Kmetijske in rokodelske novice. 1848; Novice kmetijskih, rokodelnih in narodskih reči. 1849–1855.
- ² Novice gospodarske, obertnijske in narodske. 9. oktober 1861. S. 341.
- ³ Novice... 16. oktober 1861. S. 349.
- ⁴ Novice... 23. oktober 1861. S. 357.
- ⁵ Novice... 24. april 1861. S. 138.
- ⁶ Novice... 16. oktober 1861. S. 349.
- ⁷ Novice... 25. september 1861. S. 323.
- ⁸ Novice... 26. februar 1861. S. 68.
- ⁹ Novice... 26. marec 1862. S. 101.
- ¹⁰ Mal J. Zgodovina slovenskega naroda. Celje, 1993.
- ¹¹ Dobrić B. Kultura čitanja i nacionalni pokreti: čitalačka društva i knjižnice u Puli u drugoj polovici 19. i prvoj polovici 20. stoljeća. Pula, 2003.
- ¹² Slovenski glasnik. Celovec, 1858–1868.
- ¹³ Slovenec: Živi, živi duh slovenski, bodi živ na vekе! Celovec, 1865–1867.
- ¹⁴ Slovenski glasnik. 1. april 1862. S. 139–142.
- ¹⁵ Cestnikov A. K. Pregled slovenskega šolstva v letu 1861 // Novice... 1 januar 1862. S. 2.
- ¹⁶ Slovenski narod. Ljubljana, 1868–1870.
- ¹⁷ Novice... 25. september 1861. S. 323.
- ¹⁸ Slovenec. 18. januar 1865. S. 7; 19. april 1865. S. 107.
- ¹⁹ Slovenec. 4. marec 1865. S. 59–60.
- ²⁰ Novice... 21. avgust 1861. S. 277–278.
- ²¹ Novice... 8. januar 1862. S. 14; Triglav. 11. februar 1865. S. 61.
- ²² Novice... 8. januar 1862. S. 14; Slovenec. 23. februar 1867. S. 93–94; Triglav, 30. junij 1865. S. 219; 11. avgust 1865. S. 268.
- ²³ Novice... 5. november 1862. S. 378; Slovenec. 6. januar 1865. S. 7; 15 april 1865. S. 104.
- ²⁴ Triglav: Zeitschrift für innerösterreichische Interessen. Ljubljana, 1865–1869.
- ²⁵ Triglav. 31. januar 1865. S. 37.
- ²⁶ Čitalnica: Podučivni list za slovenski narod. Gradec, 1865.
- ²⁷ Ilirski Primorjan: Podučiven, omikaven in kratkočasen list za slovensko ljudstvo. Trst, 1866.
- ²⁸ Slovenski gospodar: Podučiven list za slovensko ljudstvo. Maribor, 1867–1871.
- ²⁹ Slovenska běela: Podučen in kratkočasen list. Celovec, 1850–1853.
- ³⁰ Zgodnja Danica: Katoliški cerkveni list. Ljubljana, 1849–1870.

³¹ Slovenec. 2. junij 1866. S. 174–175; 6. junij 1866. S. 179; 3. januar 1867. S. 4; 24. januar 1867. S. 43.

³² Slovenska kronika XIX. stoletja, 1800–1860 / Ur. J. Cvirn etc. Zv. 1. Ljubljana, 2001. S. 338.

³³ *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina: 1848–1895. 6 zv. v 7 kosih. Ljubljana, 1955–1966.

³⁴ Naprej. Ljubljana, 1863.

³⁵ Naprej. 3. julij 1863. S. 212.

³⁶ Slovenec. 14. januar 1865. S. 1.

³⁷ Tržaški ljudomil: Političen, podučiven in kratkočasen list za slovensko ljudstvo. Trst, 1866.

³⁸ Имеются ввиду знаменитый альманах «Kranjska čbelica» («Крайинская пчелка») и созвучные по названию более поздние периодические издания, о некоторых из которых далее пойдет речь. — Прим. пер.

³⁹ Slovenija. Ljubljana, 8. januar 1850.

⁴⁰ Slovenska čbela: Berilo za obudo in omiko slovenskega duha. Celje, 1850.

⁴¹ *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina... Zv. 1. Ljubljana, 1955. S. 222.

⁴² Šolski prijatelj: Časopis za šolo in dom. Celovec, 1852–1870.

⁴³ Učiteljski tovariš. Ljubljana, 1861–1870.

H. H. Старицова

Словенская литература в России (проблемы изучения, преподавания, перевода)

Русско-словенские культурные и научные связи восходят к концу XVII в., систематическим и многосторонним изучение культуры и литературы Словении стало во второй половине XIX в. Интерес русской общественности (сначала научной, а затем и более широких слоев) к культурному опыту других славян, в том числе словенцев, был связан с тем общественным подъемом, который переживали эти народы на протяжении практически всего XIX в., с так называемым «славянским возрождением». Русское общество с симпатией следило за национально-освободительной борьбой порабощенных славянских народов, поддерживало внешнюю политику русского правительства: противоборство Российской империи с Турцией и монархией Габсбург-

гов, угнетавших славянское население. Большое значение имело также осознание великой роли древнеславянского (церковнославянского) языка и древнеславянской книжности в истории русского литературного языка и русской литературы. В 1804 г. при Московском университете было открыто Общество истории и древностей российских, в деятельности которого важное место заняло осмысление вклада славянского культурного и исторического наследия в русскую историю и литературу. За этим закономерно последовало введение курса языков и литератур южных и западных славян, истории и культуры славянских народов в программу российского университетского образования. Первой ласточкой на этом пути стало учреждение в 1811 г. в Московском университете кафедры славянской словесности, «под чем подразумевалось введение должности профессора церковнославянского языка»¹, которую занял М. Г. Гаврилов (1759–1829). Вскоре изучение «языка-прадорителя» сменилось вниманием к живым языкам, истории и этнографии славян. В соответствии с «“Общим Уставом Императорских Российских Университетов”, утвержденным Государем Императором 26 июля 1835 г.»², в составе 1-го отделения философских факультетов учреждалась кафедра истории и литературы славянских наречий, впоследствии переименованная в кафедру славянской филологии, первыми профессорами которой в Москве стали М. Т. Каченовский (1775–1842) и О. М. Бодянский (1808–1877). Одновременно подобные кафедры были открыты еще в трех русских университетах: в Санкт-Петербурге, Казани и Харькове.

Профессор Московского университета, занимавший в разное время должности декана словесного отделения и ректора, редактор журнала «Вестник Европы», Каченовский, пользовавшийся влиянием в административных кругах, внес существенный вклад в закрепление славяноведения среди учебных дисциплин университета, в дело организации преподавания славянских языков, истории и литературы в Московском университете. Он много содействовал подготовке молодых кадров — командированию выпускников за границу для изучения живых славянских языков. Благодаря его содействию научную стажировку получил первый профессиональный славист Московского университета О. М. Бодянский. Во время пятилетнего пребывания за границей (1837–1842), большей частью в Чехии, а также в Словакии, Польше, Сербии, Хорватии, молодой славист осваивал живые славянские языки, изучал литературу, установил личный контакт с ведущими славянскими учеными и деятелями культуры, в том числе с П. Й. Шафариком, В. Ганкой, Я. Колларом, Е. Копитаром, В. Караджичем, Л. Гаем, С. Вразом и др., исследо-

довал собрания древних славянских рукописей, закупал книги на славянских языках для университетской библиотеки. Вслед за Бодянским в славянские земли были командированы П. И. Прейс, И. И. Срезневский и В. И. Григорович, впоследствии автор первого труда по истории литературы славянских народов «Краткое обозрение славянских литератур» (1841)³. В последней четверти XIX в. начинается интенсивное развитие славянского литературоведения (прежде всего в рамках сравнительно-исторического направления и культурно-исторической школы). Российские филологи начинают заниматься историей славянских литератур и творчеством отдельных писателей. В дальнейшем судьба словенской литературы в России будет теснейшим образом связана с развитием и достижениями российской академической и университетской словенистики как славистической отрасли.

Непосредственное знакомство русской читательской и научной аудитории со словенской литературой осуществлялось в рамках трех основных периодов, которые можно условно обозначить как «российский», «советский» и «постсоветский». Каждый этап отличается своей спецификой и обусловлен как историческими и общественно-политическими, так социокультурными и литературными факторами. Первый период — последняя треть XIX в. — первые десятилетия XX в. (до Октябрьской революции), время начала изучения и первых переводов, — прошел, без сомнения, под знаком Ф. Прешерна. В «советский» период после вынужденного затишья 1920–1930-х в годы Второй мировой войны внимание к славянским культурам вновь возрастает, чтобы после паузы 1948 г. выйти на новый виток в 1960–1980-е гг., таким образом, и «оттепель», и «застой» дали основной объем словенских прозаических и поэтических произведений на русском языке, воспроизводящих картину национальной литературы XX в. Наконец, после 1991 г., несмотря на то, что в и российскую и в словенскую литературную жизнь вошел рыночный фактор и некогда мощный поток переводов превратился в тоненькую струйку (а в советское время тираж в 30 000 экземпляров считался небольшим), интерес русских читателей к словенским автором отнюдь не иссяк. Этому способствуют не только двусторонние связи в сфере академической и университетской науки, высшей школы, писательских организаций, но и верность современных российских словенистов литературе Словении.

Имена словенских авторов становятся известными в России в 60-ые гг. XIX в., систематическое изучение литературы начинается несколько позже. В 1861 г. в антологии М. П. Петровского «Отолоски славянской поэзии» вышли первые переводы Прешерна («Розамунда») («Тигјашка

Rozamunda) и «Поминки юности» (*«Slovo od mladosti»*). Выдающимся сводным трудом стала «История славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича (СПб., 1879–1881. Т. 1–2), в которой впервые в ряду других славянских была рассмотрена и словенская литература. В конце 80-х гг. XIX в. по-русски в полную силу зазвучала словенская поэзия. В этом заслуга выдающегося филолога, выпускника Московского университета, академика Федора Евгеньевича Корша (1843–1915), первого настоящего популяризатора словенской литературы в России. В 1889 г. известный литературный журнал «Русская мысль» публикует первую большую работу Корша — перевод одного из лучших произведений Прешерна «Венка сонетов» (*«Sonetni venec»*, 1834). Так впервые эта труднейшая и изысканнейшая форма мировой поэзии зазвучала по-русски. Оригинальные произведения русских авторов, среди которых В. Брюсов, М. Волошин, С. Кирсанов, появились позже. Первым в русской поэзии считается венок сонетов поэта-символиста В. Иванова (1866–1949), опубликованный в 1909 г. в книге *«Cor ardens»* и посвященный памяти его умершей жены Л. Зиновьевой-Анибал. В определенном смысле публикация Корша стала стимулом для русских авторов. Рецепция творчества словенского романтика оказалась значительным фактом русской литературы, проявлением ее восприимчивости к художественным достижениям славянских литератур.

На заре XX в., в 1901 г. русская читательская аудитория получила возможность познакомиться с большей частью творческого наследия Ф. Прешерна: сто двадцать семь его стихотворений вошли в сборник «Стихотворения Франца Прешерна со словенского и немецкого подлинников. Перевод Ф. Корша», оснащенного также предисловием и комментариями переводчика. Книга Корша содержит обширное (более пятидесяти страниц) авторское предисловие, фактически, первое в России научное исследование, целиком посвященное творчеству словенского поэта, в котором он представлен как автор славянского / словенского национального возрождения. Во вторую и третью части введения был включен комментарий практически к каждому из вошедших в сборник стихотворений, анализирующий их с точки зрения истории замысла, размера, рифмы, ассонансов и других поэтических средств. До настоящего времени эта работа Корша представляет собой, пожалуй, самые подробные пояснения к текстам словенского поэта в России. Переводы Корша стимулировали не только читательский, но и исследовательский интерес, способствовали научной полемике, в которой участвовали такие критики и историки литературы, как Д. Вергун, В. В. Уманов-Каплуновский, А. И. Яцимирский, а впоследствии Н. И. Кравцов,

Ю. Д. Беляева, И. В. Чуркина, М. И. Рыжова и многие и другие. Фактически, поэзия Прешерна остается в центре внимания российских литературоведов и переводчиков уже второе столетие⁴.

Исторические катаклизмы начала XX в. прервали систематическое культурное общение славян, в первые годы советской власти угроза нависла и над славистической наукой. После 1917 г. первая попытка создания в рамках советской Академии наук учреждения, исследующего славянский мир, его историю и культуру, была предпринята в 1931 г. Тогда в Ленинграде был организован институт славяноведения, который должен был с позиций новой идеологии начать комплексное изучение исторического прошлого и современного состояния языков и литератур зарубежного и «отечественного» славянства. За два года существования Института вышли в свет два тома «Трудов», по тут грязнуло «дело славистов», повлекшее за собой репрессии ученых, славяноведение было объявлено «реакционной наукой», а Институт в 1934 г. закрыт. На какое-то время славянские исследования, а с ними и славянские межкультурные литературные связи были полностью прекращены. Некоторый перелом наметился на рубеже 1930–1940-х гг. и был обусловлен внешнеполитическими факторами. Реальная угроза фашистской агрессии против Восточной Европы привела к тому, что на смену борьбы с «панславизмом» пришла пропаганда единства и всkovых связей славянских народов, родства их языков и близости культур. Политика консолидации славянских народов перед лицом нависшей опасности, проводившаяся Советским Союзом, требовала необходимого идеологического обеспечения и определенного уровня знаний о славянах и их соседях. Так «сверху» был вновь поощрен интерес к славянским литературам. Борьба славян против фашизма стала мощным стимулом для расширения сферы приложения славяноведения. Уже во время войны обсуждались перспективы создания единого научного учреждения, в котором было бы сосредоточено изучение комплекса проблем, связанных с жизнью славянских народов, а в 1943 г. в МГУ в дополнение к кафедре истории южных и западных славян открылась кафедра словянской филологии под руководством Самуила Борисовича Бернштейна, где впоследствии — уже в начале 1970-х гг. — было начато преподавание словенского языка, а затем и литературы. В настоящее время кафедра словянской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова — единственная в России, выпускающая специалистов с профессиональной словенистической подготовкой и государственной специализацией. Решение об организации в Москве Института славяноведения было принято в 1946 г.

У истоков славянского литературоведения стояли академик Н. И. Кравцов (один из первых исследователей словенской литературы), профессора С. В. Никольский, В. И. Злыднев и многие другие. В 1950 г. было создано подразделение Института в Ленинграде. Научные разработки велись в нескольких направлениях, тесно связанных между собой. С одной стороны, изучались отдельные периоды и явления тех или иных литератур, творчество отдельных, как правило, крупных писателей. С другой — усилия были направлены на осмысление общего развития литератур южных и западных славян, на подготовку историй национальных литератур, потребность в которых ощущалась как в ВУЗах, так и в литературной, журналистской, дипломатической среде. Именно в 1950-ые гг. в Институте была начата работа по созданию историй национальных литератур зарубежных славянских народов, в том числе словенской⁵. На пути ученых, обративших свои исследования к достижениям литератур многонациональной Югославии, встали трудности идеологического и политического характера. Они привели в конечном итоге к тому, что очерки истории литератур народов Югославии увидели свет лишь совсем недавно, тогда как истории других славянских литератур разных периодов (польской, чешской, словацкой, болгарской) начали выходить уже со второй половины 1960-х гг.

В 1995 г. в первом томе «Истории литератур стран Восточной Европы после второй мировой войны. 1945–1960 гг.», подготовленном литературоведами Центра по изучению литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН была опубликована глава, написанная ведущим научным сотрудником института Г. Я. Ильиной, «Литература Югославии», в которой много внимания уделено словенским авторам. Во втором томе этого издания (2001), освещавшем 1970–1980-ые гг., словенская литература указанного периода представлена отдельным разделом, написанным Н. Н. Стариковой. В академической «Истории литератур западных и южных славян» (тт. I, II — 1997, III — 2001) словенской литературе также посвящены отдельные главы: о литературе средневековья писала Л. К. Гаврюшина, о литературе Нового времени — Т. И. Чепелевская и М. Л. Бершадская, о литературе рубежа веков, межвоенного периода и о литературе периода Второй мировой войны М. И. Рыжова, В. В. Сонькин и Т. И. Чепелевская.

После 1945 г. «возвращение» словенской литературы к русскому, тогда к советскому читателю вновь началось с Прешерна. Несмотря на сложный для советско-югославских отношений момент в 1948 г.

(к столетию Мартовской революции 1848 г.) выходит первый в Советском Союзе сборник поэта «Избранное», в котором он впервые после 1917 г. был представлен не как югославский автор, а как крупнейший национальный поэт Словении. Следует уточнить, что вплоть до середины 1980-х гг. словенских авторов в СССР, как правило, называли «югославскими», проецируя на них принятый в то время унификационный подход к культурам народов СФРЮ. В ходу были сборники и антологии, в которых фигурировали по возможности все литературы Югославии, например, «Повести и рассказы югославских писателей» (1959), «Повести югославских писателей» (1978), «Поэты Югославии» (1957), «Поэты Югославии XIX–XX вв.» (1963), «На марше. Народно-освободительная поэзия Югославии 1941–1945 гг.» (1969), «Из современной поэзии народов Югославии» (1972), «Молодые поэты Югославии» (1974), «Поэзия Югославии в переводах русских поэтов» (1976) «Поэзия современной Югославии» (1981) и др. Одним из первых ценителей и популяризаторов собственно словенской поэзии в СССР можно по праву назвать А. Д. Романенко, благодаря которому увидели свет сборники О. Жупанчича («Пробуждение», 1961; «Лирика», 1978), лирические стихи современных словенских поэтов (сборник «Земля и мужество», 1981), первая антология словенской поэзии «Поэзия Словении. XX век» (1989). С этой книги периода перестройки начинается новый этап бытования словенской литературы в русскоязычном пространстве.

Справедливости ради надо отметить, что наиболее интенсивно произведения словенских авторов переводились на русский язык именно в советские годы, в период с 1948 по 1985 гг. до русского читателя дошли имена первого литературного ряда: Ф. Левстика, Й. Юрчича, С. Грегорчича, Й. Стратара, Я. Трдины, Я. Керсника, И. Тавчара, А. Ашкерца, Ф. Финжгара, И. Цанкара, О. Жупанчича, Д. Кетте, Й. Мурна, А. Градника, Ф. Бевка, Прежихова Воранца, Э. Коцбека, М. Бора, Й. Удовича, Ю. Козака, Ц. Космача, М. Краньца, И. Потрча, А. Инголича, Б. Зупанчича, Т. Павчека, Я. Менарта, В. Зупана, А. Хинга, К. Грабельшека, Д. Янчара и многих других. В этом бесспорная заслуга советских ученых-литературоведов и переводчиков, часто выступавших в роли биографов и библиографов, Н. И. Кравцова, О. Д. Кутасовой, А. Д. Романенко, Т. П. Поповой, Е. И. Рябовой, Н. М. Вагаповой. Мало кто из сегодняшнего поколения знает, что в советские времена кандидатуру иностранного автора надо было согласовывать по партийной линии, предоставляя соответствующую информацию о содержании его произведений и его политической биографии. Именно академические филологи-слависты от-

вечали за подобную информацию и в большинстве случаев делали все, что могли, чтобы достойные имена дошли до читателей.

Хочется отдать дань двум литературоведам, по сути, первоходцам словенистики, чей вклад в дело популяризации словенской литературы в СССР трудно переоценить. Первая — это уже ушедшая из жизни исследовательница словенской литературы Е. И. Рябова (1925–1976), вторая — ныне здравствующая и активно работающая М. И. Рыжова. Думаю, их просветительская деятельность по ознакомлению русскоязычного читателя с произведениями словенских авторов, вполне сопоставима с вкладом Ф. Корша. В 1950-е гг. именно Е. И. Рябова, сотрудник института славяноведения и балканстики АН СССР была ответственным редактором альманаха «Литература славянских народов», знакомившего научную читательскую аудиторию с литературными новинками словянского зарубежья. Наряду с немногими филологами, знавшими тогда словенский язык, она много сил отдавала и переводческой деятельности. Благодаря ее самоотверженной работе советские читатели получили возможность познакомиться с творчеством М. Краньца, И. Потрча, Ф. Бека, П. Зидара, Ю. Козака, Ц. Космача, И. Цанкара. Ее можно назвать первым в Советском Союзе профессиональным исследователем поэтики Цанкара, о чем свидетельствуют ряд серьезных научных статей, посвященных художественному методу этого выдающегося словенского прозаика, а также блестящий перевод его романа «На улице бедняков» и великолепные вступительные статьи к цанкаровским изданиям.

Рябова одной из первых обратилась к изучению нереалистических течений в славянских литературах XX в. и их вклада в литературу в целом, несмотря на известное предвзятое и весьма скептическое отношение к ним, распространенное тогда в официальном советском литературоведении. Благодаря ее усилиям было положено начало преодолению этого априорно настороженного подхода к существующим явлениям и представлен их серьезный анализ. Приведу только один пример. В 1978 г. (то есть в разгар советского «застоя» и югославского «свинцового» десятилетия) в сборнике «Литературная критика европейских социалистических стран» в рубрике «Проблемы традиций в марксистской критике» была опубликована посмертная статья Рябовой «Новое в спорах о реализме и модернизме в Словении», которую, по свидетельству одного из членов редколлегии этого издания, Ю. В. Богданова, удалось «протащить» только, замаскировав под марксистскую критику (сыграло роль также и то, что эта публикация была подготовлена автором незадолго до смерти). Эта небольшая работа фактически оказалась первым

знакомством русскоязычного читателя со спецификой словенской внутрилитературной ситуации конца 1960-х — начала 1970-х гг. Конечно, без противопоставления реализма, «характеризующегося стремлением к анализу важнейших проблем современности» и модернизма, как «кризисного мироощущения, уверенного в вечной непримиримости личности и общества»⁶ автору статьи обойтись не удалось, именно на этом антагонизме композиционно построена заметка (все-таки в середине 1970-х в советском литературоведении акцент в сторону равноправия этих направлений был еще невозможен). Но в то же время в этой небольшой статье содержится весьма существенная и совершенно новая информация. Впервые на страницах советского издания открыто констатируется, что в словенской литературе на современном этапе представлены авторы «различных эстетических ориентаций» и налицо сосуществование двух разнонаправленных литературных направлений. При этом подчеркивается злободневность и критическая заостренность творчества ряда модернистских авторов, впервые дается краткая характеристика творчества не только уже известных в СССР словенских писателей реалистического направления, но и незнакомых читателям, неисследованных советской критикой модернистов Д. Смоле и Д. Зайца, цитируются молодые и энергичные теоретики модернизма Я. Кос, Т. Кермаунер, Н. Графенауэр. На лицо попытка минимально тенденциозного освещения актуальной для Словении и новой для советского литературоведения проблематики.

М. И. Рыжова много и плодотворно занималась (и продолжает заниматься) поэзией, приближая к нам поэзию О. Жупанчича и Й. Мурна, А. Ашкерца и Ф. Прешерна, М. Кравоса и К. Ковича. Не без ее усилий словенская поэзия привлекла внимание таких русских поэтов, как Ю. Мориц, А. Кушнер, Ю. Левитанский. Вообще хочется отметить, что словенских авторов переводили многие русские поэты первого ряда, такие как А. Ахматова, Н. Тихонов, В. Луговской, Л. Мартынов, М. Светлов, С. Шервинский, М. Петровых, А. Гитович, А. Найман, Д. Самойлов и многие другие. О прекрасной научной форме М. И. Рыжовой говорит ее участие в вышеназванной трехтомной «Истории литератур западных и южных славян», а также ее блестящее вступление к юбилейному двуязычному изданию Ф. Прешерна, вышедшему в Любляне в 2001 г. Ее последняя работа, осуществленная совместно с М. Л. Бершадской, — перевод романа Д. Янчара «Катарина, павлин и иезуит», к сожалению, еще не нашла своего издателя. Но сам факт, что старейшина российской словенистики «держит руку на пульсе» современной словенской литературы говорит сам за себя.

В новом тысячелетии, несмотря на изменившиеся условия, словенская литература все же находит способы приближения к русскому читателю. Бессспорно, одной из перспективных форм сотрудничества в деле продвижения словенских авторов в России является объединение усилий словенской и российской стороны — результатом такой кооперации стала антология «Современная словенская проза, поэзия, драма», подготовленная российскими переводчиками Анной Судьиной (псевд. Г. И. Замятиной), Ж. Гилевой-Перковской, В. Сонькиным, Б. Артом (псевд. Б. Р. Арутюняна), Н. Стариковой и выпущенная Союзом писателей Словении в 2001 г. В нее вошли произведения А. Блатника, Д. Янчара, У. Каллича, М. Новак, Р. Шелиго, Л. Ковачича, К. Ковича, Т. Шаламуна, У. Зупана, В. Тауфера, С. Макарович, Т. Павчека, А. Дебеляка, Бориса А. Новака, Д. Зайца, Т. Кунтиера, М. Кравоса, Д. Йовановича, Э. Флисара. С 1995 г. переводы словенских поэтов регулярно выходят в ведущем российском издании, знакомящем читателей с достижениями мировой литературы — журнале «Иностранная литература». Там были опубликованы переводы Ф. Прешерна, Т. Шаламуна, А. Ихана, К. Ковича, М. Есиха, С. Макарович, Т. Павчека. В 2002 г. журнал опубликовал работы лауреатов конкурса поэтических переводов имени Ф. Прешерна, приуроченный к 100-летию выхода в свет в России первой книги поэта, который объявили посольство Республики Словения в РФ, кафедра славянской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и ИСЛ РАН. В 2003 г. в «Новом мире» вышла подборка рассказов современных словенских прозаиков Я. Вирка, М. Клеча, Э. Флисара, Р. Шелиго. Свой вклад в знакомство российских читателей со словенской литературой внесли также М. Л. Бершадская, О. С. Плотникова, Ю. А. Созина, И. Д. Макарова, в этот процесс вовлекаются студенты-словенисты. В переводах выпускников словенской группы 2005 г. А. Мисайловой, Ю. Юнусовой, Н. Емельяниной, А. Приваловой, А. Калиженковой, А. Красовец в Словении вышла миниантология молодых словенских авторов «Утро в России» (2004), в которой собраны произведения М. Чандера, А. Штегера, П. Главан, М. Кумердей, Д. Шаротара, С. Порле.

Последним достижением российской переводческой словенистики является вышедшая в 2008 г. в серии «Из века в век. Славянская поэзия ХХ–XIX», придуманной и реализованной С. Н. Гловюком, антология словенской поэзии второй половины XX в., в которую вошли стихотворения пятидесяти трех действующих словенских поэтов, представляющие весь современный «срез» национальной поэзии: от участника

Второй мировой войны Ивана Минатти (р. 1924) до родившегося через полвека представителя пост-постмодернистской генерации Алеша Штегера (р. 1973).

Действующие российские литературоведы-словенисты и переводчики М. И. Рыжова, М. Л. Бершадская, Н. М. Вагапова, Т. И. Чепелевская, Ю. А. Созина, Н. Н. Старикова, Ж. В. Перковская, продолжая развивать традиции уже ушедших от нас Н. И. Кравцова и Е. И. Рябовой, в своих научных и практических изысканиях успешно пытаются описать и проанализировать литературную жизнь Словении с историко-теоретической, социальной, культурологической, эстетической точек зрения и донести до российского читателя своеобразие и благородство этой литературы, ее славное прошлое и жизнеутверждающее настоящее. Естественная смена поколений, происходящая в российской литературоведческой словенистике, несмотря на неизбежное (в условиях всех произошедших как в Словении, так и в России общественно-политических изменений) столкновение точек зрения, векторов оценки литературных ценностей лишь подтверждает, что «раздвинутый идеологический занавес», открывая необозримый мир культуры, дает право на свободную и объективную интерпретацию.

Примечания

¹ Филологический факультет Московского университета. Очерки истории. Часть I. М., 2000. С. 183.

² Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею: 1755–1855. М., 1998. С. 487.

³ См. об этом: *Starikova N. N. Slovanske literature na Moskovski univerzi: iskušnje predavanja in raziskovanja // Obdobja 25. Književnost v izobraževanju — cilje, vsebine, metode*. Ljubljana, 2008. S. 277–284.

⁴ См. об этом: Созина Ю. А., Старикова Н. Н. Франце Прешерн в кругу славянских поэтов-современников и изучение его творчества в России // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов (Любляна, август 2003). Доклады российской делегации. М., 2002. С. 150–158.

⁵ См. об этом: Старикова Н. Н. Словенская литература как предмет научного изучения (из истории российской академической славистики) // Славянский вестник. Выпуск 1. М., 2003. С. 227–236.

⁶ Рябова Е. И. Новое в спорах о реализме и модернизме в Словении // Литературная критика европейских социалистических стран. М., 1978. С. 297.

Ю. А. Созина

Образ России в современной словенской литературе*

Доводилось не раз слышать о том, что словенцы живут и осознают себя «на границе» двух великих культур: западной и славянской. Открытость разным традициям подчеркивает собственную самобытность и позволяет наслаждаться непредсказуемостью эмоциональных и творческих фантазий, рожденных переплетением их богатств. Известный словенский поэт, публицист и переводчик Вено Тауфер писал: «Словенцы развили свою национальную специфику и представляют собой органичную часть Европы. Но точно также мы являемся славянами лишь в качестве центрально-европейского народа и только в этом качестве мы сохранили свою словенскую специфику и ее славянскую направленность»¹. Хотя стороннему наблюдателю покажется очевидной словенская прозападная ориентация, — о чем свидетельствуют многие факты истории, культуры и реалий нынешнего дня, — многим словенцам важно ощущать «крепкие тылы», в своем стремлении на Запад им необходимо чувствовать внутреннюю связь с родственными славянскими этосами, а потому им небезразлична и судьба России. Малые народы могут развиваться и не опасаться за свое существование, когда их большие соседи равно велики: наличие культурных и политических полюсов в данном случае означает и многоголосие мира.

Отсюда, вероятно, проистекает обращенность многих словенских литераторов к русской (российской) культуре, а иногда и прямая апелляция к ней как противовесу все нарастающей обездушенной плоской «массовке», валом валяющей в культурно-информационное пространство.

В подобных случаях речь вовсе не идет ни о «русском мифе», ни о пресловутом панславизме. Тем более кажутся смешными возможные упреки в каких-то политических происках: давно прошли времена насилиственно-последовательной пропаганды советского образа жизни и мысли. Самоценными оказались живые идеи, универсальные парадигмы, духовная широта культуры, возросшей в России. Подмена и смешение политических и культурных понятий и подходов, к сожалению, ведет к оскудению, к скучной унификации. Обогащает же открытость,

* Исследование осуществлено в рамках проекта «Роль русско-славянских связей в становлении, консолидации и дифференциации славянских литератур» по Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых особенностей».

дух взаимного уважения культур, чуткость к специфике и опыту иного — «большого» и «малого» — над пределами политической и экономической выгоды. В этом смысле условно называемым «большими» культурами так же жизненно необходимо чуткое отношение к опыту «малых», ведь самолюбование и ложная самодостаточность могут стать причиной вырождения. Гении — великие мыслители и творцы — принадлежат всему миру, они способны обогатить любого, не смотря на то, из какой национальной традиции они вышли. Вместе с тем, как считал словенский литературовед Янко Лаврин²: «Творчество таланта может быть космополитичным, творчество гения всегда национально...»³

Литература «малого» народа, живущего «на границе», не только со-причастна с культурами «больших» соседей, она вырабатывает свою собственную линию, с исследованием которой приходит понимание произошедшего и происходящего в развитии всех культур. В современной словенской литературе можно выделить значительный корпус произведений, в которых факты российской литературы и культуры, истории и современности использованы в качестве своеобразных интеллектуальных кодов. Россия воспринимается словенскими литераторами неоднозначно, что изначально естественно. Да и была ли она когда-нибудь однозначна и проста в своей истории? Важно стремление разобраться в реальном положении вещей, затуманенных конфликтами различных интересов, освободиться от внешних — очень часто агрессивных — влияний, приблизиться к непредвзятости.

Неоднозначность проявляется и в оценке, и в выборе материала, и во внутренней содержательности и насыщенности целых образов или отдельных штрихов, так или иначе связанных с российской темой. И таких фактов обращения к ней в современной словенской литературе немало.

Примечательно то, что многое из (условно назовем) российского контекста воспринимается словенским читателем настолько органично, что не требует какой-либо дополнительной расшифровки. — Почему условно? Да потому, что довольно трудно ограничить национальными — в данном случае российскими — рамками такие явления мирового масштаба, как наследие Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтина, К. С. Станиславского или В. Э. Мейерхольда... Кроме того, если спуститься на бытовой уровень, многие черты русского национального характера (подмечаемые то здесь, то там представителями иных культур) весьма часто проявляются и у других народов, пусть и не так интенсивно. Так чего же больше между нами: сходств или различий?

31 августа 1980 г. по лондонскому радио прозвучала версия траги-

комедии Эвальда Флисара «Завтра будет лучше»⁴. В основу пьесы положен конфликт, имеющий общечеловеческий (национальный) характер, конфликт между желаемым и действительным, обстоятельствами и стремлением к более значимому будущему, но понимание этой значимости зачастую оказывается сомнительным и агрессивным. Российский литературовед Н. Н. Старикова, в чьем переводе был опубликован отрывок пьесы Флисара на русском языке, назвала это произведение «метафорой неудержимой и безысходной пустоты жизни, где нет абсолютных величин, на которые можно было бы опереться»⁵. В сопроводительной статье к словенскому изданию драмы В. Равняк особо подчеркнул связь пьесы Э. Флисара с «Ревизором» Н. В. Гоголя⁶. Эта связь, действительна, чувствуется в способе достижения трагикомического эффекта, и в пограничной гротескности образов, и в ритме всего произведения. Однако Равняк замечает, что в отличие от Гоголя в пьесе Флисара больше нет того метафизического Абсолюта, божественного начала, наоборот, ее характеризует отсутствие Бога.

Для реализации своего замысла драматург — казалось бы, неожиданно — выбирает российский антураж: место действия — отдаленный сибирский суд, находящийся где-то за полярным кругом, время — дореволюционное (на стене висит портрет Николая II), герои — судьи с говорящими фамилиями: молодой петербуржец Мышкин, поэт-любитель Есенин, исполнитель невротических танцев Нижинский. Сразу назовем и фамилию четвертого судьи, который, играя на изменениях цвета и тени, все время рисует один и тот же весенний пейзаж, — Рембрандт. Бесконечные метели завалили все дороги и подступы к суду снегом, героям совершенно нечего делать, ведь подсудимых нет и не будет до самой весны. В занесенном снегом суде есть и пятый, о чьем присутствии мы узнаем лишь заочно, — молчщий Никита, занимающийся хозяйством, но о нем позже. Специально обратим внимание на то, что «русский» материал используется Флисаром для создания претендующего на универсальность образа, а пьеса его предназначена отнюдь не (или: не только) для российского зрителя / читателя.

Карикатурные параллели, проведенные драматургом при выборе фамилий для своих героев, очевидны. Это Сергей Есенин (1895–1925) — «самый русский» поэт Серебряного века, гуляка и задира (в пьесе Флисара герой с его фамилией постоянно раздает оплеухи), он страдал глубокой депрессией. Это Вацлав Нижинский (1980–1950) — гений танца, «божий клоун», как называл он себя в дневниках, с 18 лет блиставший в Мариинском театре, благодаря Дягилевским сезонам им могла восхищаться вся Европа. Своим предназначением он считал нести и

дарить людям любовь. Великий танцовщик уже в 29 лет начал терять рассудок и большую часть жизни провел «за гранью».

Выбивается из «российской темы» сопоставление с великим голландским живописцем, Рембрандтом (1606–1669), стремившийся к глубокому постижению жизни, именно он впервые использовал тончайшую светотеневую игру (как и герой Флисара) в качестве средства усиления одухотворенности и эмоциональной выразительности. Признанным является мнение, что во всем художественном творчестве человечества, только русский роман XIX века дал психологический анализ такой глубины. (Возможно, именно поэтому автор вводит его в ряд «русских» образов.)

Более опытные Есенин, Рембрандт и Нижипский с помощью своих увлечений — далеких от совершенства, но развеивающих скуку занятий рисованием, немыслимыми па и сложением стихов — заполняют невыносимую пустоту ожидания. Лишь новый судья — Мышкин (как тут не вспомнить сумасшедшего молодого князя из романа Достоевского) — призывает к здравому смыслу и любой ценой стремится «исполнять свои профессиональные обязанности», что в сложившейся ситуации бессмысленно: «Это должно быть сон. Когда же я проснусь? (*Начинает биться головой о стол.*)». Весьма сомнительно понятый долг приводит его к агрессии, он силой и угрозами пытается заставить окружающих повиноваться правилам, но случайно убивает Никиту, или Николая Сергеевича Доброносова, который оказывается Верховным судьей.

Все-таки, на наш взгляд, среди абсурда и смыслового хаоса присутствует нечто, на что можно опереться. То самое незаметное, молчаливое, что долготерпит, не превозносится... Образ Никиты (с говорящей фамилией Доброносов) становится ключевым для понимания пьесы: в нем проявилось чувство любви к ближнему, о котором так просто и глубоко говорил апостол Павел. В качестве наказания суд определяет Мышкину: «Свободный выбор собственной судьбы!», — и он добровольно занимает место покойного — берет на себя заботу о ближних.

Чаще всего словенские писатели используют образы и идеи, рожденные российской культурой и ставшие достоянием всего человечества (упомянем Толстого, Достоевского, Ильфа и Петрова и т. д.). Обращение к фактам русской литературы и культуры происходит самыми различными способами. Это прямые отсылки — от традиционного эпиграфа (напр., в романе Марьяна Рожанца «Бабочка»⁷, 1981, один из эпиграфов взят из книги И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь») до постмодернистского списка литературы (как в романе «Факелы и слезы»⁸, 1987, Андрея Блатника, где, в частности, указан роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Из достаточно прозрачных аллюзий можно также упо-

мянуть Золотой Шар, вероятно, из романа братьев А. Н. и Б. Н. Стругацких «Пикник на обочине», который ищут герои вышеназванного романа А. Блатника⁹. Или слово «обломовщина», адресующее нас к роману И. А. Gonчарова «Обломов», которым характеризует сам себя главный герой, он же повествователь, в романе Павле Зидара «Новолуние»¹⁰ (1990).

Довольно многочисленны реминисценции, сознательно используемые авторами как прием, рассчитанный на память и ассоциативное восприятие читателя, а также прямые ссылки на авторитеты. Подобные ссылки стали излюбленным приемом Витомила Зупана в его автобиографической трилогии «Менуэт для двадцатипятизарядной гитары»¹¹ (1975), «Комедия человеческой плоти»¹² (1980) и «Левитан»¹³ (1982). В последнем романе писатель опытом Л. Н. Толстого оправдывает свои многочисленные нравоучительные отступления, в которых он стремится передать читателю все, что было передумано им о человеке, об обществе, о народе, о законах истории. Намекая на преемственность своей концепции от толстовской, Зупан таким образом снимает с себя обвинения в сомнительной необходимости подобных отступлений¹⁴.

Как отрицательный пример, повлиявший на сознание европейца в XX веке, современным словенским романом названа «История ВКП(б)». Так для Димитрия Рупела, литератора и политического деятеля (бывшего министра иностранных дел Словении), в романе «Львиная доля»¹⁵ (1989) она стала воплощением отношения к врагу не как к человеку, а как к животному. Еще более трагическое и гротескное восприятие ее мы встречаем у Йоже Сноя в романе «Трещина в кресте»¹⁶ (1986), где автор по аналогии с «Краткой историей ВКП(б)» называет страшную книгу рецептов по готовке человечины, написанную главным героем романа, сумасшедшим, представляющим себя И. В. Сталиным и Иисусом Христом в одном лице, — «ВКБ(п)»: «Vsесловенске Kuhärske Bukve (príboljškov)», что на русский язык дословно переводится как «Всесловенская поварская книга (деликатесов)». В известном смысле сталинская история партии является классическим произведением, рожденным российской (советской) культурой и закрепившимся в сознании наших современников старшего поколения.

Зачастую в романах зафиксированы стереотипы в восприятии словенцами России и русских. С их помощью в произведении может передаваться общая атмосфера происходящего, колорит той или иной личности-персонажа, зачастую политическая напряженность, когда, например, речь идет о периоде конца холодной войны — от остатков глубоко закравшегося в подсознание страха помогает освободиться смех. По упомянутому роману Рупела можно в определенной степени вос-

становить стереотип России, сложившийся у части словенцев к концу 1980-х гг. Некоторые из них наверняка вызовут недоумение, но вместе с тем они, видимо, не случайны и заставляют задуматься о том, как нас воспринимают словенцы, и оттеняют наши сходства и различия. Это, например, характеристика состояния героя как «приподнятого ожидания», свойственного русским, или слова одного из персонажей: «Нет человека, которому не пошло бы на пользу, если бы ему время от времени не наступали на ноги! — Этому я научился в академии в Москве». В уже упомянутом нами романе Хинга «Чудо Феликс» один из персонажей словенец, характеризует поведение одного из главных героев следующим образом «безголово, по-русски, истерично», в романе описано немало «русских» привычек и традиций.

Русские реалии могут вводиться в словенские литературные произведения и как сиюминутные высказывания, идеи, актуальные в данный конкретный момент, своеобразная научная, политическая и художественная «кухня». Так например, единственным указанием на времена действия в романе Франьо Франчича «Родина, бледная мать»¹⁷ (1986) является упоминание, что «а в это время Хрущев сажал свою кукурузу». Да и Рупел в самом начале вышеназванного романа, чтобы погрузить нас в атмосферу 1987 года, богатого общественно-политическими событиями в Словении, упоминает, как в мае на Красную площадь в Москве на спортивном самолете скандально приземлился Маттиас Руст.

Автору романа «Львиная доля», Рупелу, достаточно лишь упомянуть некое имя и это освобождает его от необходимости подробного описания, так одна лишь названная поза Ленина вызывает у читателя целый ряд ассоциаций, ужеочно закрепившихся за этим именем. Или другой пример: «...и потирают себе руки тот американский клоун Рейган и товарищ Горбачов, которые только и ждут удобного момента, чтобы присвоить себе наши нивы, наши заводы и наше теплое море». В сочетании со словом «клоун» слово «товарищ» также обнаруживает скрытый иронический подтекст. Отметим, что эта ирония в первую очередь направлена словенцами на самих себя. Ввод в повествование этих и многих других невымышленных имен (а их в романе Рупела около 200) в качестве интеллектуальных кодов, вскрывающих известные культурно-исторические ситуации, необходим автору не просто для достижения эффекта подлинности. Автор отрицает приевшиеся соотечественникам «великие истории» и ищет опоры в общечеловеческой культуре, но его роман «Львиная доля» остается удивительно национальным произведением¹⁸.

В романе «Потерянный свиток»¹⁹ Руди Шелиго (2002), также лауреате премии «Кресник»²⁰, Россия также играет не последнюю роль. «По-

терянный свиток» — это якобы записи откровений Христа, сданные Фомой Неверующим. В романе три части, три героя, являющихся различными воплощениями Фомы в разное время и в разных ситуациях. Герой первой части после различных испытаний становится дальнопобойщиком. Он заканчивает жизнь в тюрьмах чеченских кланов, главари которых требуют от него некие старые свитки, которые для них важнее оружия, наркотиков, денег. Герой второй части, пройдя тюрьму, позднее концентрационный лагерь, тихо прожил оставшиеся годы вплоть до судьбоносного 1991 г. и, словно почувствовав надвигающиеся перемены, уехал в Россию. В Спасо-Андрониковом монастыре он находит икону, изображающую уверение апостола Фомы, и здесь открывает свой тайный чемоданчик: «...ворох пожелтевших листов <...> опадают между убогими смертным, чтоб соединить свое отрицание с их». Таким образом, в этом романе Россия ознаменована как одна из важнейших составляющая общеверопейской культуры — нового претендующего на глобальность содружества народов.

В целом в современной словенской литературе довольно часто используются общемировые (и как их составная часть — русские) образы и образцы. Образ России здесь — явление неоднозначное и многостороннее. Тем более, что вышеназванные писатели придерживаются самых разных политических взглядов. Вместе с тем для большинства из них значение российской культуры непреложно. Так, в стихотворении «Поэт» из поэтического сборника «Дом, печаль: curriculum vitae в стихах» (1994) Йоже Сной, обращаясь к послевоенному времени, когда политические связи между Югославией и Советским Союзом были особенно сильными, и называя это время «наши от звезды опаленные / подмосковные годы», признается, что кроме «лагерных огней» (или «зимы сибирского тюремного меридиана», как он пишет в другом стихотворении «Прижмемся, совьемся» из сборника «Плачи по отцу и отчине», 1983) для многих продолжала жить и другая Россия:

наш
под пеплом тлеющий
антителами —
Лермонтов Тютчев Пастернак
Есенин²¹

В характерном для словенцев понимании многоплюсности человеческого мира, осознании себя составной частью огромного культурного комплекса общеверопейской цивилизации достойное место принадлежит России.

Примечания

¹ Тайфер В. Из опыта жизни «на границе» // Slovenija — Rusija: (pogled v preteklost in sedanjost) = Словения и Россия: минувшее и современность / Отв. ред. А. Сказа. Ljubljana, 1998. 197 с.

² Я. Лаврин (1887–1986) по достижению совершеннолетия уехал из Австро-Венгрии в Россию, где многое сделал на пиве взаимопонимания славян, затем — после Октябрьской революции — обосновался в Великобритании. См. посвященную его деятельности книгу «Янко Лаврин и Россия» (в печати).

³ Лавринъ Я. Славянский вопросъ и художественно-литературное сближениис // Славянский вопросъ в его современномъ значеніи. Речи и статьи Члена Госуд. Думы А. М. Александрова, академ. В. М. Бехтерева, проф. М. М. Ковалевскаго, Янко И. Лаврица, проф. П. А. Лаврова, Д. И. Семиза и проф. М. П. Чувинскаго. СПб, 1913. С. 128–139.

⁴ Flisar E. Jutri bo lepše. Ljubljana–London, 1992. 76 str. s pril. — На словенской сцене, в Любляне, премьера состоялась 23 ноября 1992 г. (труппа Словенского камерного театра).

⁵ Флисар Э. Завтра будет лучше // Словенско-русский альманах. История, языкоznание, публицистика, художественная литература Словении. Справочные материалы по Словении, карты. М., 2001. С. 214–226.

⁶ Ravnjak V. Zakaj imajo sloni velika ušesa? // Flisar E. Jutri bo lepše. S. 69–72.

⁷ Rožanc M. Metulj. Ljubljana, 1981. 194 s.

⁸ Blatnik A. Plamenice in solze. Ljubljana, 1987. 156 s. — Переиздание: 2005.

⁹ Подробнее об этом романе см.: Созина Ю. А. Постмодернизм в романе Андрея Блатника «Факелы и слезы» // Утопия и утопическое в славянском мире. М., 2002. С. 180–188.

¹⁰ Zidar P. Mlaj. Ljubljana, 1990. 131 s.

¹¹ Zupan V. Menuet za kitaro (na petindvajset strelov). Ljubljana, 1975. 424 s. — Переиздания: Murska sobota, 1980; Ljubljana, 1984, 1999, 2004, 2005; Maribor, 2005. — Опубликованы переводы на хорватский, английский, польский, сербский, албанский, венгерский, французский. — В 1980 г. режиссером Живоином Павловичем по роману снят фильм «До свидания в следующей войне» / «Nasvidenje v naslednji vojni».

¹² Zupan V. Komedija človeškega tkiva. Ljubljana, 1980. I — 334 s.; II — 412 s.

¹³ Zupan V. Levitan. Ljubljana, 1982. S. 348. — Переиздания: Zagreb–Murska sobota, 1985; Ljubljana, 2001. — Опубликованы переводы на хорватский, польский, сербский.

¹⁴ Подробнее см.: Созина Ю. А. Автор и герой в романах Витомила Зупана // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 2000. № 4. С. 105–112.

¹⁵ Rupel D. Levji delež. Ljubljana, 1989. 255 s.

¹⁶ Snoj J. Fuga v križu. Maribor, 1986. 348 s.

¹⁷ Francič F. Domovina, bleda mati. Ljubljana, 1986. 94 s. — Опубликованы переводы на немецкий, итальянский, сербский.

¹⁸ Подробнее о романе см.: Созина Ю. А. Творческая личность: созиадатель или разрушитель культурных стереотипов? (на примере творчества словенского писателя Димитрия Рупела) // Науки о культуре в новом тысячелетии: материалы I Международного коллоквиума молодых ученых. М.–Ярославль, 2007. С. 69–73.

¹⁹ Šeligo R. Izgubljeni sveženj. Ljubljana, 2002. 383 s.

²⁰ См.: Созина Ю. А. Современный словенский роман: лауреаты премии «Кресник» // V Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова. Материалы международной научной конференции 11–13 сентября 2003 г. СПб., 2004. С. 170–174.

²¹ Snoj J. Dom, otožje: curriculum vitae v verzih. Ljubljana, 1994. S. 37.

Сильво Торкар

О названиях *Ljubljana* и *Laibach*

О происхождении названия словенской столицы *Ljubljana* (Любляна) существует десятки гипотез, как хорошо обоснованных с лингвистической точки зрения, так и любительских и даже фантастических.

После того, как этимолог Ф. Безлай показал обширность проблематики, связанной с названием *Ljubljana*, и убедительно отверг как несостоительные версии неславянского происхождения имен *Ljubelj*, *Ljubno*, *Ljubinj*, которые, вне всякого сомнения, происходят от славянского антропонима с основой *Ljub-*, в остатке остаются еще имена *Ljubija* (название одного из трех источников реки Любляницы) и *Ljubljana* с немецким соответствием *Laibach*. Рассмотрев все известные к тому времени опыты этимологизации, Безлай отметил: «Каждое из объяснений в большей или меньшей степени несет на себе печать сомнения¹. Заметим однако, что Ф. Безлай, как и до него археолог А. Мицлнер, полагал, что наиболее вероятна прямая связь между именами *Ljubija* и *Ljubljana*, но при этом признавал, что доказать это невоз-

можно². Более того, он склонялся к мысли, что эти имена относятся к дославянским реликтам.

Ключ к раскрытию этимологии скрывается в названии *Ljubija*, относящемся к небольшой группе географических названий на *-ija*. Но поскольку существует предположение, что суффикс *-ija* неисконного происхождения, является заимствованием, Безлай отнес почти все имена этого типа без исключения (ср. *Litija*, *Trebija*, *Drtija*, *Medija*) к субстратной лексике. Однако все же для некоторых имен открытой остается возможность объяснения как производных со старым суффиксом притяжательности *-jь* (продуктивным до XIII в.) от славянских сложных собственных имен со вторым элементом *vid-*. В этом легко убедиться, если обратиться к гидрониму *Liboviјa* в Прекмурье и топониму *Љубовијa* в Сербии, которые несложно объяснить как производные с суф. *-jь* от личного имени *Ljubovid*, ср. гидр. *Љубовићa* в районе г. *Љубовијa* в Сербии, старый гидроним и топоним *Любовижа* в районе Новгорода в России³, неоднократно засвидетельствованные в Польше топонимы *Lubowidz* и *Lubowidza*. Болгарский языковед Й. Заимов именно таким образом объяснил три топонима *Љубовиџa* на территории Косова — от формы имени *Ljubid*, которая возникла по контракции из имени *Ljubovid*⁴. Точно так же легко объяснимы топоним *Ljubija* в Боснии, а также топоним, ороним и два гидронима *Ljubija* в Словении и *Libidza* (< *Lubidza*) в Польше в районе Ченстохова. В деревне *Spodnja Ščavnica* (р. *Gornja Radgona*) хутор с названием *Ljubed* является живым доказательством существования именной формы *Ljubid* (< *Ljubovid*), от которой происходят топоним и гидроним *Ljubija*.

Полагаем, что таким же образом произошел и топоним *Trebija* — из **Trebovid*, ср. названия деревень *Теребовижа* в районе Новгорода, *Trzebidza* и *Trzebowidz* в Польше, *Třebiz* на территории Чехословакии. Австрийский исследователь О. Кронштайнэр отметил на территории Штирии в XII в. личное имя собственное *Trebwit*, которое он реконструирует в форме **Trebivit*, хотя речь может идти о форме **Trebovid*⁵.

С опорой на исторические записи для топонима *Litija* можно реконструировать в качестве первоосновы антропоним **Ljutovid*. Подобные примеры можно найти у восточных славян. Именно к форме **Ljutovid* восходят топоним *Литовиж* на берегу Псковского озера и на Оке⁶, *Литовеж*, деревня на Волыни⁷. Имя *Ljutovid* входит в круг старославянских личных собственных имен. Все приведенные выше словенские топонимы на *-ija*, судя по форме суффикса *-jь* женского рода, несомненно, являются эллипсами для названий поселений (словен. *vas*, т. е. *весь*) и гидронимов (словен. *voda*). Отметим, что для *Medija*, *Drtija*, *Boltija* и

др. в функции топонимов и гидронимов не просматривается антропонимическая основа.

Гидроним *Ljubija* открывает путь к топониму *Ljubljana*, а *Ljubija*, как было сказано выше, является одним из трех главных источников реки *Ljubljanica*. Название жителей, поселившихся по берегам реки, а затем и само поселение оформлено старым славянским суффиксом *-jane* — *Ljubijke*,ср. *Gorica* > *Goričane*, личное имя собственнос *Trebeta* > *Trebečane* > *Trpčane*. По межслоговой ассимиляции *a – e > a – a* (согласно исследованием Ф. Ромавша⁸) произошла форма **Ljubijana*, самые старые свидетельства которой относятся к 1146 г. — *Luwigana* (читай *Lubijana*). Переходу *-ane > -ana* сопутствовала сингуляризация, произошедшая, вероятно, под влиянием формы существительных ж.р. со значением собирательности типа *gospoda*, *družina*, *živina*⁹. Второе *-l-* в имени *Ljubljana* обязано эпентезе, условия для которой появились после того, как было редуцировано *i* в *i-ja* (**Ljubjana*) по причине частого употребления слова. Первые свидетельства относятся к 1327, 1328 и 1335 гг. — *Glublana*, в 1328 и 1337 гг. — *Glubliana*, в 1328 г. снова не раз *Glubiana* и *Iubiana*, в 1360 г. — *Lubiglana*.

Примечательны высказывания об имени *Ljubljana* наиболее авторитетных словенских языковедов. При своих объяснениях Ф. Миклошич исходил из некой неясной локально ограниченной апеллативной славянской основы **ljud-*, расширенной суф. *-jane*, которым оформляются названия жителей (этот суффикс выделял в имени уже Ф. Метелко в своей грамматике¹⁰), причем основа **ljud-* как будто бы семантически не связана с глаголом *ljubiti*, поскольку суффикс *-jane* сочетается только с теми основами, которые уже сами по себе означают место, поэтому **ljud-* как абстрактное понятие не принимается во внимание. Миклошич объяснял в самом общем виде переход формы мн.ч. **Ljubljane* в форму ед.ч. *Ljubljana*, будто бы была утрачена форма мн.ч., в результате форма ед.ч. стала доминировать¹¹. Позднее в своих знаменитых исследованиях славянских собственных имен и топонимов он не упомянул это название. Так же и Безлай обошел вниманием название *Ljubljana* во втором томе «Этимологического словаря словенского языка»¹².

Л. Пинтар, как и некоторые другие авторы XIX в., предполагал славянскую основу **lъbъ* (ср. русск. *лоб*) в значении 'холм, возвышение' и суф. *-jane*, но в отличие от Ф. Миклошича он дал более убедительное обоснование этому суффиксу¹³.

Ф. Рамовш в «Исторической грамматике словенского языка» опубликованной в 1924 г., полагал, что основа *ljub-* субстратного происхождения¹⁴, а в конце жизни в 1952 г. в «Историческом журнале» объяснял

название *Ljubljana* от славянского топонима **Ljuba* и суф. *-jane*¹⁵. Сингуляризацию названия он удовлетворительно объяснил как результат межслоговой ассимиляции.

А. Баец в книге «Словообразование словенского языка» без колебаний поместил название *Ljubljana* среди топонимических имён на *-jane*¹⁶.

В плане словообразования выделение суф. *-jane* в *Ljubljana* прослеживается от Метелко до поздних работ Рамовши.

Германист Я. Келемина, напротив, в «Razgravah SAZU» придерживалась той точки зрения, что прилагательное *ljub*, которое можно выделить в составе имён *Ljubljana* и *Laibach* неисконного происхождения, было отождествлено с исконным прилагательным¹⁷. По мнению Келемины, формы **ljubja*, **ljubana* и *ljubija*, *ljubljana* — старые географические апеллативы, а имени *ljubija* он даже приписывает значение ‘маленький кусок земли, который как островок поднимается из болота и который не подвержен наводнениям’.

Так же хорватская исследовательница Д. Брозович полагает, что **ljub-* с предполагаемым значением ‘болото’, часто встречающееся в названиях уроцшиц, вероятнее всего представляет собой славянский гидронимический термин¹⁸. «Этимологический словарь славянских языков», подготовка которого осуществлялась под руководством и при непосредственном участии академика О. Н. Трубачева, на сегодня представляет самый основательный и самый обширный опыт реконструкции праславянского лексического фонда. Однако мы не находим этой основы в том богатом ономастическом материале, который содержит словарь¹⁹.

Пиптар обратил внимание на тот факт, что к северо-востоку от Любляны названия жителей оканчиваются на *-ana*. Он привел следующие примеры: *Radomlje*, название жителей *Radomljana*, *Škrjanče* — *Škrjančana*, *Moravče* — *Moravčana*, *Dob* — *Dobljana*, *Volčji Potok* — *Vovčana*, *Holmec* — *Hvtčana*. Он считал, что таким образом возник и топоним *Ljubljana*, а сингуляризацию объяснял влиянием имён со значением собирательности типа *gospoda*, *družina*, *živina*.

Ф. Безлай возражал против объяснения названия *Ljubljana* из названия жителей на *-jane* на том якобы основании, что нет аналогичных примеров сингуляризации, тем более в такой ранний период (XII в.). Другое возражение связано с тем, что название *Ljubljana* появляется в Словении и в Хорватии и как название уроцшица, что якобы противоречит нашим запятиям — как будто бы не существуют названия уроцшиц от названий жителей. Можно без особого труда отвести первое возражение. На словенском западе известны многочисленные топонимы на

-*ana*, которые Безлай поспешил отнести к романизмам, признавая при этом, что ему неизвестны предполагаемые романские основы. Рассмотрим некоторые примеры, вполне прозрачные.

Bilje (< **Biljane*) и *Biljána* (< **Biljane*): *Bilje* — деревня при Горице, *Biljana* — деревня в области Горишча Брда. В Боснии и около Задара также находим топонимы *Biljani* - *Biljane*. Оба топонима можно произвести от личного имени собственного *Byl-* с суффиксом *-jane*,ср. *Bilina*, личное имя двух крестьян в Резии в 1240 г.

Borjána (< **Borjane*) — деревня к западу от Кобарида. Топоним легко объяснить от личного имени *Bor* или апеллатива *bor* и суффиксом *-jane*.

Rečána (< **Rečane*), название водного источника и урочища около Заварха в вол. Бардо (Терская долина). Очевидно, название происходит от основы *reka*, вероятно, с суффиксом *-jane*.

Pečána (< **Pečane*) — горное пастище в Бохине, *Peče* (< **Pečane*) — поселение при Домжалах. Имя образовано от *peč* 'скала' или урочища *Peč* с суффиксом *-jane*, характерным для названий жителей.

Vršána (< **Vršane*) — горное пастище около Бледа. Исходной основой является апеллатив *vrh* со значением 'вершина' или название горы *Vrh*.

Košána (Верхняя, Нижняя) (< *Košane*) — название двух деревень в районе Пивка, *Košani* — деревня при Кавадарцах в Македонии. Вероятно, названия мотивированы основой *koš*, *košara*.

Точно так же *Sežána* (1152 — *Cesan*) представляется скорее славянским производным от **Sežáne*, чем романским топонимом. То же относится к таким именам, как *Gročana*, *Bročana*, *Kozana* и некоторым другим.

Соответствующие явления можно найти в славянском мире, ср. *Репляна* в Болгарии, *Рипяна* и *Озеряна* в Украине, *Тръана* и *Польска Ржана* в Сербии.

Значительно больше географических названий на *-ana* со славянскими основами наблюдается там, где имело место влияние со стороны романских и греческих моделей, т. е. в Италии, Греции, Румынии, Албании²⁰. Однако с учетом того, что переход *-jane* > *-jana* с последующей спорадической сингуляризацией встречается также в славянском окружении и не только как результат языковых контактов, можно думать, что на самом деле речь идет о влиянии существительных женского рода типа *gospoda*, *živina*, *družina*, о чём писал Пинтар. Правда, *Radomljana*, *Dobljana*, *Volčana* и т. п. не преобразовались в коллективную сингулятивную форму, в то время как *Ljubljana* преобразовалась, возможно, потому, что уже в эпоху средневековья (не раннего и не позднего, а самого расцвета!) была важным центром с мощным инородным феодальным и торговым элементом.

На первый взгляд трудно отвести другое возражение Безлайя, согласно которому не существуют названия уроцищ от названий жителей. Однако приведенные выше примеры *Rečana*, *Pečana*, *Vršana* говорят в пользу нашего объяснения.

Определенные сомнения, которые оставались при любом объяснении названия *Ljubljana* на славянской почве, стали побудительным мотивом для германистов и особенно для романистов продолжить поиски объяснения на неславянской основе. Последним, кто пытался в целом решить проблему этимологизации названий *Ljubljana* и *Laibach*, был романист А. Град²¹. Он выводил название из лат.-роман. основы *alluvio*, расширенной латинским суффиксом прилагательного *-ana* > *alluviana aqua* ‘половодье’ > стяженная форма *l'alluviana* с последующим ошибочным переразложением в *la luviana* и переходом *vj* > *bj* (характерным для латинизмов на словенских землях), отсюда романская (теперь итальянская) форма *Lubiana*. Все позднейшие попытки объяснить название были чисто дилетантскими и не могли способствовать решению проблемы.

Уже Метелко, Миклошич, Пинтар и вначале также Рамовш объясняли *Laibach* из *Ljubjah*, формы мн. ч. местн. п., от словен. **Ljubljane* (первоначально название жителей). Немецкая форма *Leibach* впервые зафиксирована в 1112–1125 гг., затем *Laibach* в 1144 г., с 1163 г. снова не раз *Leibach* и т. д. Германисты, многократно обсуждавшие эту проблему, пришли к выводу, что в такую раннюю эпоху невозможно было происхождение немецкого *ai* из словенского *'u* после палатального согласного. Этот вывод пытались сделать менее однозначным Келемина и Град²². Град говорит, что «необходимо считаться с весьма разнообразными на письме рефлексами для *ü* — *oi*, *ai*, *ui* — в разных баварских говорах и возможностью более раннего спонтанного развития *oi* < *ü*, *iu* в *ai* в Крайне, чем в других землях, как это предполагал еще Келемина, когда определял форму *Laibach* как особенность местного немецкого говора». Австрийский германист Э. Кранцмайер полагал, что *Laibach* не имеет ничего общего со словенским названием *Ljubljana*. Он производил *Laibach* от др.-в.-нем. *Laibacha*, в котором он видел отражение глагольной основы *laib* в значении ‘сохранять’ и др.-в.-нем. существительное *acha* ‘текущая вода’. В таком случае название как будто бы должно было обозначать ‘река, в которой сохраняются остатки воды’²³. Из славистов это объяснение принял только Рамовш²⁴.

Суффикс *-ach* в немецких географических названиях имеет три разных источника: 1) означает славянское окончание местного падежа мн.ч. *-ah*, особенно когда речь идет об именах со славянскими основами, напр. *Dole*, нем. *Dullach*; 2) образует существительные со значением

собирательности, напр. *Erlach*, словен. *Olšje*; 3) представляет вторую часть сложения со значением ‘текущая вода’ (из др.-в.-нем. *acha*) и обозначает как маленькие, так и большие водные потоки, например, *Vellach* соответствует словен. *Bela* (< *Bela voda*).

Vellach — это модель, по которой вероятнее всего образовано также название *Laibach* и которое поэтому представляет собой гибридное немецко-словенское имя, сложение, состоящее из словенской (славянской) основы *ljud-*, по происхождению из имени собственного, и немецкого апеллатива *ach* ‘вода’. О том, что в имени *Laibach* содержится именно эта славянская основа и никакая другая, косвенно свидетельствуют некоторые другие примеры из областей наших северных соседей.

Словенская каринтийская деревня *Libuče* по-немецки называется *Loibach* (1267–1268 *Leupach*). Через нее течет река *Libučka* (< **Ljubička*), которая пересекает также Плиберк, называвшийся около 1000 г. *Liupeldorf* (< **Ljubič*).

Для генезиса названия *Laibach* также весьма существенна параллель с баварскими названиями *Kirchenlaibach* и *Windischenlaibach*, на которые обратил внимание германист Я. Орешник²⁵. Оба населенных пункта лежат в долине реки *Laibach*, в 20 км от Байройта. Историческая запись для *Kirchenlaibach* — *Lubin* 1223, для *Windischenlaibach* — *Winduschenlewbein* 1398, *Windishcen* — *Leuba* 1550 и *Windischleibach* 1692. С учетом исторических записей можно объяснить баварское название *Laibach* из личного имени собственного **Ljuba*, от которого было образовано название реки при помощи суффикса притяжательности *-in***Ljubin*.

Многочисленные авторы, которые занимались именами *Ljubljana* и *Laibach*, особо подчеркивали, что раньше это было названием реки и что поселение получило название по реке. В источниках же (начиная с 1254 г.) название реки появляется только в немецкой форме *Laibach*. Город на самом деле получил название по реке с обычным переходом водного названия в название поселения, но только в немецком языке! Однако по-словенски река первоначально называлась *Ljubija*, и словенцы дали название поселению на реке в соответствии со старой славянской моделью образований с суффиксом *-jane* — *Ljubljane*. Немцы перевели на свой язык именно первоначальное название реки. Однако не исключено, что под немецким влиянием (*Laibach* — река и поселение) также и в среде говорящих по-словенски первоначальное название *Ljubija* было вытеснено названием *Ljubljana*, но для такого предположения нет прямых доказательств. Только Примож Трубар в своей работе «*Katekizemiz dvema izlagama*», опубликованной в 1575 г., приводит для реки словенское название, производное от названия поселения *Ljubljana* в форме *Lublanica*.

Примечания

¹ *Bezlaj F.* Rudolf Badjura, Ljudska geografija // Slavistična revija. Ljubljana, 1954. L. V–VII. S. 374–391. — Позже рецензия была переиздана в собрании трудов ученого: *Bezlaj F.* Zbrani jezikoslovni spisi / Ur. M. Furlan. Knj. 2. Ljubljana, 2003. S. 869–885.

² *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena. Knj. 1. Ljubljana, 1956. S. 348; *Müllner A.* Archäologische Studien aus Krain. Laibach, 1879. S. 179.

³ *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия новгородской земли (Древнеславянские десантно-номинативные образования). Великий Новгород, 2005. С. 71.

⁴ *Заимов Й.* Български географски имена с -ъ. София, 1973. С. 124–125.

⁵ *Kronsteiner O.* Die alpenslawischen Personennamen. Wien, 1975. S. 77.

⁶ *Васильев В. Л.* Там же. С. 48.

⁷ *Шульгач В. П.* Ойкономія Волині. Етимологічний словник-довідник. Київ, 2001. С. 77.

⁸ *Ramovš F.* Iz slovenske toponomastike // Zgodovinski časopis. 1952–1953. L. 6–7. S. 158. — Позже работа вошла в собрание трудов исследователя: *Ramovš F.* Zbrano delo. Knj. 2. Ljubljana, 1997. S. 737–741.

⁹ *Pintar L.* Satura // Ljubljanski zvon. Ljubljana, 1908. L. XXVIII. S. 243–248, 310–313.

¹⁰ *Metelko F.* Lehrgebäude der slowenischen Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen. Laibach, 1825. S. 190.

¹¹ *Miklosich F.* Ljubljana, Laibach // Vodnikov spomenik. Ljubljana, 1859. S. 182–184.

¹² *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 2. Ljubljana, 1982.

¹³ *Pintar L.* Satura. S. 247.

¹⁴ *Ramovš F.* Historična gramatika slovenskega jezika. Knj. 2. Konzonantizem. Ljubljana, 1924. S. 62.

¹⁵ *Ramovš F.* Iz slovenske toponomastike. S. 158.

¹⁶ *Bajec A.* Besedotvorje slovenskega jezika. Knj. 1. Ljubljana, 1950. S. 44.

¹⁷ *Kelemina J.* Ljubljana (Imenoslovna študija) // Razprave 2. raz. SAZU I. Ljubljana, 1950. S. 95, 98.

¹⁸ *Brozović D.* Nazivi za blatišta i njihovi toponimijski odrazi u hrvatskome jeziku / Folia onomastica Croatica 8. Zagreb, 1999. S. 22.

¹⁹ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 15 (*lčtina — *lokašъ) / Отв. ред.: член-корреспондент АН СССР О. Н. Трубачев. Москва, 1988. С. 167–189. — В настоящее время вышло из печати 35 выпусков с «А» по «О».

²⁰ *Заимов Й.* Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. София, 1967.

²¹ Grad A. K etimologiji toponima Ljubljana // Onomastica jugoslavica 7. Zagreb, 1978. S. 27–35; *Ou же*. Prispevek k etimologiji toponimov Ljubljana, Lubiana, Laibach // Slavistična revija. 1980. L. 28. Št. I. S. 49–63.

²² Kelemina J. Ljubljana... S. 106; *Grad A.* Prispevek k etimologiji toponimov Ljubljana, Lubiana, Laibach. S. 60.

²³ Kranzmayer E. Carinthia 123. Klagenfurt, 1933. S. 39; Lessiak P., Kranzmayer E. Die deutsche Mundart von Zarz in Oberkrain. Weimar, 1944. S. 28, 108.

²⁴ Ramovš F. Iz slovenske toponomastike. S. 158.

²⁵ Orešnik J. Krajevno ime Laibach v Nemčiji // Onomastica jugoslavica 8. Zagreb, 1979. S. 47.

И. Д. Макарова-Томинец

О модификационной основе вариативности люблянского городского койне

Люблянское городское койне определяется как нелитературная территориально-ограниченная разговорная формация наддиалектного характера, занимающая промежуточное положение между переходным говором и региональным (центральнословенским) интердиалектом¹. Состав отличающих данный идиом константных языковых признаков известен, главным образом, из работ Йоже Топоришича². К числу таких признаков³ относится довольно широкий круг явлений как центральнословенских, так и специфически люблянских: сильно выраженная вокальная редукция в парадигме именных (*v resnīc /* в действительности, на самом деле / — *v resnīci*; *novga /* нового / — *novega*; *zadəntru⁴ /* последнему / — *zadnjemu*) и глагольных форм (*Pðgnés! /* Принеси! / — *Prinesi!* *Pðjt! /* Иди! / — *Pojdi!* *jðst rábðm /* Мне нужно / — *jaz rabiðm*; *sðtm míslu /* Я думал / — *míslju*), маскулинизация существительных среднего рода (*lansk let /* прошлый год / — *lanskø leto*), предударное уканье (*pučás /* медленно / — *počasi*), рефлекс депалатализации с метатезой (*stanðvájne /* квартира / — *stanðvanje*), фонетически модифицированные формы будущего времени (а *uðs jédu?* / будешь есть? / — а *boš jedeu?*), диссимилияция отрицательной глагольной частицы (*náuš réku /* не скажешь / — *ne boš rekeu*, *ná vém /* не знаю / — *ne vem*), лексикализованные формы со свистящей палатализацией (*taçga /* такого / —

takega, vsačga / всякого / — vsakega, druga / другого / — drugega), некоторые нестандартные местоименные формы (kva / что / — kaj, kokđ / чем / — kakog, kē / где / — kje, kle / здесь / — tle, kđ / когда, который, где / — ko / ker / ki / kjer, kéri / который / — kateri).

Столичное койне является первичной языковой подсистемой коренных люблянцев⁵, которая в речи разных информантов демонстрирует как полный, так и редуцированный набор локальных особенностей. При этом можно говорить о двух основных факторах, влияющих на вариативность люблянского разговорного языка: коммуникативная ситуация, запускающая механизм языкового приспособления, а также социальные и лингвосоциальные характеристики говорящего, определяющие степень присутствия локализмов в его первичной подсистеме (возраст, пол, социальное окружение, языковая компетенция, социальный статус).

Наш анализ коммуникативно-ситуационной вариативности люблянского разговорного языка основывается на принципе (под)сознательной модификации первичной языковой подсистемы⁶. Согласно данному принципу, словенскоязычный говорящий сначала овладевает речью своего ближайшего социального окружения (семьи, родного края). В качестве первичной языковой подсистемы L 1⁷ может выступать диалект или наддиалектное разговорное образование (городское койне, локальный интердиалект, региональный разговорный язык). В отдельных случаях в зависимости от речевой разновидности, используемой в семье, в качестве первичной подсистемы может быть освоена региональная разновидность национального языка с редуцированным набором локальных языковых признаков (на базе диалекта, городского койне, регионального интердиалекта). В современной Любляне языковая ситуация наиболее сложна, поскольку в ней смешиваются первичные языковые подсистемы разного уровня и разной диалектной отнесенности.

Модификация первичной подсистемы L 1 — суть любого языкового приспособления в рамках словенской языковой ситуации: как в сторону региональной разговорной разновидности, так и в сторону литературной нормы. Данная концепция позволяет ответить на вопрос о причине варьирования языковых средств, т. е. гетерогенности⁸ реально используемых разговорных формаций применительно к словенскому языковому материалу.

Принцип модификации (а не переключения) первичной языковой подсистемы обусловлен тем, что в речи словенцев в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации варьируется степень выраженности локальных особенностей, свойственных первичной подсистеме L 1:

от неограниченности и полной свободы проявления в ситуации общения с близкими у себя дома (в родном крас) — нулевая ступень модификации L 1 (1), до максимальной ограниченности в ситуации официальной — максимальная ступень модификации L 1 (3), с возможностью образования промежуточных степеней (в неофициальных ситуациях) — промежуточная ступень модификации L 1 (2).

Возможность образования промежуточных степеней в ситуации неформального общения обусловлена тем, что словенский литературный язык в связи со своей удаленностью от естественных разговорных образований в данную ситуацию не допускается (в ней не удерживается), другого единого общесловенского устойчивого разговорного идиома здесь нет⁹.

Уровень модифицированной первичной подсистемы может колебаться, обнаруживая различный состав локальных особенностей. Выраженность варьирования зависит от степени владения целевой подсистемой (литературным языком или иной региональной моделью разговорного языка), что определяется целым рядом факторов: языковой дистанцией между первичной и целевой подсистемой, интенсивностью и частотностью контактов с целевой подсистемой, длительностью пребывания носителя в языковой среде, использующей данную подсистему, языковыми способностями говорящего. Языковая дистанция определяется составом несовпадающих особенностей (обычно локального характера) первичной подсистемы на контрастном фоне целевой подсистемы. Основные отличия между разновидностями словенского языка сосредоточены на фонетическом, морфологическом и просодическом уровне. Кроме того, в разговорных формациях отмечается активное функционирование так называемых коллоквиальных заимствований (германизмов, сербизмов, американанизмов), в то время как в литературном языке использование этих заимствований ограничено.

Значительная языковая дистанция между целевой и первичной разновидностью создает условия для большей амплитуды варьирования языковых средств за счет интерференции со стороны первичной подсистемы, различной по качеству и объему (как это показало сравнение литературно-модифицированной речи гореньки и прекмурки, представленное в статье Й. Шкофии¹⁰).

Итак, коммуникативно-обусловленное варьирование наблюдается в случаях, когда говорящий осознает недостаточность языковых средств своей первичной подсистемы или нежелательность выражения свойственный ей примарных (локальных) признаков в конкретной коммуникативной ситуации.

Рассмотрим различные примеры реализации столичного койне как в условиях варьирования языковых средств, так и в условиях, такого варьирования не создающих. Наш аудиоматериал¹¹ позволяет наблюдать вариативность столичного койне в ситуации любительской лекции в клубе и в рамках частной беседы.

Коммуникативно-обусловленное варьирование первичной языковой подсистемы коренных люблянцев в условиях неформального общения, по нашим наблюдениям, проявляется в сознательном ограничении языковых особенностей, отличающих язык Любляны от иных разговорных формаций (так называемых «примарных» локализмов), в пользу более общих (менее маркированных) центральнословенских или даже литературно-разговорных форм. Осознанная селекция языковых средств, как показал материал, действует в течение ограниченного времени, обычно в начале выступления или беседы с малознакомым человеком.

Например, ситуация неофициального выступления в клубе путешественников перед небольшой аудиторией с рассказом о туристической поездке предполагает ограниченную модификацию первичной подсистемы. Избегая явных локализмов, снижающих ранг речи и создающих в данной ситуации ощущение неграмотности, рассказчик обычно широко использует разговорно-маркированные формы, сигнализирующие о том, что ситуация его выступления оценивается как нестрого официальная. Здесь важна не только демократическая обстановка кафе — важно то, что выступающий рассказывает о своих частных наблюдениях и впечатлениях. В данном случае психологически комфортнее для него будет обстановка естественности, доверительного общения с аудиторией, которая создается с помощью языковых средств.

Так, например, один из наших информантов, Матей, в первой своей фразе, сказанной в микрофон, просигнализировал, что он будет говорить вполне естественно: «[Дôпðs vam bom tjkp predstaviu Kitajsko]» (Сегодня я немножко расскажу о Китае). Как прокомментировали слушатели, услышав типично-люблянское [dps] и сильно-редуцированное [tjkp], они сразу поняли, что рассказывает сегодня люблянец. Примечательно, что рассказчик в начале своего выступления избегал стяженных форм причастий на -l, естественных не только для люблянского койне и центральнословенского интердиалекта, но допускаемых литературно-разговорной языковой нормой (можно было сказать [predstavu] вместо строго литературного [predstaviu]). Ситуация публичного выступления, особенно в первые минуты, заметно влияет на ограничение локализмов в речи выступающего. Однако, когда контакт

с публикой установлен, ограничение на локализмы было снято: последовательно появляются стяженные формы причастия, редукция падежных флексий в именном склонении, редукция форм местоимений, маскулинизированные формы предикативных слов, существительных среднего рода (заметный люблянский локализм).

При этом другие характерные люблянские локализмы (фонетически модифицированная форма вспомогательного глагола будущего времени *vte rékðl* / скажете, буд.вр./ — *boste rekli*; *navte míslil* / не подумаете, буд.вр./ — *ne boste míslili*) в речь выступающего попадали в ограниченном объеме. По-видимому, говорящий оценивал их как не вполне уместные в данной ситуации и ограничивал их появление. Спорадическое использование данных форм свидетельствует о том, они свойственны первичной подсистеме выступающего. Следовательно, в рассмотренной ситуации говорящий модифицировал свой первичный код не в полной мере, что повлияло на довольно широкий состав локализмов, которые в начале его выступления варьировались с литературно-разговорными формами. Поэтому мы можем рангировать его речь в данной ситуации как «частично модифицированное» столичное койне.

Пример немодифицированной люблянской речи — это речь молодого люблянца Приможа Г. (20 лет), студента технического колледжа, в ситуации телефонной беседы с приятелем. В данном случае ситуация допускает реализацию первичной подсистемы в чистом виде, без необходимости какой-либо модификации, ограничений, а следовательно, варьирования языковых средств. Помимо расширенного набора характерных люблянских локализмов (маскулинизация существительных среднего рода: *kusíl* / обед/ — *kosílo*; фонетически модифицированные формы будущего времени: *navš obískðvàu* / не будешь посеять/ — *ne boš obískovau*; редукция в именном склонении: *u resníc* / на самом деле/ — *u resnicj*; редукция в глагольных формах: *rabðm* / мне нужно/ — *rabim*, *rðrnés!* / принеси!/ — *prínesi!*) эта аудиозапись содержит большое количество сленгизмов — дополнительный показатель того, что общение осуществляется со «своим» человеком, в ситуации, когда говорящий ощущает себя предельно раскованно (*stari* — старик (обращение), *bejba* — девчонка, *kð tamba nabít* — пьян в стельку, *minusi v očeh* — отсутствующее выражение в глазах, *šupki bunki* — толстухи).

В отличие от приведенных двух случаев, анализ аудиозаписи нашего интервью с продюсером молодежных передач национального телеканала, Марко П. (>50 лет), позволяет говорить о примере люблянской речи с редуцированным набором локальных признаков. Можно сказать, что речь нашего информатора характеризуется стабильным набором лока-

лизмов, чередующихся с литературно-разговорными формами: мы зафиксировали ограниченный набор специфических люблянских местоименных форм (*ké*, *kégi*, *s kérغا*, *kókđr*), люблянско-центральнословенскую маскулинизацию существительных среднего рода (*predméstje je bív razdelén na úlce*), центральнословенскую редукцию предикативных слов (*héccdn je to*). Фонетически модифицированных форм будущего времени, так же как и диссимиляции в отрицательных глагольных формах, характерных для столичного койне, мы не встретили. При этом стабильно использовались люблянско-центральнословенские формы ограниченной редукции в формах именного склонения (надежные флексии существительных, прилагательных). Марко — коренной люблянец, из интеллигентной семьи, где не говорили «на языке улицы», отдавая предпочтение так называемому «общеразговорному языку»¹². Детальный анализ в целом свидетельствует о том, что речь Марко — это все же люблянское койне с редуцированным набором локальных особенностей.

Следующая таблица характеризует распределение и выраженность характерных люблянских локализмов в речи наших информаторов.

Таблица

Реализация люблянских локализмов в речи наших информантов

Локализмы	Штефка >50 let	Марко >50 let	Горо >40 let	Тина 20–30 let	Матей 20–30 let	При- мож 20–30 let	Андрей 20–30 let
Предударное «уканье»: <i>ričas</i> (<i>počasi</i>)	+	—	—	—	— / +	— / +	—
Депалатализа- ция с метатезой <i>n'</i> : <i>stanovajde</i> (<i>stanovanje</i>)	+	—	—	—	— / +	—	—
Отдельные частотные локально маркирован-ные формы: <i>ún</i> , <i>dám</i> , <i>kđ</i> , <i>kéi</i> , <i>kérغا</i> , <i>kva</i>	+	— / +	+	— / +	+	+	+

Окончание таблицы

Диссимиляция отрицательной частицы: <i>na vem</i>	- / +	-	- / +	-	-	- / +	- / +
Стяженные формы будущего: <i>nauš, uš reku</i>	+	-	- / +	-	+	+	- / +
Маскулинизация спр. р.: <i>lansk let</i>	+	- / +	+	+	+	+	+
Лексикализованные рефлексы «свистящей» депалатализации: <i>druzga, tagca</i>	+	+	+	+	+	+	+
Выравнивание окончания прилагательных М. п. ед. ч.: <i>v èntru lokalu</i>	+	-	+	+	+	+	+

+ выражен, — не выражен, - / + выражен только в некоторых случаях

К локализмам, которые в ситуации неофициального общения встречаются с высокой степенью регулярности, мы, на основании наших наблюдений, можем отнести лексикализованные рефлексы свистящей палатализации: *druzga* (*drugega*), *tagca* (*takega*), *vsacga* (*vsakega*) — примеры выравнивания падежной флексии прилагательного Мест. п. ед. ч. муж. р. под влиянием формы Дат. п. — *ob takemъ vgetepenu* (*ob takem vgetepenu*) указательное местоимение ёп. Часто встречаются различные люблянские «словечки» (частотные наречия, союзные средства и пр.): *dônds, dam* (*domov*), *kókđr, kle, ké, kđ, kégí*; сильная редукция предикатных слов: *čúddn je to, vse je blo čđgđn*, не говоря о центральнословенской редукции флексий именного склонения, о разговорном кратком инфинитиве, допускаемом даже литературной (разговорной) нормой. Указанные частотные разговорные формы являются регулярными элементами люблянского койне¹³. К таким элементам относятся также темп, ритм и мелодика высказывания, то есть просодические свойства койне.

К числу ситуационно ограничиваемых люблянских локализмов мы относим вопросительное местоимение *kva*, стяженные формы будущего времени *kva vđte míslil* (*kaj bo-ste mislili*), диссимилятивные явления в отрицательных глагольных формах (диссимиляция отрицательной ча-

стицы *pe > na*): *paamt pðč gēku* (литературный разговорный язык: *ne bom pič gēku*), *na vem* (*ne vem*). Явление предударного уканья (*r̄usébđj* вместо *posébđj*) и метатических рефлексов депалатализации (*stanovajđe* вместо *stanovanje*) присутствует в столичном койне ограниченно, поэтому иногда трудно определить, отсутствуют ли данные особенности под влиянием коммуникативной ситуации или же потому, что первичной языковой подсистеме конкретного информатора это не свойственно. «Примарные» люблянские локализмы являются ситуационно наиболее зависимыми элементами, которые варьируются в речи наших информаторов с центральнословенскими и литературно-разговорными формами.

Итак, сравнение языковых особенностей, отмеченных нами у информаторов-люблянцев, показало, что степень проявления локального акцента в одной и той же коммуникативной ситуации колеблется. Колебания, которые можно оценить как ситуационные, мы отметили в зависимости от того, как выступающие, наладив контакт с аудиторией, увлекались повествованием, снижали контроль за своей речью и последовательно использовали весь набор локализмов, свойственных их первичной языковой подсистеме. Кроме того, можно утверждать зависимость демонстрируемой (психологической) дистанции между выступающим и аудиторией, между говорящим и слушающим (в ситуации частной беседы) от степени модификации его первичной подсистемы¹⁴.

В качестве подтверждения и иллюстрации, а также, возможно, частичной коррекции и уточнения приведенных предположений кажется небезинтересным представить точку зрения самих словенцев на языковую ситуацию в Любляне. В данном параграфе мы представляем результаты анкетирования, проведенного в марте 2003 г. среди студентов I и II курса Философского факультета Люблянского университета (100 человек, из которых 17 — люблянцы).

Излагая концепцию первичной языковой подсистемы, мы в качестве основного фактора, влияющего на его формирование, выделили речь социального окружения говорящего. Анкетирование подтвердило это предположение: большинство информантов оценили влияние речи семьи, родного края как самое существенное, присвоив этому фактору самые высокие баллы из десяти предложенных: 10 баллов — 48 %, 9 баллов — 19 %, 8 баллов — 12 %. Следующим по значению фактором оказалась речь «вторичного» социального окружения (друзья, приятели, коллеги, однокашники), присвоенные баллы распределились следующим образом: 10 баллов — 19 %, 9 баллов — 23 %, 8 и 7 баллов — по 12 %. Третьим фактором оказался литературный язык, изучаемый в школе: 10 баллов — 1 %, 9 баллов — 5 %, 8 баллов — 21 %, 5 баллов — 16 %,

3 балла — 8 %. Четвертым по значению фактором оказалась речь СМИ — 5 баллов — 18 %, 7 баллов, 4, 3 и 2 балла — по 11 %. Последним — языковое окружение (нового) города, которое наши респонденты оценили следующим образом: 8 баллов — 8 %, 5 баллов — 13 %, 3 балла — 16 %, 2 балла — 11 % и 1 балл — 18 %.

К числу важных факторов, мотивирующих модификацию первичной подсистемы, наряду с ситуацией выступления перед аудиторией, относится также общение с «разнокодовым» собеседником. Сравнение факторов влияния на осознанную модификацию первичной подсистемы в данной ситуации дало интересные результаты. Если собеседник говорит литературно, в ответ модифицируют свою речь 80 % респондентов (из них 10 % в максимальной степени, 43 % — в минимальной). Если собеседник говорит на диалекте, трудном для понимания, ответно модифицируют свою речь (в сторону литературного языка) 62 % информантов, из них 4 % реагируют в максимальной степени, 43 % в минимальной. Если же говорящий заметит, что собеседник не понимает его самого, то в ответ на это модифицирует свою речь 95 % респондентов (из них 45 % в максимальной степени, и только 17 % в минимальной). Таким образом, в качестве главного фактора, мотивирующего модификацию первичной языковой подсистемы в данной ситуации, выступает непонимание со стороны слушателя, на втором месте — литературная речь (в соответствующей обстановке), на третьем — соображения «языкового такта», предполагающее внимание к речи собеседника и к возможным коммуникативным трудностям, которые могут возникнуть при общении с ним (любланин — прекмурец, приморец — прекмурец, каринтиец — доленец и т. д.).

Также мы хотели определить, как люблянцы, по их собственному мнению, говорят с собеседником из другой диалектной зоны. Большинство опрошенных (62 %) ответили, что они говорят в таких случаях как обычно, не пытаясь каким-либо образом изменить свою первичную подсистему. Меньшинство (38 %) сказали, что в таких случаях говорят более литературно, то есть признали, что удерживаются от явных люблянских локализмов и несколько сдерживают проявление разговорной редукции, создающей впечатление «небрежной» речи. Аргументация выглядела следующим образом: (1) «я не буду приспосабливаться, потому что и так говорю достаточно понятно»; (2) «они приехали в Любляну, пусть понимают по-люблянски»; (3) «они также говорят по-своему, не приспосабливая свою речь»; (4) «в обществе друзей я меньшее внимание уделяю тому, как я говорю»; (5) «в случае непонимания я приложу усилия, чтобы быть понятым». По нашему мнению, обнаруженная тен-

денция служит дополнительным подтверждением того факта, что люблянцы уверены в абсолютной понятности своей речи, вследствие чего стилизовать ее, по мнению столичных жителей, необязательно.

В целом, как показало анкетирование, «претензии» к люблянцам связаны не столько с тем, что они недостаточно модифицируют городское койне при общении с нелюблянцами, сколько с тем, что столичные жители не скрывают своего столичного акцента и говорят по-люблянски в тех случаях, когда требуется говорить литературно — например, в ситуации публичного выступления (в том числе на телевидении). Остальные участники словенской языковой ситуации довольно чувствительны к нарушению социально одобренной субординации языковых форм, не готовы к расширенному использованию, особенно в рамках публичного общения, конкретной региональной разговорной формации — столичного койне.

На основании предпринятого исследования мы делаем следующие выводы:

1) Особенности словенской языковой ситуации (значительная диалектная дробность, языковая дистанция между литературным языком и нелитературными разговорными формациями, ограниченное участие литературных языковых средств в сфере неофициального общения) позволяют считать принцип модификации первичной языковой подсистемы говорящего наиболее подходящим для анализа вариативности словенской речи.

2) В качестве основного фактора, влияющего на вариативность люблянского разговорного языка (в речи разных информаторов), выступает коммуникативная ситуация, запускающая механизм модификации, а также социальные и лингвосоциальные характеристики конкретного носителя данного идиома (возраст, социальное окружение, языковая компетенция, социальный статус).

3) Постулируемый принцип коммуникативно-ситуационной модификации первичной языковой подсистемы обусловлен тем, что в речи словенцев в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации варьируется степень выраженности локальных особенностей, свойственных первичной подсистеме L 1: люблянские локализмы чередуются с центральнословенскими и литературно-разговорными формами в различном процентном соотношении. Данная концепция позволяет приблизиться к причине варьирования языковых средств, т. е. гетерогенности реально используемых разговорных формаций применительно к словенскому языковому материалу.

4) В ситуационном варьировании локально маркированных языковых средств, свойственных первичной языковой подсистеме говорящего,

участвуют главным образом фонетический, просодический и морфологический языковые ярусы. Литературный язык также не допускает использования коллоквиальных заимствований (германизмов, сербизмов, американанизмов), активно функционирующих в нелитературных разговорных формациях.

5) Коммуникативно-обусловленное варьирование наблюдается в случаях, когда говорящий осознает недостаточность языковых средств своей первичной языковой подсистемы или нежелательность выражения свойственный ей примарных (локальных) признаков в конкретной коммуникативной ситуации. Данные анкетирования позволяют сделать вывод о том, что люблянцы менее других словенцев склонны модифицировать свою речь в ситуации неформального общения.

Примечания

¹ Обслуживает повседневное общение жителей Центральной Словении, на территории которой расположена также столица Любляна.

² См.: *Toporišič J. Slovenski pogovorni jezik // Slavistična revija*. 18. 1970. Št. 1–2.

³ Список особенностей люблянской разговорной речи приводится на основании анализа аудиозаписи 30 информантов (жители Любляны разного возраста и рода деятельности), в условиях неформального общения (март–апрель 2003 г.), объем — 26 аудиодисков по 80 минут звучания каждый.

⁴ Гласный *đ*, в словенском языкоznании известный как *polglasnik* (буквально полугласный), — самостоятельная фонема среднего ряда средне-нижнего подъема, близкая по своим артикуляционным признакам русскому редуцированному *ъ* (тип [гърадá]). В люблянском койне этот гласный по сравнению со словенским литературным языком имеет другое распределение, являясь результатом качественной редукции других вокалов (*í*, *c*, *u*, *a*).

⁵ Лица, которые провели в Любляне, как минимум, первые 10–15 лет жизни (т. с. выросли в Любляне).

⁶ Данная концепция в рамках теории языковой аккомодации разрабатывалась в работах Г. Джайлса, С. Томасон, Н. Купланда, Д. Купланда: *Kontaktlinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Herausgegeben von H. Goebel...[et al.] = Contact linguistics: an international handbook of contemporary research / Edited by H. Goebel...[et al.]*. Bd. 12. 1996. S. 332–340. — На словенском материале концепция первичного кода применяется в статьях Б. Погорелец и Й. Шкофиц: *Pogorelec B. Sociolinguisticki problemi slovenske etnične skupnosti v Italiji // Aspetti metodologici e teoreticci nello studio del plurilinguismo nei territori dell'Alpe-Adria*. Videm, 1989.

S. 179–193; Škofic J. Problemi slovenskega pogovornega jezika, magistrska naloga. Srednja Dobrava, 1991; Ее же. О обликованju slovenskega pogovorjalnega jezika // Slavistična revija. 42. 1994. Št. 4.

⁷ Символ L 1, обозначающий первичный языковой код, был использован в упомянутых работах Б. Погорелец и Й. Шкофиц.

⁸ Проблема гетерогенности — один из ключевых вопросов, стоящий перед современными исследователями языковой ситуации, см.: Гофманова Я., Мюллерова О. Смешение литературных и нелитературных компонентов в устных высказываниях на чешском языке // Язык. Культура. Этнос. М., 1994; Нещименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.

⁹ Попытка Топоришича кодифицировать центральнословенские разговорные явления в качестве общесловенских успехом не увенчалась. Литературный разговорный язык в повседневном общении, согласно данным анкетирования, также не используется: все опрошенные 98 студентов-славистов Философского факультета Люблянского университета (март 2003 г.) отвертили, что не используют литературный язык в повседневном общении.

¹⁰ См.: Škofic J. O oblikovanju slovenskega pogovorjalnega jezika...

¹¹ См. сноску 3.

¹² Понятие, предложенное Й. Топоришичем в 1960-е гг., по-видимому, под влиянием чешской социолингвистической школы (параллель с обеćna čeština). На словенском языковом материале не оправдалось, что признал и сам автор, заменив его в 1990-е гг. на понятие «литературный разговорный язык». Информант использовал это понятие, скорее, в силу привычки, поскольку этот термин Топоришича, несмотря на критику специалистов, использовался в системе школьного образования.

¹³ Центральнословенские формы приведены в работах Й. Топоришича: Toporišič J. Slovenski pogovorni jezik...; Его же. Slovniča slovenskega jezika. Maribor, 1976; — как особенности общесловенского разговорного языка. Литературно-разговорные формы приведены в «Словенском орфографическом кодексе» и «Словенской грамматике»: Slovenski pravopis / ZRC SAZU. Ljubljana, 2001; Toporišič J. Slovniča slovenskega jezika...

¹⁴ Правда, в данном случае проявляется весьма характерная для словенской языковой ситуации дилемма: между естественно разговорной не-принужденностью и степенью проявления локального акцента. Жители Любляны и прилегающих к ней центральных словенских регионов, как показали результаты анкетирования, к своему локальному акценту в ситуации публичного общения относятся в целом спокойнее, чем жители нецентральных регионов.

Н. С. Пилько

Любляна — жемчужина словенских Альп

На берегах небольшой речки Любляница расположилась столица Словении Любляна. По московским меркам — это небольшой город. Жизнь в нем течет спокойно и неспешно. Для москвича, да и для любого жителя большого и шумного мегаполиса размеренность люблянского времени непривычна. Мы привыкли куда-то бежать, торопиться. И порой у нас остается мало времени, чтобы осмотреться вокруг, прислушаться к окружающему миру, почувствовать течение, а не бег времени. Шум и суета на улицах, толкотня в транспорте — всего этого в Любляне нет. Несмотря на то, что город маленький в нем есть все, что присуще столицам: музеи, галереи, театры и концертные залы, развлекательные центры.

Любляна хороша и зимой и летом. Она располагает к прогулкам и мечтам. По этому городу можно бродить часами, вдыхая аромат кофеен и кондитерских, которые встречаются на каждом шагу. Особенно приятно стоять на маленьких мостиках, перекинутых через узенькую, но быструю горную речушку, которая делит город на две части. Зимой Любляница спокойно несет свои изумрудные воды, но весной она превращается в быстрый, кипучий горный поток.

Знакомство с Любляной предлагаю начать с ее центральной площади, которая носит имя великого словенского поэта — Франце Прешерна (1800–1849). Словенцы называют его своим Пушкиным. Его перу принадлежат высокохудожественные стихотворения и поэмы. Площадь была спроектирована итальянским зодчим Максом Фабиани (открытие состоялось в 1905 г.). Главным ее украшением является памятник Прешерну. Он представляет собой композицию «поэт и муз». Автор памятника — Иван Заяц, передал момент вдохновения, которое нисходит на поэта в момент творчества. Однако в свое время открытие памятника было связано со скандалом. Изображение обнаженной музы шокировало общественность начала XX в. Сейчас у памятника назначают свидания влюбленные, на лавочках летом отдыхают старики и играет детвора. Нередко на площади Прешерна устраивают концерты популярных в Словении рок-групп. Зимой на ней разбивают палатки, в которых продают глинтвейн, сладости и закуски. Играет духовой оркестр, жители города неспешно прогуливаются, согреваясь душистым напитком, а воздух наполняется запахами корицы, гвоздики, имбиря.

На противоположном берегу Любляницы в канун Рождества откры-

вается рождественский рынок. Там можно приобрести всякие нужные и не очень вещи: красивые войлочные шляпы, причудливой формы свечи и светильники, деревянные игрушки и соломенные корзины, расписные пряники, орехи, леденцы.

Вообще в Любляне очень красиво на Рождество. Улицы украшаются гирляндами и лесными красавицами — огромными елями. Запах хвои парит повсеместно. На рынке открывается елочный базар. На каждой продаваемой елке прикреплен ярлык: «подарок леса вашему дому».

Но вернемся на площадь Прешерна. На ней расположены три удивительных здания, построенные в стиле модерн. Это Центромеркур, Ура и первый в Любляне универсальный магазин, внутри которого можно увидеть необычную лестницу с богато украшенной растительным орнаментом кованой решеткой. Глядя на нее, невольно вспоминаешь описание универсального магазина в романе Золя «Дамское счастье».

На площади также расположена знаменитая церковь Благовещения, построенная в 1646–1660 гг. монахами августинцами. Позднее она принадлежала ордену францисканцев. В пристройках церкви расположился монастырь. В его западном крыле находится библиотека, в которой хранится более шестидесяти тысяч книг. Среди них есть и очень старые.

Для того чтобы попасть в старую часть города нужно перейти удивительный мост, спроектированный и построенный словенским зодчим Йоже Плечником¹ в 1929–1931 гг. Он получил название Тройного, поскольку разделен на три части: одна, самая широкая, предназначена для транспорта, а две другие — для пешеходов. Три моста, словно три луча, выходят из противоположного берега. Их края украшены белой балюстрадой, что придает инженерному сооружению кружевную воздушность. Переходя Люблянице, мы оказываемся в старом городе. Слева от нас располагается крытый рынок, также спроектированный Плечником. Уходящая вдаль колоннада рынка своей легкостью и изяществом дарит состояние покоя и гармонии. Заканчивается она Драконьим мостом, украшенным великолепно выполненными скульптурами драконов, автором которых был Юрий Занинович. Мост построен в 1901 г. Кстати, дракон является символом Любляны, и его изображения вы можете увидеть повсюду: начиная от люков колодцев на улицах и заканчивая фонарями.

Но вернемся к трем мостам. По Стритаревой улице мы попадаем на Городскую площадь (начало улицы Местни трг). Здесь сразу же бросается в глаза удивительное здание городской ратуши, построенное в стиле позднего барокко. Его архитектор — Грегор Мачек. Недалеко от ратуши расположен фонтан Франческо Роббы, символизирующий реки

Словении. Савва, Любляница, Крка изображены в виде символических фигур, выполненных в античном стиле. От Городской площади улица Местни трг идет параллельно набережной Любляницы. Это одна из самых старых улиц города. Ее тротуары вымощены булыжником. На улице располагается множество различных ресторанчиков и кафе. Есть чудный чайный магазин, где вы можете не только приобрести качественный чай, но и выпить чашечку кофе или чая с вкусным пирожным. Любляна славится своими кондитерскими изделиями и выпечкой. На этой улице играет ненавязчивая классическая музыка и создается впечатление, что ты оказался в сказочном городе. Пройдя по ней мы попадаем на Старую площадь. Здесь расположена церковь св. Иакова и знаменитый дворец Швайгеров. В центре площади стоит колонна, посвященной Деве Марии XVII в. Она была сооружена в благодарность Богоматери за защиту и избавление от турок.

Перейдя мост, мы попадаем на площадь Французской революции. Она была спроектирована Плечником в 1929 г. В ее центре возведена колона, прославляющая Наполеона и создание им Иллирийских провинций. Недалеко от площади Французской революции располагается бывший монастырь Крижанке. Раньше он принадлежал Тевтонскому ордену, который появился в Любляне в XIII в. Монастырь несколько раз реконструировали. Последнюю реконструкцию провел Плечник в 1950–1956 гг. С тех пор Крижанке стали театром под открытым небом, где проходят концерты Летнего люблянского фестиваля (сейчас они закрыты тентом). Впервые он состоялся в 1953 г. С тех пор в Любляну каждое лето съезжаются музыканты, певцы и актеры со всего мира. В фестивале принимали участие и известные российские музыканты. Среди них Юрий Башмет, Николай Луганский, Валерий Гергиев, Александр Ведерников, Денис Мацуев, Вадим Репин и многие другие. В фестивале участвуют и величайшие симфонические оркестры мира, в их числе — оркестр Академического Большого театра.

Поднявшись вверх по Госпской улице, мы оказываемся на площади Конгресса. Свое название она получила в честь одного примечательного события. В 1821 г. в Любляне, которая тогда официально носила немецкое название Лайбах, состоялся один из конгрессов Священного союза. В тот год в городе побывал русский царь Александр I. На этой площади во время съезда проводились торжественные парады. Главными достопримечательностями площади являются здание филармонии и находящаяся напротив него Церковь св. Троицы, построенная в 1726 г. в стиле барокко. В филармонии в настоящее время располагается филармонический оркестр, он был создан еще в 1701 г. Его почетными членами являлись

Гайди, Паганини, Бетховен, Брамс. Известно, что Бетховен подарил люблянской филармонии копию партитуры своей четвертой симфонии.

В парке Звезды, расположившемся на площади Конгресса можно увидеть два необычных памятника. Первый — это огромный якорь, который символизирует выход Словении к морю. Другой — копия небольшой золотой статуи римского аристократа, которая была найдена здесь при раскопках.

Говоря о достопримечательностях Любляны нельзя не упомянуть Люблянского замка, который гордо возвышается над городом. К нему ведут три улицы, каждая из которых не похожа на другую. Наиболее живописной является улица На град, название которой полностью передает ее назначение: это дорога в замок. По мере того как вы поднимаетесь вверх, перед вами открывается чудесный вид на Любляну, пестреющую красными черепичными крышами. Для человека живущего на равнинах, этот подъем является с непривычки трудным. Поэтому, чтобы облегчить туристам подъем, недавно был открыт фуникулер. Правда, его строительство нарушило один из самых живописных путей в замок, который проходил по лесу, растущему на склонах горы. Теперь этот путь значительно урезан. В замок можно попасть и на стилизованном паровозике, который идет от площади Прешерна. Поездка недолгая, но очень живописная.

Как только мы поднимаемся на гору, перед нами предстает великолепный архитектурный ансамбль. Впервые на этом месте замок появился в XI в. Он принадлежал графам Шпанхеймам, а в середине XIV в. перешел в руки Габсбургов. Свой современный облик замок приобрел в XVI в. Его знаменитая часовня была построена в 1848 г., на месте ее предшественницы, разрушенной в 1813 г. французами. В свое время в замке располагался госпиталь, военный гарнизон, тюрьма. Сейчас он является культурным центром. Здесь проходят концерты и выставки. С его стен и башни открывается панорамный вид на Любляну, которая со всех сторон окружена высокими горами со снежными вершинами. Это удивляет, поскольку в городе присутствие гор совершенно не ощущается. В замке есть уютное кафе, где можно выпить чашку фирменного кофе, а также один из лучших сувенирных магазинов Любляны, где представлена вся продукция словенского народного творчества. Люблянский замок — место, откуда не хочется уходить. Кажется, что здесь останавливается время, которое не властно над древними стенами и деревьями.

Не менее удивительным местом в Любляне является парк Тиволи. В нижнем парке расположены спортивные объекты: бассейн, каток, атлетические залы, площадка для гольфа. Есть цветочная оранжерея.

Верхний парк представляет собой лес. Когда попадаешь сюда, то не верится, что совсем рядом шумит город, ездят автомобили, спешат куда-то люди. Воздух в парке чистейший. Здесь есть несколько маршрутов, по которым можно пройтись. Наиболее популярным является маршрут на вершину Рожник. С 394-х метровой высоты открывается великолепная панорама Любляны и ее окрестностей. На вершине расположен дом Ивана Цанкара (1875–1918), известного словенского поэта и писателя. Сейчас здесь разместился уютный ресторан, в котором можно попробовать словенскую национальную кухню. Недалеко от дома Цанкара стоит церковь. Однако с Рожника следует уходить засветло, поскольку эта часть парка не освещена в вечернее время и спускаться с горы впопыхах довольно проблематично.

В десяти минутах ходьбы от парка проходит оживленная магистраль — Словенская улица. Здесь всегда много народа и машин. Тишина Тиволи остается позади. На этой улице расположен крупный универмаг «Нама» и самый большой в Любляне книжный магазин.

Несмотря на то, что Любляна небольшой город, о ней можно долго рассказывать и будет казаться, что сказано мало. Такова загадка столицы Словении. Побывав в этом городе хотя бы раз, воспоминания о нем навсегда останутся в памяти. Его камерность и отсутствие суеты благотворно влияют на жителя мегаполиса. В этот город хочется возвращаться снова и снова.

Примечания

¹ Йоже Плечник родился 23 января 1872 г. в семье столяра. Плечник с детства любил рисовать, но вынужден был продолжить дело отца. Четыре года, с 1888 по 1892 гг., он учился в столярной мастерской технической школы в Граце. После он отправляется в Вену, где учится в Венской академии искусств. В 1898 г. он получает диплом архитектора и в 1901 г. открывает свою архитектурную мастерскую. В это же время он преподает в Праге, а с 1921 г. занимается градостроительством в Любляне. Именно он создал такие архитектурные памятники как Тройной мост, крытый рынок, центральное кладбище, церковь свв. Франциска и Михаила, здание Национальной библиотеки и Университета. Умер Плечник в 1957 г.

Содержание

Предисловие	5
<i>Димитрий Рупел.</i> Исторические основы и перспективы российско-словенских отношений	8
<i>K. В. Никифоров.</i> На солнечной стороне Альп	10

I. История

<i>И. В. Чуркина.</i> Русские и словенцы на протяжении столетий	15
<i>Марьян Дрновшек.</i> Словенские миграции и Россия в XIX в.	31
<i>Стане Гранда.</i> Русско-словенские отношения в XIX в.	48
<i>Андрей Бенедейчич.</i> Русские и фронт Изонцо	52
<i>Йоже Пирьевец.</i> Словенцы и русские (1918–2008)	55
<i>Боян Годеша.</i> Очерк словенско-русских отношений в 1918–1945 гг.	67
<i>Эгон Пеликан.</i> Ревизионистские мифы в словенской историографии — антикоммунизм и демократия	71

II. Портреты

<i>А. Л. Хорошкович.</i> Барон Сигизмунд Герберштейн. Автобиография в зеркале «Записок о Московии»	88
<i>И. В. Чуркина.</i> Григорий Оглар-Карбонарий — личный врач Петра Первого....	100
<i>Л. А. Кирилина.</i> Янез Блейвейс и Россия	107
<i>М. М. Керимова.</i> Словенские сюжеты в научном наследии Харузиных	116
<i>Т. И. Чепелевская.</i> Павел Голиа в России (1914–1918 гг.)	145
<i>М. Л. Бершадская.</i> Братко Крефт и русская культура.....	155

III. Филология и этнография

<i>Е. Е. Левкиевская.</i> Словенская мифология на пограничье традиций	165
<i>Л. В. Куркина.</i> Лексическая общность словенского и восточнославянских языков на материале земледельческой лексики	175
<i>Катарина Огринц.</i> Тенденции формирования словенской терминологии (последняя четверть XVIII в.)	181
<i>Уршка Перенич.</i> Литературная жизнь в 1860-е гг. в Словении сквозь призму деятельности читален.....	190
<i>Н. Н. Старикова.</i> Словенская литература в России (проблемы изучения, преподавания, перевода)	211
<i>Ю. А. Созина.</i> Образ России в современной словенской литературе	222
<i>Сильво Торкар.</i> О названиях <i>Ljubljana</i> и <i>Laibach</i>	230
<i>И. Д. Макарова-Томинец.</i> О модификационной основе вариативности люблянского городского койне	238
<i>Н. С. Пилько.</i> Любляна — жемчужина словенских Альп.....	250

SLOVENICA I

История и перспективы российско-словенских отношений

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Е. Г. Орловский*

Корректор *И. Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56 / 26. Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12 / 27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 10.06.2010. Формат 60x88 1/6.

Усл. печ. л. 16. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 170 / 2010

Отпечатано в ООО "Типография "С-ПРИНТ"

Санкт-Петербург, ул. Обручевых, д. 7

| SLOVENICA | ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-СЛОВЕНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

